

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный институт культуры»

На правах рукописи

Любимов Андрей Григорьевич

**СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВНЫХ ПРАВЛЕНИЙ
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В XVIII ВЕКЕ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор
В.С. Толстиков

Челябинск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНЫХ ПРАВЛЕНИЙ (ЗАКАЗОВ) НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В XVIII ВЕКЕ	21
1.1. Причины и условия создания Духовных правлений (Заказов)	21
1.2. Организационные и кадровые аспекты функционирования Духовных правлений	42
ГЛАВА 2. ДУХОВНЫХ ПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В XVIII ВЕКЕ	74
2.1. Деятельность Духовных правлений по контролю духовенства и регулированию религиозно-общественной жизни населения	74
2.2. Участие Духовных правлений в борьбе с «расколом»	110
2.3. Проблемы взаимоотношений местных светских и церковных органов власти	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	161
ПРИЛОЖЕНИЯ	181

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Постсоветский этап развития России характеризуется возрождением деятельности традиционных религиозных конфессий, также ростом общественного и научно-исследовательского интереса к православию, в том числе к истории Русской Православной Церкви (РПЦ). В значительной степени все эти процессы детерминированы социально-экономическими и политическими трансформациями, происходящими в социуме, стремлением выработать новые духовно-нравственные ориентиры, способные консолидировать людей на решение сложных задач.

На рубеже XX–XXI вв., РПЦ, являясь крупнейшей конфессией в Российской Федерации, значительно активизировала свое участие в общественно-политической и культурной жизни страны, и как хранительница традиционных ценностей, стала претендовать на статус важного политического субъекта. Это находит определенную поддержку части народа и представителей властных структур, ассоциирующих процесс возрождения РПЦ с формированием новой национальной идеи и преодолением духовно-нравственного кризиса в стране. Наряду с этим в современном российском социуме, в том числе и среди верующих, наблюдаются и противоположные взгляды относительно сближения церковных и государственных властей.

В настоящее время, когда продолжается поиск новых форм взаимоотношений государства и церкви, важное научное и практическое значение приобретает изучение исторического опыта церковных реформ Петра I, приведших к формированию такого режима управления РПЦ, когда церковь оказалась в полном подчинении государства, и стала практически неспособной выражать волю и чаяния верующих.

В исследуемый период, органами власти, осуществлявшими управление и контроль всем спектром церковных дел на местах (в уездах) являлись Духовные правления, существовавшие в Российской империи с начала XVIII века. Недостаточная изученность их деятельности в целом и, в частности, при

освоении Южного Урала, роль и степень участия в организации церковно-религиозной жизни в период утверждения российского государства здесь, также обуславливает актуальность данной темы.

Объектом исследования являются Духовные правления, как местные органы церковной власти, связующее звено между епархией и приходами с верующим населением.

Предмет исследования – особенности создания, основные направления, формы и методы деятельности Духовных правлений по реализации церковно-государственной политики на Южном Урале.

Хронологические рамки предмета исследования, охватывают период с 1737 года по 1799 год. Нижняя хронологическая граница обусловлена образованием в 1737 году Исетской провинции, входившей первоначально в Сибирскую, а с 1744 года в Оренбургскую губернию. В 1781 году Исетская провинция в результате административной реформы была упразднена, основная часть её территории получила название – Челябинский уезд. Указ Павла I в 1799 году, переподчинил южно-уральское духовенство из ведомства Тобольской епархии во вновь созданную – Оренбургскую. Эта дата определила верхнюю границу исследования.

Территориальные границы – Южный Урал, являвшийся до 1917 года восточной частью Оренбургской губернии. Это современные Челябинская и Курганская области (до реки Тобол), также территории южной части Свердловской, Тюменской областей, бывшие северной и северо-восточной частью Исетской провинции.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном анализе создания, развития и деятельности Духовных правлений (Заказов) на Южном Урале в XVIII веке, их роли в региональной общественно-религиозной жизни. Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

– проанализировать специфические условия и особенности создания Духовных правлений (Заказов) на территории Южного Урала в начальный период его хозяйственно и социокультурного освоения;

- выявить организационные и кадровые аспекты функционирования Духовных правлений;
- раскрыть роль и место Духовных правлений в системе церковных органов власти, регулировании религиозно–общественной жизни в регионе;
- изучить деятельность Духовных правлений по руководству приходским духовенством, его сословные проблемы, взаимоотношения с населением;
- рассмотреть роль и участие Духовных правлений по борьбе со старообрядческим населением, а также конфликт духовных и светских властей при проведении политики подавления раскола;
- исследовать эффективность функционирования Духовных правлений и должностных лиц в системе симбиоза духовной и светской власти, выявить трансформацию данных отношений.

Степень научной разработанности проблемы. Данная тема не стала до настоящего времени предметом для исторических исследований, в историографии РПЦ является одной из наименее изученных: Духовные правления как органы местного контроля и управления, по сравнению с другими центрами церковной организации (Святейший Синод, региональные епархии), оказались вне поля зрения историков. Это связано с тем, что не сохранилась значительная часть самостоятельных архивных фондов Духовных правлений, относящихся к XVIII в., периоду их наиболее сильного, властного влияния и интенсивной работы.

Для достижения объективности историографического анализа важно иметь ввиду, что история создания и деятельности Духовных правлений не может быть представлена в отрыве от ряда общих вопросов и проблем РПЦ: состояния кадров духовенства, церковного строительства, государственно-церковной политики, взаимоотношений органов власти, миссионерства церкви, и т.д.

Хронологически научные публикации, необходимые для рассматриваемой темы можно условно разделить на три группы:

дореволюционный период (вторая половина XVIII в. – 1917 г.); советский (1917 г. – начало 1990-х гг.) и новейший (с 1990-х гг. – до настоящего времени).

Первая публикация, носившая в основном описательный характер, появилась в период становления Оренбургской губернии. Необходимо отметить, что начиная со второй половины XVIII в., в связи с продолжающимся процессом освоения Южного Урала и его интенсивным заселением, в центре внимания исследователей находились вопросы изучения природных ресурсов, территориально-хозяйственного устройства, этнического и конфессионального состава населения края. Чиновник Оренбургской губернской канцелярии – П.И. Рычков, обобщил сведения о «новозаведенной» губернии, в 1762 году его труд опубликован под названием: «Топография Оренбургская»¹. В нём содержатся сведения по географии, истории и экономике Исетской провинции, говорится о трудностях взаимоотношений с народами других культур, церковном строительстве и организации религиозной жизни на новых территориях.

В XVIII веке Южный Урал посетили несколько академических экспедиций, деятельность которых имела многогранный тематический характер. В их опубликованных трудах также содержатся сведения историко-краеведческого и церковно-религиозного характера, о составе населения и в целом об общих проблемах «Оренбургского края»². Исследования П.И. Рычкова и ученых-академиков явились важной, серьезной попыткой в деле создания истории Южного Урала.

В первой половине XIX века был опубликован большой труд: «Историческое обозрение Сибири»³, содержащий хронологическое описание от похода Ермака до правления Екатерины II. Для нашего исследования эта работа ценна тем, что в ней содержатся сведения о борьбе с расколом в Исетской

¹ Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии (в двух частях). Санкт-Петербург, 1762; Он же. История Оренбургская (1730–1750). Издание Оренбургского губернского статистического комитета. Оренбург, 1896.

² Например: Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства: В 5 т. Санкт-Петербург, 1773–1788. (Об Исетской провинции: Т. 2. Санкт-Петербург, 1786).

³ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Санкт-Петербург, 1838 [репринт. изд. под названием: История Сибири. От Ермака до Екатерины II. Москва, 2012].

провинции, численности населения Челябинска при проведении 3-й ревизии (1763–1765 гг.). В XIX веке об Оренбургском крае публиковались небольшие, в основном, по объему статьи и заметки, в которых содержалась, главным образом, информация краеведческого характера. Например, работы бывшего чиновника Р.Г. Игнатьева, как правило, имели описательный характер. В некоторых статьях он оценивал деятельность первых руководителей Оренбургской губернии⁴. Выпускник Духовной академии Л.С. Суходольский, кроме ряда статей, опубликовал церковную статистику Оренбургской епархии⁵. Но фактически, до конца века на региональном уровне оставались научно не освященными многие вопросы церковной истории.

Тематическая информация накапливалась благодаря появлению новых печатных изданий. Например, периодический журнал «Оренбургские епархиальные ведомости»⁶, выходящий с 1873 года, освещал многие церковные дела края, публикуя нередко исторические материалы, в том числе летописи православных храмов. Подобные издания в соседних епархиях также заслуживают внимания для нашего исследования, например, Тобольские, Пермские и Уфимские епархиальные ведомости⁷. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии»⁸, выходящие с 1897 года, содержали сведения как краеведческого характера, так и архивную информацию, иногда ценную для нашей работы.

Во второй половине XIX века в России появились исследования по различным аспектам деятельности духовенства. Так, А.П. Доброклонский отметил сложность церковного законодательства, представил сведения о таких

⁴ См., например: Игнатьев Р.Г. В.Н. Татищев, второй начальник Оренбургского края // Уфимские губернские ведомости. 1881. №№ 4–47.

⁵ Суходольский Л.С. Церковно-статистическое описание Оренбургской епархии // Оренбургские губернские ведомости. Оренбург, 1854, 1858, 1859 и 1863 гг.

⁶ Печатался в гор. Оренбурге, до 1917 года включительно, периодичность – два раза в месяц. URL: <http://www.lib.csu.ru/obibl/srkk15.html> (дата обращения: 15.03.2018).

⁷ Например: Сырцов И.Я. Самосожигательство Сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 17–18.

⁸ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1897–1917. Вып. 1–35.

учреждениях, как консистория и Духовное правление⁹. И.С. Беллюстин рассмотрел взаимоотношения духовенства с другими социальными группами¹⁰. Вопросы церковно-государственных отношений, освещали Д.И. Ростиславов¹¹, А.А. Папков, причем последний критиковал правительственную политику в отношении церкви, за возложение на неё частично «полицейских обязанностей»¹². Особенный интерес проявляли исследователи, как церковные, так и светские, к проблеме раскола¹³. В 1863 году напечатан свод распоряжений по расколу и дана историография темы¹⁴. Однако, собственно южно-уральские события, в то время освещались чрезвычайно мало.

В последней четверти XIX в. опубликованы научные работы по истории РПЦ, ставшие фундаментом для многих исследователей в дальнейшем. Например, П.В. Знаменский, среди прочего, провел анализ законодательства в отношении священства, изменения политики власти по отношению к РПЦ¹⁵. Интересна его работа – об образовании и духовных школах¹⁶. В Оренбургском крае исследователями в то время изучались различные аспекты церковно-религиозной жизни епархии¹⁷. Определенный интерес имеет и труд В.Н.

⁹ Доброклонский А.П. Руководство по истории церкви 1700–1890. Москва, 1893.

¹⁰ Беллюстин И.С. Описание сельского духовенства в России / Русский заграничный сборник за 1858 год. Берлин, 1859.

¹¹ Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866.

¹² Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII–XIX вв.). Историческая справка. Москва, 1899.

¹³ Например: Геринг И. Раскол и секты Русской церкви (1003–1897 г.). Санкт-Петербург, 1903; Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII века. Санкт-Петербург, 1861 [Репринт. изд.: Москва, 2012]; Нестор, иеромонах. Православие в Сибири (исторический очерк). СПб., 1910; Смирнов П.С. История Русского раскола старообрядчества. Санкт-Петербург, 1895; Щапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань, 1859.

¹⁴ Варадинов Н.В. История министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная книга. История распоряжений по расколу. Санкт-Петербург, 1863.

¹⁵ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра Великого. Издание: Университет, Казань, 1873.

¹⁶ Знаменский П.В. Чтения из истории русской церкви за время царствования Екатерины II // Православный собеседник. 1875; Знаменский П.В. Духовные школы в России, до реформы 1808 года. Казань, 1881.

¹⁷ Например: Сперанский И.А. Условия образования оренбургского духовенства в прошлом столетии // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 11–13.

Витевского, о первоначальном этапе освоения Южного Урала¹⁸. Важным достижением в изучении истории РПЦ и церковного строительства на территории Оренбургской губернии стало опубликование работы Н.М. Чернавского¹⁹. Различные аспекты истории РПЦ активно продолжали разрабатываться вплоть до 1917 года²⁰.

В советский период многие публикации рассматривали церковь как инструмент для одурманивания масс. Не укладывающиеся в этот трафарет исследования, игнорировались. Так, исторический очерк о Челябинске Н.М. Чернавского, оконченный им в 1920-е гг., где речь шла и о Челябинском Духовном правлении, не был издан²¹. Большинство авторов представляли духовенство исключительно как «иждивенцев» и «угнетателей»²². Более объективную позицию занимал Н.М. Никольский²³, на большом фактическом материале осветивший приниженную, бесправную роль и бедность основной массы приходского духовенства.

Исключением в канве тематических работ советского периода являются работы Н.Н. Покровского. В книге: «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян–старообрядцев в XVIII в.»²⁴ неоднократно упоминается Челябинское Духовное правление. Исследователь заметил, что в условиях политики,

¹⁸ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897.

¹⁹ Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем / Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900–1902. Вып. 7.

²⁰ Например: Титлинов Б.В. Правительство Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви. Вильно, 1905; Верховский П.В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX веках. Варшава, 1912; Харлампович К.В. Малороссийское влияние на Великоорусскую церковную жизнь. Казань, 1914.

²¹ Чернавский Н. М. Челябинск в его прошлом 1736–1925 (хроника). Челябинск, 2016.

²² Например: Венедиктов Д.Г. Палачи в рясах. Ленинград, 1933; Грекулов Е.Ф. Православная церковь – враг просвещения. Москва, 1962; Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. Москва, 1964; Дмитриев А. Церковь и идея самодержавия в России. Москва, 1930; Писарев В. Церковь и крепостное право в России. Москва, 1930; Рыбкин Г. Православие на службе самодержавия в России. Москва, 1930; Религия и церковь в истории России: Советские историки о православной церкви в России. Москва, 1975; Титлинов Б.В. Православие на службе самодержавия в Русском государстве. Ленинград, 1924.

²³ Никольский Н.М. История русской церкви. Москва, 1931.

²⁴ Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

направленной на уничтожение раскола, духовенство на местах нередко фальсифицировало ведомости о староверах, а в их отношениях обычным явлением стала взятка, помогавшая уйти от ряда проблем. При работе со значительным массивом документов автору не удалось избежать мелких ошибок, в том числе фактических²⁵, что не снижает качество его трудов.

Н.Д. Зольникова, создавшая ряд работ по истории РПЦ в Сибирской губернии²⁶, отмечала, что государство, предоставив духовенству сословные привилегии, требовало от него взамен безусловного служения и подчинения. Публикации о РПЦ в конце 1980-х гг. уже не содержали крайних оценок²⁷.

В постсоветское время появилась возможность всестороннего изучения церковной истории, активность в этом отношении проявили местные историки и краеведы²⁸. Доступ к архивным материалам помог осветить ранее неизвестные страницы духовной жизни на Южном Урале. Важным событием стало издание трудов историков-эмигрантов, ранее практически неизвестных²⁹. Новый импульс получила тема истории старообрядчества, борьбы с расколом³⁰.

²⁵ Одну такую важную фактическую ошибку выявил челябинский историк – Г.Х. Самигулов. Речь идет об Управительской Исетской (дистрикта) Канцелярии, названной Н.Н. Покровским Исетской Провинциальной Канцелярией. Данная ошибка (при ссылке на Н.Н. Покровского) была повторена некоторыми авторами.

²⁶ Например: Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (в XVIII веке). Новосибирск, 1981; Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990.

²⁷ Например: Русское православие: вехи истории / Науч. ред., глава авторск. кол. А.И. Клибанов. Москва, 1989.

²⁸ Например: Дегтярев И.В., Боже В.С. Купола над городом: исторические судьбы челябинских церквей. Челябинск, 1992; Исторические чтения: Мат-лы конф. Челябинск, 1996; Исторические чтения: Мат-лы конф. Челябинск, 1997; ;Исторические чтения: Мат-лы конф. Челябинск, 2000; Исторические чтения: Мат-лы конф. Челябинск, 2004; Челябинск неизвестный: Краеведческий сборник / сост. В.С. Боже. Челябинск, 1996. Вып. 1; Челябинск неизвестный: Краеведческий сборник / сост. В.С. Боже. Челябинск, 1998. Вып. 2; Боже В.С. Духовные правления (справочная статья) // Челябинская область: энциклопедия. Т.2. Челябинск, 2004. С. 205.

²⁹ Например: Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви В 2 т. Москва, 1988; Смолич И.К. История Русской церкви: 1700–1917. В 2 т. Москва, 1996.

³⁰ Например: Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996; Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.). Москва, 2013; Урушев Д.А. История русского старообрядчества. Москва, 2015; Белобородов С.А., Боровик Ю.В. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII – начала XX в. Екатеринбург, 2017.

Главным образом, работы историков уральского региона, представляют для нас интерес³¹. Например, в коллективной монографии: «История культуры Южного Зауралья», в главах, посвященных XVIII веку есть статьи о церковном строительстве на Урале в XVII–XVIII вв., о Далматовском монастыре, о проблеме раскола в ту эпоху³². Отдельные исследования воплощаются в обширного объема издания³³.

За последние годы количество публикаций по истории РПЦ стало весьма значительным, отличающихся большим разнообразием тем³⁴. Растет также число диссертационных исследований по смежной, но важной для нас тематике³⁵. Отметим здесь работы челябинского историка А.И. Конюченко – о

³¹ Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998; Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781). Екатеринбург, 2001.

³² История культуры Южного Зауралья. Т. 1: Становление древних цивилизаций. Феодалный и капиталистический периоды. Курган, 2005.

³³ Например: Антипин Н.А., Купцов И.В. Православные храмы Челябинска: история и современность. Челябинск, 2015; Самигулов Г.Х. Из истории Челябинска. В 3 кн. Кн. 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год. Челябинск, 2015.

³⁴ Например: Конюченко А.И. Основные этапы и черты динамики монастырского строительства на Урале (в XIV – начале XX в.) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017. № 1. С. 100–111; Миронов Б.Н. Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в имперской России // *Исторический журнал: научные исследования*. № 1 (25). 2015. С. 65–80; Пулькин М.В. Дуэль с антихристом. По материалам расследований самосожжений // *Научно-практический журнал*. 2016. Т. 7. № 4. Суицидология. С. 57–63; Пулькин М.В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX вв. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск, 2009; Старостин Е.В. Архивы Русской Православной Церкви (X–XX вв.). Учебн. пособие. Москва, 2011.

³⁵ Например: Белова Н.В. Провинциально духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: быт и нравы сословия: на материалах Ярославской епархии: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2008; Белькова А.Е. Метрические книги первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления как жанр деловой письменности. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Сургут, 2009; Жалсараев А.Д. Становление и развитие церковно-административной системы РПЦ в Забайкалье (середина XVII – начало XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006; Закржевский А.Г. Архиерейская власть в системе церковно-государственных отношений в первой половине XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2000; Клейменов В.А. Взаимоотношения епархиальных и светских органов управления в Московской губернии в середине – второй половине XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2006; Макарчева Е.Б. Сословные проблемы духовенства Сибири и церковное образование в конце XVIII – первой половины XIX в.: По материалам Тобольской епархии: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001; Фот А.Г. Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX века:

системе духовного образования в Оренбургской епархии; о православном духовенстве России XIX–XX вв., где помимо решения ряда научных задач, делается обстоятельный и полный анализ изучаемых вопросов³⁶.

Значительный информационный ресурс сегодня имеется и в электронном виде, в сети Интернет. РПЦ представляет в нем вполне качественный контент, в том числе Православную энциклопедию, обширную библиотеку, ряд периодических изданий и многое другое³⁷.

Многие авторы сообщали о наличии и функционировании Духовных правлений, не исследуя проблематику их деятельности или касаясь периода XIX века. Например, О.П. Цысь в своей статье (вошедшей позже в монографию по смежной тематике) рассматривает особенности функционирования Духовных правлений на Тобольском Севере в 1810–1860-х гг.³⁸. В XIX веке, утратившие власть Духовные правления служили для передачи и обмена информацией между епархиальной властью и приходом. Географический аспект влиял на то, что данные учреждения оставались необходимыми, особенно на огромных, малозаселенных территориях Тобольского Севера. Автор упоминает, что изначально Духовные правления являлись важными административно-организационными центрами в управленческой структуре РПЦ. Представляет также интерес исследование о духовенстве Псковской епархии, где отдельный параграф посвящен Духовным правлениям³⁹.

Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2017; Шаляпин С.О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков: монография. Архангельск, 2013.

³⁶ Конюченко А.И. Духовное образование в Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996; Он же: Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2006.

³⁷ Например: Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru> (дата обращения: 04.01.2021); https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_православная_церковь (дата обращения: 04.01.2021); Русская Православная Церковь. Официальный сайт: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 04.01.2021); История РПЦ XVII–XXI вв. в русской и зарубежной историографии: http://library.tversu.ru/images/stories/tem_spis/История%20РПЦ.pdf (дата обращения: 07.01.2018).

³⁸ Цысь О.П. Духовные Правления как звено церковного управления на Тобольском Севере в 1810–1860-х гг. // Вестник ПСГУ. Серия II: История. 2017. Вып. 75. С. 22–38.

³⁹ Лебедев В.Б. Псковское духовенство во второй половине XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2003.

Деятельность Далматовского духовного правления в XVIII веке кратко рассмотрена Нечаевой М.Ю., дана информация об этом монастыре в Православной энциклопедии⁴⁰. История знаменитого в прошлом духовного центра Урала опубликована подробно в начале XXI века⁴¹, во многом опираясь на работы дореволюционных исследователей⁴², О Челябинском Духовном правлении, бывшим также региональным церковно-управленческим центром, литературы не имеется, как и о других южно-уральских Духовных правлениях.

Историографический анализ показывает, что наиболее изученными являются темы, посвященные истории РПЦ и духовенства, взаимоотношения церкви и государства. В то же время, вне поля зрения исследователей осталась деятельность местных церковных органов власти – Духовных правлений, как в России в целом, так и на Южном Урале в XVIII веке.

Источниковая база – Цель и задачи исследования потребовали привлечения и анализа широкого круга источников различного происхождения. В качестве основного массива источников были использованы неопубликованные материалы, извлеченные из 16 фондов 6 архивов. Это: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный исторический архив (РГИА), Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО), Государственный архив в городе Тобольске (ГАТ), Государственный архив в городе Шадринске (ГАШ).

В РГАДА хранятся фонды светских органов власти, в том числе – Исетской провинциальной канцелярии (Ф–429), руководившей южно–

⁴⁰ Нечаева М.Ю. Далматовское духовное правление в XVIII веке // Исторические чтения: Мат-лы конф. «Неизвестный Челябинск» (1994), «Церковь и религия на Урале» (1995). Челябинск, 1996. С. 59–63; Манькова И.Л., Нечаева М.Ю. Далматовский в честь Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь // Православная энциклопедия. – Москва, 2006. Т. XIII. С. 659–664.

⁴¹ Пашков А.А. Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь / под редакцией Емельянова Н.Ф. – Шадринск, 2000.

⁴² Например: Самойлов Н.С. Историческое описание Далматовского Успенского мужского монастыря, состоящего в Пермской губернии. М., 1830; Плотников Г.С. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря (в Екатеринбургской епархии Пермской губернии). Екатеринбург, 1891.

уральским регионом; фонд Шадринской управительской канцелярии (Ф–614), управлявшей, наряду с подобными канцеляриями, в уездных территориях. В РГИА находятся фонды министерств и ведомств России. В фонде канцелярии Синода (Ф–796) сохранилась переписка с Тобольской консисторией. В ГАОО фонд Оренбургской Духовной консистории (И–173) содержит ряд дел, касающихся Исетской провинции. ОГАЧО располагает фондами Духовных правлений: Воскресенского (И–50), Троицкого (И–65), Челябинского (И–33). Важное значение имеют для нас фонды: Челябинской городской управы (И–3); Челябинского земского суда (И–44); комиссара Миасской крепости (И–63); рукописи неизвестных авторов (И–79); коллекция метрических книг (И–226). Для исследования важна подборка документов XVIII века из архивного фонда И–33 (автор–составитель, архивист Е.Н. Сухина)⁴³. Документы данного фонда сохранились, за редким исключением, лишь от 1774 года, а дела предыдущих лет утрачены. Фонд Тобольской консистории (И–156) в ГАТ, хранит наиболее полный свод дел о Духовных правлениях Исетской провинции. ГАШ в ряде фондов местных населенных пунктов (Ф–358, Ф–316 и др.) содержит делопроизводственную переписку священства Шадринского дистрикта с Тобольской консисторией. Наиболее обширный из них – фонд Далматовского Успенского монастыря (Ф–224). Таким образом, документы Духовных правлений Южного Урала имеются в различных архивах, но за период 1730–1760-х гг. сохранились фрагментарно.

Среди архивных материалов, делопроизводственная документация представляет собой специфичную группу источников, содержащих различные отчеты, ведомости, формулярные списки, прошения, жалобы духовенства, статистику, деловую переписку, в том числе дающую представление о взаимоотношениях духовных и светских властей. Распоряжения епархиальных властей показывают, как происходила реализация государственной политики,

⁴³ Сухина (Воронкова) Е.Н. Челябинская старина. Вып. IV. Документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века, содержащие сведения о старообрядцах Челябинской округи. Челябинск, 2005; Челябинская старина. Вып. VI. Деловые документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века. Челябинск, 2006.

было ли сопротивление ей, в каком виде это действовало на местах, за что отвечали Духовные правления.

Группу опубликованных источников представляют законодательные материалы, источники нормативно–распорядительного характера. Прежде всего, это: «Полный свод законов Российской империи», «Протоколы Правительствующего Сената», «Описание документов и дел хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода» и некоторые другие⁴⁴. Нормативно–правовые акты позволяют проследить государственную политику по отношению к РПЦ, определить ее основные направления и изменения. Так, «Духовный Регламент», «Обозрение церковно–гражданских узаконений по духовному ведомству», не только содержали правила, законы и распоряжения, но и объясняли многие вопросы, встречавшиеся в приходской практике, и этим были необходимы духовенству в повседневной служебной деятельности⁴⁵.

Все эти источники позволяют не только раскрыть содержание и деятельность Духовных правлений, но и в значительной степени реконструировать церковно-религиозную жизнь в регионе в период его хозяйственного и социокультурного освоения.

Методология исследования. Методологической основой стала теория модернизации, обладающая значительным потенциалом для решения поставленных задач. Под углом зрения модернизации рассмотрен широкий круг проблем: от территориальной экспансии и национального вопроса, до показа элементов микро–истории и, конечно, взаимодействия общества и государства как движущей силы социальных изменений. В этом плане важно изучение различных уровней системы «государство–общество», её качества, объективный взгляд на вертикали власти, при более обстоятельном освещении

⁴⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ) 1649–1850. Санкт-Петербург, 1830–1916; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Санкт-Петербург, 1889–1915; Сенатский архив. Протоколы Правительствующего Сената. Санкт-Петербург, 1888–1913. И др.

⁴⁵ Ивановский Я.И. (составитель). Обозрение церковно–гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к уставу Духовных консисторий и своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Санкт-Петербург, 1900.

деятельности Духовных правлений, как её части. Серьезной проблемой в рассматриваемый период являлось «недоуправляемость империи, как причина медленной ее модернизации»⁴⁶. В рамках теории рассмотрены процессы огосударствления РПЦ, взаимоотношений церковной и светской власти, церковного раскола. События в Российской империи в XVIII веке представляли собой сложную картину многогранных перемен, менявших государство и общество, как силовым путем, так и в результате естественных цивилизационных изменений.

Значительные возможности для изучения проблем, относящихся к теме данного исследования, представляет концепция фронта, которая в последнее время активно разрабатывается и используется, в том числе уральскими историками, при анализе процессов колонизации новых территорий⁴⁷. Известно, что фронт означает также зону освоения и организации на ее просторах хозяйственной, социальной и духовной жизни. Южный Урал как раз и являлся такой зоной фронта, потому что в XVIII веке сохранял еще множество фронтальных черт. Региональный фронт является объектом исследования и в научных работах диссертационного уровня⁴⁸.

При работе использовались традиционные в исторической науке принципы и **методы** исследования, такие как историзм, системность и объективность, предполагающие в данном случае выяснение причинно-следственных связей между различными явлениями, характерными для

⁴⁶ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. Санкт-Петербург, 2015. С. 422–457.

⁴⁷ Например: Алексеев В.В. Фронтальная модернизация в имперской России // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17. № 2. С. 6–13; Буканова Р.Г., Тычинских З.А., Муратова С.Р. Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв. // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 89–95; Зубков К.И. Фронт как исследовательская парадигма // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 63–72; Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–64; Побережников И.В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72–81.

⁴⁸ Например: Данилюк М.Ю. Роль РПЦ в политике России в Дагестане во второй половине XVIII – начале XX века. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2007. С. 5; Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 529–535.

ситуации, сложившейся на Урале в середине XVIII века, тенденций дальнейшего развития данного процесса. Историко-сравнительный метод нужен для изучения предмета исследования в пространстве и времени, для показа явлений по сходству и различию. Для изучения элементов быта духовенства, его жизненных ценностей использовался историко-антропологический подход. При реконструкции событий также применялся нарратив, по *проблемно-хронологическому принципу*. При обобщении информации использовались методы классификации, индукции и дедукции, системного анализа, а при работе с документами, представленными в основном рукописными материалами, палеографический метод. Таким образом, исследователь обращался к междисциплинарности и полинаучности. Синтез методов позволяет комплексно и объективно рассмотреть деятельность церковных органов власти в XVIII веке.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в отечественной историографии проанализирован процесс создания и функционирования Духовных правлений как органов местного управления РПЦ в синодальный период на Южном Урале, во взаимосвязи с общероссийской государственно-церковной политикой, реализуемой в то время. Выявлены и обоснованы организационные и кадровые аспекты в деятельности Духовных правлений, основные направления их участия по организации и контролю религиозно-общественной жизни населения на вновь присоединенных к империи территориях. Существенное внимание было уделено важным проблемам в жизни и деятельности провинциального духовенства, борьбе с расколом.

Ввод в научный оборот ряда неопубликованных материалов позволил охарактеризовать не только содержание государственно-церковных отношений, но и в значительной степени реконструировать наличие серьезных противоречий и противодействий между государственными и церковными органами власти, которые в значительной мере способствовали обострению социально-политической напряженности в Оренбургском крае.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности использования её результатов в научной работе различного уровня: обобщающих научных трудов по истории России, истории Урала, и Южного Урала в частности. Материалы диссертации могут применяться в учебной работе: для лекций, семинаров, курсов, посвященных истории церкви и духовенства, вопросам освоения Оренбургского края. Исследование представляет интерес для изучения генеалогии уральского священства и других групп населения (дают информацию об архивных источниках), также для просветительской, краеведческой деятельности.

Положения, выносимые на защиту.

1. Духовные правления являлись востребованными управленческими органами власти РПЦ, осуществлявшими на местах весь спектр церковных дел и управления подведомственным духовенством, также контроль населения посредством проверки «духовных росписей». Особенно значимой и необходимой была роль Духовных правлений в пограничных и осваиваемых регионах – зонах фронта.

2. Деятельность южно-уральских Духовных правлений и духовенства в исследуемый период проходила в крайне тяжелых условиях завоевания, первичного русского заселения и освоения края. Выполнение возложенных на них обязанностей было сопряжено со многими трудностями, проходило в атмосфере повышенной напряженности, конфликтности, как в своей среде, так и в межсословной, межэтнической. Бытовая неустроенность и жизненная напряженность, нередко вели к проявлениям девиантного поведения клириков.

3. Отсутствие финансирования или крайняя его недостаточность вынуждали Духовные правления пассивно относиться к финансовой зависимости духовенства от прихожан. Причты обычно шли на неформальный сговор с представителями своей паствы, на служебный подлог. Данный системный недостаток не преодолен в течении XVIII века. В таких условиях, для населения представитель духовенства не являлся духовным пастырем, а был лишь исполнителем его мирских «треб». Межличностные неофициальные

отношения стали основными во взаимодействии между причтом и прихожанами.

4. Служебная деятельность уральского духовенства XVIII века не основывалась на четком законодательстве, в связи с его фактическим отсутствием. Глава Духовного правления – «Заказчик», для провинциального священства в повседневности был главным начальственным лицом. Он практически не участвовал в местной духовной жизни, и поэтому отождествлялся населением с властью непосредственно самого государства. Основой отношений между Заказчиками и подведомственным духовенством было жесткое подчинение, страх физического наказания или штраф, что весьма принижало авторитет духовного сословия среди верующих.

5. В системе отношений духовных иерархов и представителей светской власти присутствовала неприязнь, самостийность, нередко переходившая в открытое противостояние. Особенно данное явление проявилось в середине века в событиях борьбы с расколом. Высшая государственная власть с большим запозданием реагировала на повышенную проблемность в этом вопросе, что привело на Урале к опасному уровню социально–политической напряженности.

6. Духовные правления после реформы секуляризации церкви, наравне с епархиальными иерархами значительно утратили свою власть, превращаясь всё более в бюрократическое «ведомство православного исповедания», что постепенно меняло и ментальное отношение значительной части населения к деятельности РПЦ. Системные недостатки в управлении государственными и церковными структурами, в условиях подавления абсолютной монархией проявлений общественного протеста, вели к торможению политического и социально-экономического развития страны.

Апробация работы. Основные результаты исследования были представлены в 15 научных публикациях и докладывались автором на международных, российских и региональных научных конференциях: «Седьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва–Омск: 2013); «Молодежь в науке и культуре XXI века» (Челябинск: ЧГИК, 2017);

«Гороховские чтения» (Челябинск: ГИМ, 2013, 2016, 2017); «Урал. Православие. Культура» (Челябинск, 2018); Межвузовский научный конгресс «Высшая школа: научные исследования» (Москва, 2019); Международный научно-творческий форум «Молодежь в науке и культуре XXI века» (Челябинск: ЧГИК, 2019).

Структура диссертация определяется целями и задачами исследования, состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНЫХ ПРАВЛЕНИЙ (ЗАКАЗОВ) НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В XVIII ВЕКЕ

1.1. Причины и условия создания Духовных правлений (Заказов)

XVIII век – это эпоха важнейших преобразований, укрепления самодержавия и, одновременно, время социальных противоречий, повышенной напряженности, особенно на пограничных и вновь осваиваемых территориях Российской империи. Одной из таких территорий являлся Южный Урал – зона фронта, где на протяжении многих лет шло взаимодействие многих народов, далеко не всегда мирное. В частности, это межэтнические конфликты, башкирские восстания, а позднее и события 1773–1774 гг. Основными причинами этих явлений стало активное наступление русского государства на традиционную жизнь местного населения, строительство крепостей и заводов, насильственная христианизация инородцев. Одними военными мерами присоединить новые территории было сложно, поэтому на Южный Урал привлечены были русские переселенцы и представители других национальностей.

Большой миграционный поток на Урал и далее в Сибирь был следствием чрезвычайно жесткой политики императора Петра I в отношении «податного» населения: «за 1719–1727 гг. было зафиксировано при проверке ревизии 198,8 тыс. душ беглых крестьян»⁴⁹. Не помогали многочисленные указы, ужесточившие наказание беглых, тенденция сохранялась на протяжении десятилетий. Значительная часть населения фактически бежала со своих «старинных» обжитых мест. «Куда-нибудь должен же был отливаться огромный процент беглого населения...»⁵⁰. Рост его в зонах фронта шел быстрыми темпами, в то время в срединной России: «прилив населения был настолько

⁴⁹ История России с начала XVIII до конца XIX века. Институт Российской истории РАН. Москва, 1997. С. 56.

⁵⁰ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Санкт-Петербург, 1905. С. 196.

незначителен, что даже не мог покрыть убыли, и мы должны *a priori* ожидать более значительной колонизации...»⁵¹. Поток людей из коренной России «растворялся» в зонах фронта⁵². За первую четверть XVIII века прирост населения Сибирской губернии в её европейской и азиатской части составил 7,9 и 169,3 % соответственно⁵³.

Территория за Уральским хребтом именовалась в то время Сибирью, лишь во второй четверти XVIII века «можно сказать <...> вполне вошедшей в государственный строй России»⁵⁴. Обычен был здесь произвол властей: «Такое значение административной власти не могло не отразиться на мировоззрении <...> грамотных людей не было, если не считать духовенство, то приходится допустить, что в служилые люди, произведенные в чины, попали не коренные сибиряки, а пришлые, беглые, так как служба по администрации требовала знания грамоты»⁵⁵.

Большой приток русского населения на окраины страны повлек, так или иначе, сопутствующее этому ущемление прав значительных групп местного населения. Башкирское восстание 1709–1711 гг. совпало по времени с указанными нами выше процессами, вынужденной русской миграцией. Башкирское население воспринимало наступление русского государства как экспансию, которая: «внесла большие перемены в жизнь коренного населения и привела к дальнейшему усилению феодального и национального угнетения»⁵⁶. Процесс сопротивления колонизации, по вполне понятным причинам, имел волнообразный характер. Восстания по прошествии нескольких лет затухали

⁵¹ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Санкт-Петербург, 1905. С. 201.

⁵² История России с начала XVIII до конца XIX века. Институт Российской истории РАН. Москва, 1997. С. 160–161.

⁵³ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Санкт-Петербург, 1905. С. 196.

⁵⁴ Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 2-я. Период с 1660 года до воцарения Императрицы Елисаветы Петровны. Санкт-Петербург, 1889. С. 403.

⁵⁵ Там же. С. 402.

⁵⁶ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. (Коллектив авторов) Глава VIII. Активизация политики царизма в Башкортостане. Борьба народных масс против феодального и национального гнета в 30–50-х годах XVIII в. Уфа, 1996. С. 231.

(подавлялись), но причины их возникновений сохранялись, всё это, рано или поздно, приводило к повторению событий. Так, недолго после образования в 1734 году Оренбургской экспедиции, башкирское сопротивление вспыхнуло с новой силой. Возник «резкий протест со стороны башкир, потому что строительство крепостей, сопровождаемое изъятием башкирских земель, непосредственно задевало насущные экономические интересы широких масс башкирского народа, земли находились во владении не отдельных лиц, а целых волостей. Сопротивление постройке Оренбурга выросло в крупное башкирское восстание...»⁵⁷.

«С началом деятельности Оренбургской экспедиции политика по укреплению идеологических позиций правительства с помощью православной церкви постепенно охватывает и Башкирию. Прежде всего под контроль была взята деятельность мусульманского духовенства. По указу от 11 февраля 1736 г. численность представителей высшего мусульманского духовенства в Башкирии – ахунов – сокращалась...»⁵⁸. Ответной реакцией на политику власти по регулированию и подчинению башкир, использованию против них силовых методов, было активное сопротивление. Причем, надо заметить, что ненависть по отношению к царской власти имела и у части русского староверческого контингента, шедшего на Урал в поисках более свободной жизни.

Присоединение к России огромной территории, названной Оренбургским краем (ставшей губернией в 1744 г.), произошло всё же относительно легко, так как не потребовало больших военно-экономических усилий, став ценнейшим приобретением государства⁵⁹. Огромные природные ресурсы, созданная на их основе промышленная и сельскохозяйственная база, во многом способствовали развитию и укреплению могущества страны, что трудно переоценить.

⁵⁷ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. Москва, Ленинград, 1950. С. 35.

⁵⁸ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. (Коллектив авторов) Глава VIII. Активизация политики царизма в Башкортостане. Борьба народных масс против феодального и национального гнета в 30–50-х годах XVIII в. Уфа, 1996. С. 228.

⁵⁹ Есть и противоположные оценки относительно присоединения новой территории. См.: Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1. Казань, 1897. С. 152.

Выгодное геополитическое положение объективно способствовало развитию торговых, экономических и культурных связей Оренбургской губернии со Средней Азией. Территория края, по сути, являлась связующим звеном цивилизаций Азии и Европы.

Однако, эти положительные процессы происходили в русле решения разного рода трудностей и противоречий, нередко искусственно создаваемых властями. Характерной особенностью зоны фронта являлось то, что межнациональные, политические, экономические, религиозные проблемы решались в основном силовыми методами, что было в традиции ментальных представлений, господствовавших в тот период времени. Опыт российской и мировой истории свидетельствует, если высшая власть держит под жестким контролем управление в государстве, то любая система, даже порочная и не эффективная, может существовать и функционировать довольно длительное время.

Система российского государственного управления под эгидой самодержавия, в первой половине XVIII века представляла в какой-то мере симбиоз (синтез) двух ветвей власти: светской и духовной, во главе которых находились столичные высшие учреждения – Сенат и Синод. Главной считалась и фактически ею являлась власть светская, государственная. Но и власть церкви, несмотря на значительные законодательные ограничения, введенные Петром I (такие как Синодальная реформа, Духовный регламент), исходя из исторической и ментальной традиции, а также консервативных представлений большинства людей того времени, обладала значительной, реальной силой. Более того, равное положение и значение данных властей в государстве декларировалось Высочайшими Указами⁶⁰. Характерно, что на

⁶⁰ Например, Указ Синода от 31 октября 1746 года: «О сношении духовным с светскими правительствами промемориями», напоминал на этот счет указания, сделанные Петром Великим, и резюмировал, чтобы из «подчиненных Правительствующему Сенату правительств, к преосвященным архиереям указами писать было запрещено...». См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 3 (1746–1752). № 990. Санкт-Петербург, 1912. С. 63; ПСЗ РИ, Т. XII. № 9342. 1830. С. 618–619.

местах ветви власти были автономны относительно друг друга, решая дела, каждая под началом собственного руководства.

После введения синодальной системы управления РПЦ, продолжились организационные и административные изменения в этой сфере, которые не всегда подкреплялись достаточной законодательной базой и проработанностью решений, в том числе в размежевании функций учреждений церковного управления. Имело место смешение и дублирование функций учреждений, с другой стороны, было слабое качество управления и контроля провинциальных церковных дел. Чтобы решать назревшие проблемы, укрепить связи Синода, епархиальных архиереев с местным духовенством и верующими, в начале XVIII века были созданы Духовные правления (Заказы) – руководящие церковные органы, действовавшие на территориях уездов провинций. Они должны были вести не только весь спектр церковных дел, но и контролировать население, не позволяя утверждаться в его среде различным религиозным ересям, также проводить миссионерскую работу. К тому же, одной светской власти, при мизерности чиновников в то время, трудно было справляться с функциями контроля населения, особенно на территориях зон фронта. Так, обе ветви власти совместно решали большое количество стоящих перед ними задач.

В исследуемый нами период институт церкви продолжал быть одним из столпов государственности, но уже много лет был не стабилен, подвергаясь трансформации. Императорская власть постепенно превращала его, по сути, в узко сословное государственное ведомство, где полагалось решать и внутривластные задачи, одной из которых стало осуществление контроля подведомственного населения. Но, как отмечал известный историк С.М. Соловьев, духовенство в течении продолжительного времени не могло полно и качественно исполнять эту новую для него задачу, где проявилась: «неготовность клира к выполнению полицейско–надзорных функций за

населением. Духовенство само нуждалось в более действенном контроле со стороны епархиального руководства»⁶¹.

Под угрозой штрафов и других наказаний, духовенству стало вменяться в обязанность строго следить за тем, чтобы верующие посещали богослужения и исповедовались. Духовные правления, являясь местными органами церковной власти, должны были контролировать кадры приходского духовенства, а через его отчеты, и духовную жизнь населения подведомственной территории. «Заказчик», в силу единоличного правления, имел большую авторитарную власть над подчиненным духовенством, был представителем и наместником высшей церковной власти, имел широкую свободу в своей деятельности. Перед консисторией заказчик отчитывался рапортами и «доношениями», то есть как подчиненный, с органами же провинциальной светской власти вел переписку как равный, рассылая так называемые «промемории». Монархический принцип: «государство – это я», озвученный в XVII веке французским королем Людовиком XIV, соответствовал и российской ментальности восприятия власти, как личностного правления, основанного на безоговорочном иерархическом подчинении⁶². В абсолютистском государстве стиль и методы руководства, в том числе и духовного, зависели во многом от склонностей и особенностей характера конкретного руководителя. Всё это непосредственно влияло на жизнь и работу не только духовенства, но и местного населения, на происходящие события, на местный общественно–духовный климат.

Территория Южного Урала и Зауралья до 1737 года являлась южной частью Тобольского уезда, Сибирской губернии. До начала 1740-х гг. в Исетском пограничье функцию духовного управления осуществлял Успенский Далматов монастырь, именовавшийся в 1730-е гг. иногда заказом, а еще чаще –

⁶¹ Павлушков А.Р. Проблема изучения правонарушений православного духовенства в отечественной историографии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 2. С. 15.

⁶² «Само слово *государство–господарство* в первоначальном своем значении указывает на *домовладыку*, который, конечно, не был представителем равновесия борющихся домочадцев, а был полновластным хозяином родового общества». См.: Домострой (подготовка текстов: В.В. Рождественская, В.В. Колесов, М.В. Пименова). Москва, 1990. С. 22.

монастырским правлением. С 1731 года руководил монастырем, являясь одновременно и главой самого большого на Урале Духовного Заказа – архимандрит Сильвестр⁶³. Размеры Далматовского Заказа были достаточно внушительны: «В 1735 году в нем насчитывалось 40 приходов, в которых проживало 28503 человека обоего пола. Территория заказа менялась неоднократно, как за счет строительства новых церквей и открытия приходов, так и за счет перераспределения приходов между уральскими заказами, диктовавшегося текущими заботами церковно-административного управления»⁶⁴. Наместник монастыря решал, в числе прочего, кадровые вопросы зауральского духовенства, согласовывая с Тобольским митрополитом. В начале 1730-х гг. Далматовский монастырь являлся региональным религиозно-церковным центром. В то время в нём шло большое строительство – каменных стен и храмовых зданий. Около Далматовского центра церковного управления группировались небольшие Духовные заказы (например, Арамилский, Екатеринбургский, Невьянский). Дополнительный кадровый состав духовенства понадобился в связи с новой волной колонизации близлежащего пространства к югу от реки Исеть, где на новом пограничье началось создание и обустройство ряда новых крепостей.

Указом императрицы Анны Иоанновны от 13 августа 1737 года была образована Исетская провинция, административно подчиненная Оренбургской экспедиции⁶⁵. В ведомство провинции поначалу вошло три дистрикта: Исетский, Окуневский, Шадринский, кроме того земли зауральских башкир от рек Ай и Яик до рек Уй и Тобол, где и шло строительство русских крепостей. В результате, территория созданной провинции стала самой населенной в Оренбургском крае и вообще на всём пространстве империи на восток от

⁶³ Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург, 1891. С. 67.

⁶⁴ Нечаева М.Ю. Далматовское духовное правление в XVIII веке // Исторический чтения: материалы научных конференций. № 2. Челябинск, 1996. С. 60.

⁶⁵ ПСЗ РИ, с 1649 года. Т. X (1737–1739). № 7347. Санкт-Петербург, 1830. С. 242–244.

Урала⁶⁶. Более того, тенденция прироста населения была здесь очень высокой. Так, если первая ревизия в 1719 году зафиксировала здесь 23542 душ мужского пола, то вторая ревизия 1744 года, соответственно, 58919⁶⁷. В конце 1740-х гг. общая численность жителей составляла около 100 тыс. человек. Среднегодовой прирост населения в период с 1-й по 2-ю ревизию (за два десятилетия) составил 6 %, что было значительно выше, чем в соседних регионах⁶⁸.

В Исетской провинции находились и самые большие на востоке страны (за Уральским хребтом) обрабатываемые сельско–хозяйственные площади, что позволяло не только обеспечивать собственное потребление, но и накапливать большие излишки продовольствия. «По свидетельству академика П.С. Палласа, урожаи ржи, овса, пшеницы в Исетской области были в хорошие годы в большей части мест сам–десять и более»⁶⁹. Он же отмечал, что здесь отменный и большой слой пашенных черноземов. «Наличие земельных просторов позволяло засеивать земли на одном и том же участке по 10–12 лет подряд»⁷⁰. П.С. Паллас порой с удивлением описывал и разнообразное, огромное природное изобилие края. Эти факторы сыграли главную роль в том, что данную территорию административно реорганизовали и переподчинили из ведомства Сибирской губернии в созданную Оренбургскую «экспедицию».

В процессе развития данного проекта, для контрольных функций и церковного строительства, в ближайшей перспективе понадобилось и создание ряда новых Духовных правлений, которым отводилась главная роль в регулировании духовной жизни населения. Особенностью эпохи являлось безусловное почитание и вера в Бога основной массой населения, и церковь была непременным атрибутом сознания, важнейшим атрибутом формирования картины мира у верующих, предметом окружающей реальности,

⁶⁶ См. Приложение № 1 Карта Исетской провинции.

⁶⁷ Челябинская область: энциклопедия. Т. 2. Челябинск, 2004. С. 613.

⁶⁸ Там же. С. 614.

⁶⁹ Очерки истории Челябинской области. (Н.Б. Виноградов, В.Н. Елисеева, А.В. Лушников и др.) Челябинск, 1991. С. 30.

⁷⁰ Там же. С. 31.

сопровождаящим человека от рождения до смерти⁷¹. В основном лояльное, покорное отношение населения к представителям духовного сословия было в то время обыденностью. Неудивительно поэтому, что в Исетской провинции имелось несколько монастырей, которые вели, среди прочего, большую хозяйственную деятельность и владели значительным числом приписанного к ним крестьянского населения⁷².

В рассматриваемый нами период Духовные правления в отношениях с подведомственным населением сталкивались с целым рядом проблем, потому что в Уральском регионе, в связи со значительной миграцией населения, с его сменой в местах «промежуточного» жительства, происходило немало нарушений духовных законов. Жесткие и не стабильные условия жизни влияли на нравы и поведение. По сообщениям духовенства, многие люди не посещали церковные службы, не бывали на исповеди и причастии, не знали главных канонических молитв⁷³. Среди прибывших в край было немало беглых, бывших крепостных, людей отчаявшихся, с независимым и непокорным нравом. Контроль такого контингента был проблематичен.

Крайне тяжелая в основе своей жизнь в зоне фронта, создавала большие дополнительные трудности для деятельности духовенства в приграничных районах, в отличие от их коллег, служащих в более спокойных местах провинции, или, тем более, в центральной России. Таким образом, мы согласны с мнением историка А.И. Конюченко о том, что духовенство зоны фронта «зачастую уступало по своим моральным качествам священно–церковнослужителям тех регионов, где христианизация и сакрализация

⁷¹ Текст одного из самых массовых печатных изданий средневековья, широко известный русскому населению как «Домострой», представлял собой регламент семейной, религиозной и хозяйственной жизни. Из первых его десяти правил, шесть были посвящены Богу, религии, вере. См.: Домострой (Указанное сочинение) С. 27. Кроме печатных вариантов «Домостроя», имели хождение и рукописные копии. Истории «Домостроя» как русского культурного явления, посвятил исследование архиепископ Макарий. См.: Архиепископ Литовский и Виленский – Макарий. История Русской Церкви. Т. VII. Кн. 2. Санкт-Петербург, 1874. С. 460–475.

⁷² Подробнее см.: Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии. Часть 2. Санкт-Петербург, 1762. С. 164–165, 170–172, 177.

⁷³ Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). И–156. Оп. 1. Д. 2922. Л. 4.

пространства завершилась намного раньше»⁷⁴. Именно поэтому, примеров проявлений девиантного поведения среди «исетских» клириков в XVIII веке имелось немало.

Необходимо иметь в виду, что население Исетской провинции в середине XVIII века чётко различало свое географическое местонахождение, не ассоциируя территорию за Уральским хребтом собственно с Россией. Это и неудивительно, ведь путь из центральных регионов «за Камень» был в то время очень долгим, продолжался, в самом лучшем случае, более месяца. Причем, он был непрост и опасен, пролегая через огромное пространство малонаселенных мест⁷⁵. В делах органов власти пришедших на Урал людей называли в то время, как: «выходцы из Российских городов»⁷⁶. Иногда писали более архаично, например (*орфография документов здесь и далее сохранена – авт.*): «В провозе воровски заповедною и другими дорогами из Руси в Сибирь, а из Сибири в Русь купцами товаров без платежа пошлин <...> из Сибири в Россию проезжают»⁷⁷.

Специфика осваиваемой территории фронта оказывала своё непосредственное воздействие на местные события. Особенно это проявлялось при вооруженных конфликтах: например, в 1737 году напуганное нападениями башкир население сбегалось под защиту пушек в Далматовский монастырь. Архимандрит Порфирий сообщал в Тобольск: «сидим мы яко в осаде, даже выезжать никуда невозможно, везде по дорогам людей бьют»⁷⁸. Но трудности приходилось испытывать обеим ветвям власти. В результате, как церковь нуждалась в поддержке, так и сама была необходима для военных и светских

⁷⁴ Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX–начале XX века. Автореф. дис. ... док. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 32.

⁷⁵ См. подробнее об этом аспекте: Карелин В.Г. Чрезкаменный путь и Челябинск (XVII – первая половина XVIII вв.) // Исторические чтения. № 3. Материалы научной конференции «История Челябинска: проблемы источниковедения и историографии». Челябинск, 1997. С. 16–21; Конюченко А.И. Неуловимый привкус Украины / Семнадцатый Славянский научный сбор. Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании. (Материалы конференции. Сост. Терехова О.В.) Челябинск, 2019. С. 137–146.

⁷⁶ См.: ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 1464. Л. 195 об.; также: Самигулов Г.Х. Из истории Челябинска: в 3 кн. Кн. 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год. Челябинск, 2015. С. 51.

⁷⁷ Сенатский архив. Т. VII. Санкт-Петербург, 1895. С. 26, 27.

⁷⁸ Пашков А.А. Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь. Шадринск, 2000. С. 51.

чинов в виде духовного влияния на сознание и поведение людей. Так, в условиях фронта шло тесное взаимодействие духовной и светской власти. Далматовский монастырь активно участвовал в мероприятиях, направленных на защиту и освоение нового края: в частности, занимался доставкой продовольствия и лошадей во вновь создаваемые крепости, поставлял рекрутов и перечислял деньги на содержание войск. Крестьяне монастыря откликались на призывы власти, записываясь в новые жительство, а другие постоянно, на протяжении многих лет, участвовали в доставке провиантских обозов в новые крепости⁷⁹. В монастыре хранилась казна сформированного в Исетской провинции Оренбургского полка и размещалась для охраны воинская команда⁸⁰.

В эти годы значительная часть дел Далматовского Духовного правления исполнялась по указам светской власти, что впрочем носило черты необходимого сотрудничества двух ветвей власти. К примеру, промемория февраля 1737 года напоминала (но фактически требовала) о доставке провианта в новые крепости: «И чтоб де оной провиант был подлинно отправлен безовсяких отговорок». Заглавие документа гласило: «Из Шадринской управительской канцелярии в Успенский Далматов монастырь в Духовное правление архимандриту Порфирию»⁸¹. Подобные дела, связанные с мероприятиями по освоению новых рубежей, стали основной заботой и тяжелой нагрузкой для Далматовского Духовного правления на целое десятилетие. По этой причине, к началу 1740-х гг. архимандрит монастыря уже не мог физически выполнять в полном объеме функцию управления духовными делами на значительно увеличившейся подведомственной ему территории. Поэтому, архимандрита Сильвестра иногда замещал архимандрит Порфирий.

⁷⁹ Подробнее, см.: Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург, 1891. С. 49–56; РГАДА. Ф-614. Оп. 1. Д. 43, 45, 50.

⁸⁰ РГАДА. Ф-614. Оп. 1. Д. 43. Л. 113.

⁸¹ Государственный архив в г. Шадринске (ГАШ). Ф-224. Оп. 1. Д. 195. Л. 1.

В начале 1740-х гг. основная работа по регулированию, анализу духовных дел, информированию митрополита по-прежнему находилась в руках архимандрита Далматова монастыря, он осуществлял основную функцию духовно–церковного управления в Исетской провинции. Однако, при значительно возросшем масштабе и диапазоне дел, кроме Далматовского центра управления других Духовных правлений создано еще не было. Но в связи с основанием новых населенных пунктов, для заложения и освящения храмов в них или выполнения иных значимых дел, наместнику монастыря приходилось иногда надолго оставлять свою обитель, уезжая порой за сотни километров. Так было, например, в поездке архимандрита Сильвестра в Уйскую и другие крепости в 1742 году, когда он провёл в поездке больше месяца⁸². Известно, что и весной 1744 года глава Духовного правления отсутствовал: «В небытность заказчика Всеустного отца Архимандрита Силвестра, подканцелярист Данило Морянинов» вёл переписку⁸³. Возросший объем работы требовал всё большего напряжения, сил и времени, что для весьма пожилого архимандрита стало тяжелым испытанием. Для решения некоторых вопросов приходилось ездить и в «столицу» епархии – Тобольск.

В обязанности Духовных правлений входило обеспечение строительства церквей в новых крепостях. Архивные документы свидетельствуют о том, что довольно часто от закладки до момента ввода в действие храма проходило немало лет. Первые храмы крепостей Исетской провинции окончательно достраивались лишь в 1743–45 гг. Причины такой задержки строительства были связаны в основном с трудностями, возникшими в связи с башкирским восстанием, а также с проблемами переселения. Из-за перманентно тревожной ситуации в крае, в результате указанных чрезвычайных факторов, многие люди, записавшиеся на поселения в новые крепости в конце 1730-х гг. – так и не прибыли туда на протяжении последующих лет. Командир Оренбургского полка – П. Бахметев, летом 1740 года с возмущением сообщал об этом в

⁸² Шадринская старина. Краеведческий альманах. Шадринск, 1993. С. 108.

⁸³ РГАДА. Ф-614. Оп. 1. Д. 55. Л. 70 об.

Шадринскую управительскую канцелярию. В рапорте поручика Герасимова также отмечалось, что из записавшихся в Чебаркульскую крепость 46-ти семей, в разное время прибыло от 16 семей лишь по одному человеку, вероятно как «разведчики», «а еще ис тридцати семей и поныне на поселение никто не явился. И ради того определено – о высылке вышереченных записавшихся Шадринского дистрикта ис крестьян казаков не точию Чебаркульскую но и в протчие крепости кои записались в нынешний год по прежде посланного отсedy сего апреля 1 дня Указу Выслать в крепости ис каждого двора исполнив немедленно...»⁸⁴. Объяснялось: «понеже как по нынешнем обстоятельством видно что в крепостях в людях обстоит крайняя нужда. И Шадринской канцелярии учинить по сему...»⁸⁵. Отмечено и общее количество отсутствовавших по этой причине людей: «в крепостях из крестьян казаков на половину не имеется»⁸⁶.

В 1741 году руководство и население провинции с тревогой ожидали продолжения активных военных действий со стороны башкир. Опасности добавились и в связи с нападениями кочевников на пограничные районы. Летом 1741 года было получено сообщение о том, что казахи в Усть-Уйском поселье захватили жителей и лошадей. Там же, в ответ на прочитанный им иеромонахом Флавианом царский указ о том, чтобы «не чинить обид», кочевники дерзко заявили, «что от Киргиз-кайсаков не только теперь, но и повсегодно русским людям оне будет чиниться»⁸⁷. Всё это объясняет причину нежелания селиться в опасном пограничье, желающих добровольцев почти не добавлялось. Поэтому, привлечь людей в новые поселения было одной из главных, и весьма непростых задач властей в первое пятилетие существования Исетской провинции. Однако, с большими трудностями, но строительство новых поселений и, соответственно, закладки в них новых храмов, на юге провинции продолжалось. Например, в начале 1742 года генерал Соймонов дал

⁸⁴ РГАДА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 35. Л. 2, 2 об.

⁸⁵ Там же. Л. 2 об.

⁸⁶ Там же. Л. 7.

⁸⁷ История Курганской области. Т. 7. Курган, 2002. С. 64.

указ строить Уйскую крепость, и «с первым летним временем» она была основана⁸⁸.

Следует отметить, что активно занимался привлечением новопоселенцев в этот период и новый начальник Оренбургской комиссии – И.И. Неплюев, назначенный на эту должность в 1742 году. В одном из первых своих указов он пытался привлечь в Челябинскую крепость купцов, ремесленников и других людей. Под воздействием его указа немало тогда записалось желающих, но как оказалось, на новое жительство они в течении нескольких лет так и не прибыли⁸⁹. В 1742 году, Указ от Высочайшего имени вновь призывал крестьян поселиться на юге провинции: «велено публиковать указом Ея Императорского Величества не пожелает ли кто ис крестьян в Верхояицкую и Уклы Карагайскую крепости для поселения записатца вечно в казаки», обещая освобождение от прежних налогов и от оброчного провианта⁹⁰. Но в ответ на это комиссар Барневской слободы отвечал, что «при собрании народа во всенародное известие опубликовано и в вышеписанные крепости для поселения охотников никого не явилось»⁹¹.

В создавшихся условиях силовое регулирование становилось необходимостью и власть, естественно, активно использовала подобные методы. Из Исетской провинциальной канцелярии на упомянутый выше документ последовал окончательный, довольно грозный вердикт: «за неимением к поселению в те крепости охотников, нарядить в неволю ис крестьян кои десятичной пашни не пашут и оброчного провианта не платят...»⁹². В данном случае названы были 44 человека, дана им инструкция к сбору, и добавлено: «а кто имянно наряжен будут оным прислать в Шадринскую Управительскую канцелярию имянные реэстры немедленно...»⁹³.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 43. Л. 193.

⁸⁹ Самигулов Г.Х. Из истории Челябинска: в 3 кн. Кн. 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год. Челябинск, 2015. С. 61, 66.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 43. Л. 21.

⁹¹ Там же. Л. 21 об.

⁹² Там же. Л. 22.

⁹³ Там же.

Так, силовым путем или угрозой применения силы, решались многие проблемы, в том числе в отношении новопоселенцев. Вполне естественно, что в тех условиях в деятельности Духовных правлений доминировали также жесткие методы, основанные на крепкой, авторитарной власти.

Необходимо отметить и то, что к 1740-м гг. людские ресурсы для переселения из северных в южные районы провинции были уже практически исчерпаны. В статистических документах Шадринской управительской канцелярии зафиксировано, на протяжении нескольких лет, постоянное, значительное сокращение численности населения дистрикта, как из-за башкирских нападений в первой трети XVIII века, так и собственно из-за переселений в новые крепости⁹⁴. Однако, данную ситуацию с убылью людей на юг провинции, постепенно компенсировали другие источники пополнения населения края. Приток людей, шедших за Урал из центра и севера России, организованный и разрешенный властями, а также стихийный, в те годы еще продолжался.

Ситуация неприбытия многих людей, записавшихся в новые жительство, повторилась и в Уйской крепости. Так, в начале 1743 года в рапорте в провинциальную канцелярию сообщалось, что «из записавшихся в Уйскую крепость ис крестьян казаки многие не явились а которые между тем хотя и явились от семей из домов по одному чл-вку и коих де по просьбе их и отпущены на сроки капитаном Полозовым и прапорщиком Якимовым для забрания скота и протчего их шкарбу на прежние жилища коих и поныне там не имеетца...»⁹⁵. Проблему частично пытались решить в том числе «фундаментальным поселением» освобожденных от службы солдат.

Несмотря на построение ряда крепостей, известных как Исетская и Уйская линии, жизнь русского населения продолжала оставаться трудной и опасной, так как освоение края проходило на фоне башкирских восстаний и нападений кочевников–степняков. Например, в 1743 году, уже после

⁹⁴ РГАДА. Ф. 614. Оп. 1. Д. 45. Л. 122–123.

⁹⁵ Там же. Л. 60.

подавления башкирского восстания, И.И. Неплюев писал, что в Исетской провинции «многие жительство разграблены казахами». В 1744 году хан Абулхаир санкционировал продолжение набегов на русскую границу...»⁹⁶. В совокупности, такие, ради грабежа, набеги, приводили к потерям людей и имущества, нанося большой урон. В одном из документов сообщается, что: «с 1742 по 1745 гг. пленных Русских, Калмык и Башкирцев до 1182 человек, освобождены от Киргизов. Другие пленные разных наций, по освобождении, большею частью приняли Христианскую Веру»⁹⁷.

На Южный Урал были переброшены дополнительные войска, также всё больше башкир призывались на пограничную службу, подобные меры какое-то время были действенны, но затем обострение ситуации повторялось: «В 1746–1747 гг. казахи Малой орды вновь организовали ряд набегов на русскую границу...»⁹⁸. В 1755 году башкиры Ногайской дороги начали восстание, но оно было подавлено правительственными войсками, причем с применением самых жестких мер⁹⁹. Подобная проблемная ситуация зоны фронта сохранялась и в дальнейшем. Ведь даже в 1770–1780-е гг. происходили крупные вооруженные нападения кочевников на крепости Уйской линии, что держало в напряжении население и других мест провинции. Например, летом 1770 года киргиз-кайсаки напали на Степную крепость¹⁰⁰. Весной 1783 года кочевниками было совершено нападение на Карагайскую крепость¹⁰¹. «До какой степени было опасно в то время жить на пограничных линиях, об этом можно судить по распоряжениям, которые дошли до нас в форме инструкций, издававшихся для охранения станиц и прилинейных жителей. Почты и проезжающие сопровождалась конвоями, табуны и скот паслись под наблюдением сильных конных караулов. Как только скрывалось солнце, всё живое спешило под

⁹⁶ История Курганской области. Т. 7. Курган, 2002. С. 65.

⁹⁷ Жуковский И.В. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год. Санкт-Петербург, 1832. С. 14.

⁹⁸ История Курганской области. Т. 7. Курган, 2002. С. 65.

⁹⁹ Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). Санкт-Петербург, 1893. С. 146.

¹⁰⁰ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Часть 2. Кн. 1-я. Санкт-Петербург, 1786. С. 136, 398.

¹⁰¹ Вяткин М.П. Батыр Срым. Москва, 1947. С. 192.

защиту крепостной стены. Утром никто не смел тронуться из крепости, прежде нежели вернутся утренние разъезды и объявят о том, что везде тихо и спокойно»¹⁰².

Духовенству в построенных крепостях наряду с большинством населения приходилось тяжело. Служебный и духовный аспект был затруднен тем, что значительная часть жителей являлись явными или скрытыми староверами, за что полагалось наказывать, штрафовать провинившихся прихожан, это не вело к установлению нормальных, добрососедских взаимоотношений. В 1744 и 1745 гг. Исетская провинциальная канцелярия Указами требовала обязательного соблюдения исповеди, а местным властям иметь «прилежание в том смотре и неослабное принуждение»¹⁰³. Материальная сторона дела также влияла на состояние жизни и деятельности духовенства, так как пришлое, разнородное население, а это была в основном бедная паства, не обустроенная, едва собиравшая ругу, т.е. содержание для причта. Следует сказать, что размер руги был определен Оренбургской канцелярией в 1744 году. Многие священники вели предельно скудное существование, часто сами обрабатывали свои земельные наделы и рисковали своей жизнью, так как были случаи убийства и похищения их кочевниками.

В первой половине XVIII века на духовенство возлагалось множество обязанностей, не имеющих прямого отношения к его служебной деятельности, что, конечно, делало его положение весьма приниженным, и влияло не только на его повседневную жизнь, но и на профессиональную деятельность. В середине века эта ситуация стала отчасти меняться. «В 1742 г. духовенство освобождено было от беспокойной для него повинности ходить на пожары и на караулы к рогаткам «и от прочей полицейской должности». Тогда же сложена с него подводная повинность при проезде чиновников, и постоянная при проходе войск. Не велено привлекать духовенство к светским судам, что по

¹⁰² Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. Оренбург, 1891. С. 26.

¹⁰³ ОГАЧО. И-63. Оп. 1. Д. 1. Л. 525–525 об.

злоупотреблениям провинциальных начальств случалось чрезвычайно часто...»¹⁰⁴. Но нередко благие цели многочисленных указов сдерживались исполнением на местах, реализовывались не в полном объеме. Сохранялись и различные поборы с духовенства собственным начальством. Так, при какой-либо возникавшей потребности, из консистории давался указ: «увеличить такой-то платеж, или собрать столько-то вновь на такую-то статью. Эта патриархальная простота финансового управления была до такой степени обычна повсюду, что высшая власть не обращала уже никакого внимания на разные мелкие сборы архиереев по епархиям и вмешивалась в их дела только в случае каких-нибудь уже очень заметных и вопиющих злоупотреблений...»¹⁰⁵. Поэтому, тяжесть материальной жизни и многих обязанностей за век изменилась незначительно. Благие высшие пожелания и реальная жизнь разнились, а тяжелое бытие во многом определяло сознание, в том числе в среде духовенства.

В сложных социально–политических условиях, при сопротивлении инородческого населения, ряд мероприятий по церковному строительству и духовной жизни в Исетской провинции реализовывался с большим трудом. В тот период времени даже почтовая и курьерская связь не отличались оперативностью и бывала порой крайне ненадежна¹⁰⁶. Интересно в связи с этим отметить, что даже в конце 1744 года глава провинции – подполковник П.С. Бахметев, счел нужным разослать из провинциальной канцелярии указ, где, в числе прочего, говорилось, что «Ежели что в государственных делах подлежат будут тайности оного отнюдь в партикулярных письмах ни к кому не

¹⁰⁴ Знаменский П.В. Руководство к Русской церковной истории. Минск, 2005. С. 446.

¹⁰⁵ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 578.

¹⁰⁶ В период башкирского восстания высокопоставленные командиры, чтобы застраховать посылаемое письменное сообщение в случае захвата, прибегали к помощи иностранного языка. Подобный случай описан в статье: Конюченко А.И. «Прибыл я с командою моею в Чебаркульскую крепость благополучно» (что скрывал в донесении основатель Челябинска) // Природное и культурное наследие Урала: мат-лы VI регион. науч.-практ. конф. 9–10 окт. 2008 г. Челябинск, 2008. С. 80–84.

писать...»¹⁰⁷. Необходимые поездки местных священников к духовному начальству и наоборот, для урегулирования важных дел, при больших расстояниях нередко проходили в опасной обстановке, являлись проблематичными. Всё вышесказанное вполне показывает нам то, что преобразования духовного управления в Исетской провинции в 1740-е гг. объективно назрели и были актуальны. Со временем и для епархиальной власти стало очевидно, что для огромной территории новой, быстро развивающейся провинции, руководства одного Далматовского монастыря стало уже явно недостаточно.

Расширение сети Духовных правлений на Южном Урале провёл митрополит Антоний Нарожницкий, прибывший в Тобольск в феврале 1743 года. В документах Сибирского епархиального управления почти сразу появился новый термин: «Консистория». В известном научном исследовании сообщается, что «Тобольский архиерейский приказ» был переименован в консисторию в 1744 году¹⁰⁸. Но из архивного источника видно, что переименование *приказа* в *консисторию* произошло годом ранее. Так, «Реэстр Заказу села Воскресенскаго...» написан в ответ на Указ митрополита Антония от 12 марта 1743 г. из Тобольской *консистории*¹⁰⁹.

В 1743–1745 гг., в дополнение к двум имеющимся в Исетской провинции монастырским Духовным правлениям, было создано еще четыре (позже, на рубеже 1750–1760-х гг., еще одно).

Следует заметить, что до середины 1740-х гг. не было единого названия данных органов управления, наблюдалась определенная путаница в этом отношении (в исторической литературе этот вопрос проработан в одном из исследований)¹¹⁰. Нововведения столичной власти: Указ Синода от 9 июля 1744

¹⁰⁷ ОГАЧО. И-63. Оп. 1. Д. 7. Л. 353 об.

¹⁰⁸ Смолич И.К. История Русской церкви 1700–1917 гг. Кн. 8. Ч.1. Москва, 1996. С. 274. На фундаментальный труд историка, в данном случае, ссылаются более поздние, в том числе справочные публикации.

¹⁰⁹ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

¹¹⁰ Барсов Т.В. Синодальные учреждения прежнего времени. Санкт-Петербург, 1897. С. 90–91, 112–113.

г. и Высочайший Указ от 1 сентября 1744 г., унифицировали терминологию духовных учреждений: «Епаршеских дел правление происходит в корреспонденциях, именуется розно, в некоторых Консисториями, в иных же Канцеляриями, а следовательно, во всех Епархиях Духовным Правлениям именоваться, одинаковым званием...»¹¹¹. Один из современных авторов более лаконично изложил данный вопрос: «Существовавший разнобой в названиях одних и тех же учреждений вызывал немалую путаницу, что сказывалось и на делопроизводстве, которое было далеко не идеальным. В соответствии с Высочайшим указом Елизаветы Петровны от 1 сентября 1744 г. все епархиальные церковные административно–судебные учреждения, подчинявшиеся епархиальному архиерею и подведомственные Синоду, стали называться единообразно – Духовными консисториями, а аналогичные низовые учреждения в сельских приказах, небольших городах – Духовными Правлениями»¹¹².

Сибирский историк Н.Д. Зольникова также отметила некоторые из тех перемен, которые стали происходить в связи с приездом нового митрополита. В частности, она отмечает: «За 1730-е гг. в делопроизводстве архиерейского приказа вообще не найдено никаких инструкций низшим звеньям управления – это связано, вероятно, с уровнем централизации епархиального управления. Такие инструкции появляются в делопроизводстве начиная с 1743 г., когда тобольский архиерейский престол занял новый митрополит Антоний Нарожницкий, сделавший заметные успехи в деле бюрократизации церковного управления»¹¹³.

Таким образом, можно констатировать, что Указы высших властных органов в данном случае, в 1744 году, лишь зафиксировали и узаконили организационно-административные мероприятия в РПЦ, которые проводили

¹¹¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XII (1744–1748). № 8988. Санкт-Петербург, 1830. С.166.

¹¹² Олевская В.В. К вопросу о становлении Московского Епархиального управления в начальный синодальный период // Вестник ПСГТУ Серия II История. История Русской Православной Церкви. Вып. II:3 (32). Москва, 2009. С.16.

¹¹³ Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. С. 98.

наиболее дальновидные и активные архиереи. Унификация же, предписанная Синодом в 1744 году, совпала с годом создания Оренбургской губернии, составленной из двух провинций – Исетской и Уфимской¹¹⁴.

Подводя итоги, отметим, что на Южном Урале во второй половине 1730-х гг. наступала новая эпоха в местной жизни, в созданной Исетской провинции началось освоение территорий, лежащих к югу от рек Исеть и Миасс, что связано было с деятельностью Оренбургской экспедиции. Значительная часть населения Зауралья оказалась задействована в этом «проекте». Вновь построенные крепости стали базой, опорным центром для расселения русского населения, и всестороннего освоения края. В созданные поселения практически сразу же Тобольская консистория направила духовные кадры. Для управления ими, для обеспечения широкого храмового строительства, а также всего спектра церковных дел, митрополитом Антонием Нарожницким в середине 1740-х гг. были созданы и новые епархиальные Духовные правления, называвшиеся часто «Заказами».

Характерной особенностью, присущей Южному Уралу в XVIII веке было то, что данная территория являлась зоной фронта, где шло, далеко не всегда мирное, взаимодействие народов разных вероисповеданий, образа жизни и ментальности. Вновь создаваемые руководящие церковные органы создавались, преимущественно, на вновь присоединяемых и осваиваемых землях. Необходимо констатировать, что условия и обстоятельства зоны южно-уральского фронта в определяющей степени способствовали созданию новых местных органов церковной власти – Духовных правлений (Заказов), ставших связующим звеном между епархиальной администрацией и приходами.

¹¹⁴ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XII (1744–1748). № 8901. Санкт-Петербург, 1830. С. 51.

1.2. Организационные и кадровые аспекты функционирования Духовных правлений

Церковный историк Н.М. Чернавский писал: «В XVIII веке, как и всюду на Руси, для церквей Оренбургского края стали утверждаться подведомые консистории органы управления, обличенные значительно большими полномочиями власти и суда, нежели поповские старосты. Такими органами явились Духовныя Правления...»¹¹⁵. По определению Н.М. Чернавского, они были «промежуточными и посредствующими инстанциями между консисторией и архиереем, с одной стороны, и благочинными и духовенством с другой, созданными сколько в облегчение Консистории, столько же и для церковно–административного объединения известного района...»¹¹⁶. Автор также отмечал, что: «По идее и организации, духовные правления должны быть коллегиальным учреждением на подобие Консистории; в действительности же они во многих случаях представляли из себя единоличное управление протопопа с канцеляристом и были как бы простою протопопскою канцеляриею. Такие духовные правления назывались иногда также заказами, а правители Духовнаго Правления заказчиками...»¹¹⁷. Отметим, что оба названия: «заказ» и «правление», применялись совместно более полувека, однозначный термин утвердился лишь в конце XVIII века¹¹⁸. «Для XVIII века между

¹¹⁵ Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в её прошлом и настоящем. Часть 1-я // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Выпуск VII. Оренбург, 1900. С. 152.

¹¹⁶ Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в её прошлом и настоящем. Часть 2. Оренбург, 1902. С. 16–17.

¹¹⁷ Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в её прошлом и настоящем. Часть 1-я // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Выпуск VII. Оренбург, 1900. С. 152.

¹¹⁸ На протяжении более 30 лет (1750–80-е гг.) в документах применялся как старый, так и новый термин. Лишь постепенно, к концу века, старое название: «Заказ» – перестало применяться, окончательно уступив термину – «Правление». Применялся широко и комбинационный термин: «Заказное духовное правление».

понятиями «духовное правление» и «заказное правление» разницы не было, они означали церковно–административное подразделение епархии»¹¹⁹.

Следует сказать, что организационная структура Духовных правлений, впрочем, как и светских провинциальных органов управления, была очень простой. Немногочисленный штат состоял из самого начальника (протопопа или настоятеля монастыря), нескольких писцов, переписчиков–копиистов, также были сторож и рассыльный. Но, несмотря на малочисленный состав, данное управленческое звено духовной власти являлось единственным инструментом проведения политики и контроля епархиального архиерея. Духовный заказчик являлся вторым властным центром в уезде; вплоть до середины 1760-х гг. имел большие властные полномочия. Он единолично рассматривал дела, поступавшие в правление, согласовывая свои действия лишь с епархиальным архиереем. В некоторых случаях привлекался депутат (священник) для ведения дела совместно со светскими властями. В зависимости от объема разбираемых дел, глава правления мог иметь постоянного заместителя или временно привлекал к работе кого-либо из своих подчиненных. Для сравнения покажем: штат провинциальной канцелярии, органа, управлявшего огромным регионом и ведущим постоянно массу самых разных дел, состоял в то время всего из 6–7 человек¹²⁰. Малочисленный состав имели в то время коллегии консисторий и даже высший орган духовного управления – Синод.

Являясь проводником и транслятором политики митрополита, заказчик обязан был обеспечить на подведомственной территории доминирование православия как государственной религии, противостоять влиянию старообрядчества (раскола). Для исправления нарушителей духовно-нравственных законов, Духовные правления активно осуществляли свою

¹¹⁹ Нечаева М.Ю. Далматовское духовное правление в XVIII веке // Исторические чтения: Мат-лы науч. конф. «Неизвестный Челябинск» (1994), «Церковь и религия на Урале» (1995). Челябинск, 1996. С. 60.

¹²⁰ РГАДА. Ф-429. Оп. 1. Д. 302. Л. 74 об. Так, например, в 1776 г. – штат Исетской провинциальной канцелярии был: 2 канцеляриста, 1 подканцелярист, 4 копииста.

судебную функцию. Нарушитель чаще всего наказывался так называемой эпитимией или долговременными работами в интересах церковной власти. Широко применялись в то время и физические наказания. Заказчик мог отправить провинившегося в светскую канцелярию, где имелся экзекутор (палач) для исполнения наказания, но при желании мог наказать сам. Причем, надо сказать, что соблюдению формальностей в незначительных делах не придавали значения.

Кроме спектра духовных и церковных дел, Духовные правления имели важную функцию, собирая и обобщая демографическую информацию, при проверке метрических ведомостей создавая статистические таблицы, отчеты, справки, в том числе для органов светской власти. Кстати сказать, именно заказчик принимал «клятвенные присяги» чиновников при назначении их на должности. Духовная власть на Урале оказывала значительное влияние на всё русскоязычное население края и часть инородческого, проводя политику его христианизации.

Число людей иной веры, принявших христианство, по той или иной причине, в XVIII веке на Урале было очень значительным и практически все случаи принятия православия вели Духовные правления. По некоторым данным, в период с 1741 по 1756 гг. в Оренбургской губернии было из иной веры крещено 4999 человек¹²¹. Особенностью было то, что часто многие «иноверцы», получив обещанные преференции от добровольного принятия христианства (крещения), затем возвращались в лоно своей прежней религии. Если же крещение проводилось под нажимом или насильно, что нередко происходило, то это вызывало жалобы на православных архиереев. Принудительное обращение к христианству стало в итоге одной из главных причин, приведших к отстранению столичной властью митрополита Сильвестра Главатского от Сибирской кафедры, переводу его в другое место¹²².

¹²¹ Знаменский П.В. Руководство к Русской церковной истории. Минск, 2005. С. 449.

¹²² Так, один из Указов Синода 1754 года по данному поводу назывался: «О подтверждении Тобольскому митрополиту не крестить неволею татар и бухарцев». См.: Полное собрание

Во второй половине 1740-х гг. в Южном Зауралье начали строиться новые русские поселения: село Бакланское, слободы Куртамышская и Таловская. Они заселялись также, в основном, местным населением, жившим ранее в районе реки Исеть и её притоков¹²³. Храмы в этих новых населенных пунктах были построены гораздо быстрее, чем это происходило в начале 1740-х гг., при башкирском восстании. Необходимо также отметить, что процессы миграции уральского населения напрямую затрагивали и людей духовного сословия: значительная часть духовенства была переназначена на новые места службы в крепости Южного Урала.

Происходившие в Исетской провинции изменения, в Тобольской консистории, в силу обстоятельств, не сразу принимались к сведению. Известно, что там не было даже ясного географического представления о пограничном крае, южной части провинции. Тобольское духовное начальство во второй половине 1740-х гг. запрашивало различные сведения об этом, требуя присылать, в частности, данные о расстояниях между вновь построенными крепостями. Это ставило руководящих священников в трудное положение. Так, прибывший в конце 1748 года в консисторию сын главы Челябинского Духовного правления – Иван Ермилов, отвечал, что в Уйской линии крепости находятся в ведомстве отца его, «а от Челябинска отстоят в дальнем расстоянии, а чрез колкое число верст того он подлинно сказать не знает»¹²⁴. Объяснял это тем, что даже после многократных требований–запросов в те крепости в течении всего года, ответов оттуда не последовало: «точные ведомости многократно отцом Ево священником Лаврентьевым для подачи к Заказным делам письменно требованы были, толко оные священники за ослушанием и заогурством своим таковых на 748 год духовных росписей и точных ведомостей и поныне не подали»¹²⁵.

постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 4 (1753–1762). № 1381. Санкт-Петербург, 1912. С. 71–73.

¹²³ См. об этом: ОГАЧО. И-44. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–3.

¹²⁴ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 350. Л. 9.

¹²⁵ Там же.

Следует отметить, что причты храмов в 1740-е гг. не были стабильны, неоднократно менялись. Проследить жизненные и служебные пути церковнослужителей, переведенных на юг Исетской провинции в то время, сейчас весьма трудно, в том числе и потому, что фамилии людей тогда фиксировались далеко не всегда. Да и сами фамилии были еще не устойчивые, нередко менялись или только образовывались. К примеру, Шадринская управительская канцелярия, направляя в сентябре 1738 года Указ священникам города и уезда о сборе дополнительных рекрутских налогов, называет их только по старой форме, без фамилий: «Шадринского города Архангельской церкви священнику Максиму Терентьеву с товарищем села Сухринского Пятницкой церкви попу Стефану Иванову села Замараевского Знаменской церкви попу Андрею Григорьеву села Кривского Покровской церкви попу Ивану Никитину села Конашского Дмитриевской церкви попу Алексею Максимову...»¹²⁶. Поэтому теперь, лишь при наличии дополнительных документов, и в более поздних их стандартах, можно выяснить фамилии духовенства 1730–1740-х гг.

После установления спокойствия и мира в Исетской провинции, в середине 1740-х гг. стало возможным более ускоренное церковное строительство. Важно отметить, что церкви в крепостях сооружались в то время за казенный счет. Это обстоятельство, а также получение новых Указов из столицы – об упорядочении церковного управления, привели к ситуации, когда влияние светской власти на духовенство значительно возросло. Исетская провинциальная канцелярия контролировала в тот период церковные дела, регулярно получая различные отчеты. Многие теперь совершалось по согласованию со светским руководством вновь образованной губернии. Так, в Указе Оренбургской губернской канцелярии от 1 июля 1744 года, говорилось о штате священнослужителей и об их управлении; из Шадринской

¹²⁶ ГАШ. Ф-316. Оп. 1. Д. 316. Л. 28.

управительской канцелярии была получена копия сообщения Оренбургского Духовного правления «о нестроении близ церквей кабаков»¹²⁷.

Наиболее быстро и оперативно Духовными правлениями решались дела по выполнению указов митрополита или консистории, которые, в свою очередь, строились на указах Святейшего Правительствующего Синода. Например, в 1744–1745 гг. на основании секретных указов были изъяты с мест все бумаги за 1741 год, где упоминались имя «принцессы Анны с подтитолом принца Иоанна». Необходимо сказать, что в 1749 году повторился данный указ о тщательном поиске подобных бумаг: «також котория и гражданские книги, манифесты, присяги и протчие какова бы звания что о чем ни было в те ж два правления со известными титулами»¹²⁸. Срок исполнения был дан всего один месяц. Из всех почти церквей священники тогда сообщили, что таковых бумаг не имеется или они уже изъяты ранее в 1745 году, «о чем они священники и причетники церковныя персонально подписались». Однако, в «Чабаркулской крепости у бывшего заказчика Федора Прокопьева отыскались два писменные указа и одна копия полученных в вышеписанные два правления, 1740 и 741 году да в доме Его из учебной псалтыри один лист под титулом принца Иоанна»¹²⁹. Заказчик – Ермил Лаврентьев, отправил изъятые бумаги в консисторию вместе с вышеупомянутым рапортом. Мы видим здесь, что степень важности текущих (насуточных) дел для высшей власти и для основной массы населения страны – были совершенно разными.

Важнейшей заботой Духовных правлений было в тот период церковное строительство, обустройство храмов на юге Исетской провинции. В 1736–1737 гг., митрополит Тобольский и Сибирский – Антоний Стаховский, получил ряд писем с просьбой о закладке храмов на новых территориях, в том числе в ново-построенной Челябинской крепости. В письме коменданта крепости от 1 июня 1737 года, отмечалось, что в этом месте «жителей де поселилось уже немалое

¹²⁷ РГАДА. Ф-614. Оп. 1. Д. 55. Л. 3 об.

¹²⁸ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 291. Л. 32.

¹²⁹ Там же.

число а церкви де имеются от оной крепости в далнем разстоянии и поселившиеся де, как крестьяне так и протчие обыватели желают построить во оной крепости церковь»¹³⁰. Подобная же просьба о строительстве храма и назначении клира в Чебаркульскую крепость была более ранней, но документов об этом не сохранилось. В связи с этим добавим, что при закладке каждого нового населенного пункта проводился символический обряд, «с пушечной стрельбой» и торжественный молебен¹³¹.

В письме коменданта Челябинской крепости содержалась и просьба дать «Благословенную грамоту» для закладки храма. Характерно, что за короткий срок, уже 9 июня, такая грамота была подготовлена в Тобольске¹³². Срок необычайно быстрый, что говорит о важности дела. Однако, закладка и освящение места для будущей церкви состоялась лишь через два года! В крепость для необходимых формальных действий должен был прибыть Архимандрит Далматовского монастыря, но не прибыл, вероятно, из-за обострения военной ситуации в регионе. Храм в честь святителя и чудотворца Николая был заложен в Челябинской крепости лишь в 1739 году. В 1740 году в нем уже велись службы, его услугами пользовались и верующие других новых крепостей (Миасской, Еткульской, Чебаркульской) вплоть до постройки у них собственных храмов.

Важным обстоятельством в деятельности Духовных правлений Тобольско-Сибирской епархии в тот период являлось отсутствие полноценного кадрового состава духовенства. Особенно сильно это проявилось в царствование Анны Иоанновны¹³³. «Трудности с набором солдат во время турецкой войны, начавшейся в 1736 г., дали повод Сенату отправить в Святейший Синод меморандум, в котором требовалось набрать 7000 рекрутов

¹³⁰ Самигулов Г.Х. Заметки о Челябинске XVIII века // Природное и культурное наследие Урала: сб. ст. Челябинск, 2008. С. 65, 66.

¹³¹ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1. Казань, 1897. С. 7.

¹³² Самигулов Г.Х. Заметки о Челябинске XVIII века // Природное и культурное наследие Урала: сб. ст. Челябинск, 2008. С. 65.

¹³³ Наиболее подробно об «Аннинском разборе»: См.: Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Санкт-Петербург, 2003. С. 335–348.

из духовного звания»¹³⁴. Власти на местах усердно отнеслись к выполнению этого, и связанных с ним указов. «Рекрутские наборы не прекращались в течении всей турецкой войны и закончились лишь в 1740 г. К этому моменту выяснилось, что ряды духовенства подверглись катастрофическому опустошению: во многих епархиях церкви оставались вообще без священников»¹³⁵. Приведем еще высказывание по данному поводу: «В 1737–38 гг. так называемый «аннинский» разбор опустошил урало-сибирское духовенство, изъяв из его среды (не разбирая) немало одаренных и способных людей. На местах нередко оставались после этого дети и старики. Митрополит Тобольский – Антоний Стаховский, пытаясь защитить свои кадры, докладывал в 1738 году, что у него в Сибири много свободных мест, а за взятием даже 15-летних (в армию, на войну), их нельзя заместить малолетними»¹³⁶. Серьезное опустошение урало-сибирского духовенства.

После изъятия духовных кадров, из тех, кто служил или готовился к службе, выбирать, искать более лучших, порой было не из кого. При назначении на церковное место в те годы главным было наличие грамотности духовного лица, проверялось также, состоял ли кандидат в подушном окладе, и чтобы отсутствовали штрафы. О каких-то других положительных и профессиональных качествах, тем более об авторитете среди паствы, речь не шла. Однако, для сравнения и более объективного представления атмосферы и состояния служебной деятельности, не только духовного сословия, надо заметить, что качество кадров светских чиновников было вполне сопоставимо, мало отличаясь по своей образованности. Губернатор И.А. Шипов в 1741 году, после ознакомления с ситуацией в этом плане, просил из Тобольска – о присылке опытных учителей для обучения офицерских детей, так как в Сибири людей, пригодных для этой ответственной деятельности, не оказалось¹³⁷. Таким

¹³⁴ Смолич И.К. История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. 1. Москва, 1996. С. 330.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Карташев А.В. История русской церкви. Т. 2. Москва, 1997. С. 345.

¹³⁷ Культурное наследие Сибири. Биографический справочник. Екатеринбург, 2008. С. 619.

образом, при определенных обстоятельствах, священнослужитель в то время мог довольно быстро подниматься по служебной лестнице.

Работа с церковными кадрами являлась повседневной заботой заказчиков, в центре внимания было: их обустройство, контроль исполнения служебных обязанностей, назначения и переводы, разбор просьб, жалоб, ссор, происшествий в их среде. Во многих случаях протопоп являлся единоличным следователем и судьей для своих подчиненных. Для наведения порядка среди духовенства и верующих, он мог (вплоть до 1773 г.) применять телесные наказания – битье батогами, сажание на цепь и т.п.¹³⁸. Известно немало случаев, когда церковнослужители жаловались на своих начальников за грубое обращение и побои. Делалось же это в традициях своего времени, поэтому весьма часто насильственными методами. Именно так заказчик стремился осуществлять наиболее эффективное воспитание своих кадров. Подобным же образом заказчик старался контролировать религиозную, повседневную жизнь и местного населения, но как показала практика, этого никогда не удавалось сделать в полном объеме.

Условия, при которых создавались Духовные правления в Исетской провинции, изложены нами выше. Однако, формальных указов и грамот на сей счет не выявлено, из-за утраты в прошлом многих документов. Но можно делать выводы по целому ряду косвенных сведений, в том числе архивных источников. Например, при обращении о разрешении строительства нового здания церкви в Чумлякском селе, взамен ветхой, крестьяне в 1740 году направили послание непосредственно Тобольскому митрополиту Антонию Стаховскому¹³⁹. Разумеется, что этого не произошло бы при наличии территориально близко расположенного местного духовного заказчика. В то время при выборе обществом священнослужителя – «ставленника», *участие духовного заказчика было обязательным*: «по правилам перед поставлением проситель прежде всего предъявлял доношение заказчика и «выбор»

¹³⁸ Челябинская область. Энциклопедия. Челябинск, 2008. С. 65.

¹³⁹ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–3.

прихожан»¹⁴⁰. В данном случае первое прошение не содержит визы или резолюции духовного заказчика, но затем в переписке 1743 года появляются подписи Воскресенского заказчика. Доказывает наше утверждение и другой документ: весной 1743 года в одном из указов митрополита, адресат: «в архиерейском селе Воскресенском – приказчик Гавриил Постников»¹⁴¹. Но уже летом появляется именование: «Воскресенский Заказ»¹⁴², что свидетельствует о том, что местный священник получил статус Духовного заказчика.

«Реэстр Заказу села Воскресенскаго» отмечал, что в ведомство созданного Воскресенского заказа отошли слободы Окуневская, Теченская, Чумлякская, Пещанская, сёла Бакланское и Кислянское¹⁴³. Данный документ являлся ответом на требование о высылке детей священно и церковнослужителей в Тобольск для обучения, но не отправленных туда в свое время из-за болезней. Воскресенский заказ на востоке граничил с заказом Царева Городища (Курган), на западе с Челябинской округой. В 1745–46 гг. главой Воскресенского заказа был священник – Аммос Андреев. В 1749 году его назначили в Полевской завод Екатеринбургского заказа, и заказчиком стал – Иван Протасов, служивший здесь до 1754 года¹⁴⁴. С 1755 года духовным заказчиком служил Иван Хомяков¹⁴⁵. Что было причиной таковой кадровой нестабильности в Воскресенском Духовном правлении, нам неизвестно. При такой ситуации духовные начальники не отметились здесь и громкими конфликтами в отношениях со светскими командирами, хотя нам известно о случаях игнорирования распоряжений Окуневской управительской канцелярии, но подобные эпизоды тогда были обычным явлением, а не исключением из правил.

¹⁴⁰ Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. С. 67.

¹⁴¹ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 82. Л. 3 об.

¹⁴² Там же. Д. 65. Л. 11.

¹⁴³ Там же. Д. 79. Л. 10.

¹⁴⁴ Там же. Д. 1647. Л. 1.

¹⁴⁵ Там же. Д. 1962. Л. 1–2.

В 1744 году в Исетской провинции митрополитом Антонием Нарожницким созданы новые Духовные заказы: Чебаркульский и Троицкий. Существовавшая по этому поводу переписка также не сохранилась. Обнаружено нами более позднее упоминание об указе организации Троицкого заказа: «по справке в Оренбургской губернской канцелярии по учиненному во оной в прошлом 1744 году июля 1 дня и опробованному <...> священно и церковно служителях в Оренбурге и в крепостях находящихся штату между протчаго на Уйской линии при десяти крепостях в Троицкой положен быть Закащик и при нем для писменных дел подьячей с жалованьем...»¹⁴⁶.

О времени создания Воскресенского и Троицкого Духовных заказов нами сказано, что касается существования Чебаркульского заказа, то мы сообщаем о нём впервые. Ранее о нём не было никаких упоминаний, даже у церковного историка Н.М. Чернавского, и у других более поздних авторов. Это объясняется тем, что существовал Чебаркульский заказ недолго, с 1744 по 1750 гг., и сведения о нем сохранились самые скудные. Возглавлял его священник – Федор Прокопьев, значащийся в документах как «заказщик»¹⁴⁷. Фамилия его – Бирюков, но в документах 1740-х гг. она не применялась. Есть упоминание, что Уйская крепость в 1744 году находилась в составе Чебаркульского заказа¹⁴⁸.

При начавшемся строительстве нескольких крепостей по реке Уй, в Троицкую крепость был назначен руководитель созданного Духовного заказа – Григорий Водорезов, прибывший из Тобольска. Территориальный фактор повлиял на то, что для небольшого количества строящихся церквей, организовывался отдельный Духовный Заказ. Расстояния на вновь осваиваемом пространстве провинции были весьма велики, преодолевались они в то время совсем не просто. От центра Троицкого заказа до его окраин было 3–4 дня пути, в зависимости от времени года.

¹⁴⁶ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2330. Л. 5.

¹⁴⁷ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 1366. Л. 3; ГАШ. Ф-358. Оп. 1. Д. 16. Л. 27.

¹⁴⁸ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 1275. Л. 5.

Логично в связи с вышесказанным, что и челябинский священник должен был получить статус духовного заказчика. Ведь вряд ли при создании ряда новых Духовных заказов в дистриктах провинции, подобный церковный орган не был бы создан в провинциальном центре, каким стала Челябинская крепость в конце 1743 года. Поэтому, здесь мы подробнее должны коснуться вопроса о времени создания Челябинского Духовного правления. В связи с этим Н.М. Чернавский писал, что оно было создано в 1750 году, называл и главу этой структуры – Петра Флоровского¹⁴⁹. По нашему мнению, историк имел в виду Указ о назначении нового главы Челябинского Духовного правления, так как более ранний документ не был тогда выявлен.

Как известно, Челябинская крепость стала административным центром Исетской провинции осенью 1743 года¹⁵⁰. Но переезд светских чинов (канцелярии) сюда состоялся позже, примерно через полгода¹⁵¹. По статусу здесь должно было создано и Духовное правление. Подобное предположение высказывали челябинские историки В.С. Боже и И.В. Дегтярев¹⁵². В поддержку данного довода приводился следующий аргумент. Немецкий ученый–академик И.Г. Гмеллин, посетив Челябинскую крепость в 1742 году, оставил в своих записях упоминание о том, что челябинскому священнику подчинялось духовенство местной округи¹⁵³. Церкви в соседних крепостях находились тогда еще в стадии постройки, но священники там уже были, проводя обряды и некоторые службы. При этом, мы должны отметить, что в документах Тобольской консистории, а также в различных циркулярах, при перечислениях Духовных заказов в 1744–1745 гг. и ранее, Челябинский заказ не упоминается.

Территориальный фактор был причиной того, что духовенство новых крепостей Исетской провинции подчинялось в начале 1740-х гг. челябинскому

¹⁴⁹ Чернавский Н.М. Челябинск в его прошлом 1736-1926 (хроника). Челябинск, 2016. С. 26.

¹⁵⁰ ПСЗ РИ. Т. XI (1730–1743). № 8783. Санкт-Петербург, 1830. С. 896.

¹⁵¹ Самигулов Г.Х. Из истории Челябинска: в 3 кн. Кн. 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год. Челябинск, 2015. С. 60.

¹⁵² Дегтярев И.В., Боже В.С. Купола над городом: исторические судьбы челябинских церквей. Челябинск, 1992. С. 12.

¹⁵³ Дореволуционный Челябинск в слове современников: Собрание текстов. Челябинск, 2012. С. 179.

священнику. Именно в Челябинске появился первый действующий храм на новоприсоединенной территории, отсюда шло транспортное сообщение с Теченской слободой, где находилось административное светское управление провинции. Поэтому, челябинский священник фактически руководил местным духовенством, что и продолжалось до середины 1740-х гг.

Прибытие митрополита Антония Нарожницкого в Тобольск в 1743 году, его последовавшее недовольство многими священниками, представшими перед своим новым иерархом, не дало возможности формального возвышения многим из них. Следует сделать предположение о том, что пристальное внимание и строгость по отношению к кадрам священства, повлияло и на несостоявшийся карьерный рост челябинского священника. Надо учитывать и скорость делопроизводства того времени, когда воплощение в практическую жизнь административных решений могло тянуться месяцами и более. Но после окончательного перевода провинциальной канцелярии в Челябинск, последовало, хотя далеко не сразу, создание здесь Духовного правления.

Первый челябинский священник – Иван Алексеевич Задорин, был тогда молодым человеком, 1714/15 года рождения¹⁵⁴. Однако, в то время возраст более 20-ти лет считался как вполне зрелый. На южное пограничье, в беспокойное время, вряд ли кто хотел ехать по собственной воле. Тобольское духовное начальство не стало посылать сюда более опытные кадры, в которых постоянно испытывало существенную потребность, потому что они нужны были в более спокойных и населённых местах. В личном плане о И. Задорине нам известно немало¹⁵⁵. Очевидно, что при назначении в Челябинскую крепость он не имел большого опыта работы священником, так как вероятнее всего, при данном переводе он и получил этот сан.

¹⁵⁴ ГАОО. Ф-173. Оп. 11. Д. 36. Метрическая книга 1774 г. Челябинского Христо-Рождественского Собора (Часть 3: запись о смерти священника Задорина И.А.).

¹⁵⁵ В отличие от дел служебных, о семье И. Задорина нам известно многое. В семье у него было несколько детей, в том числе сын – Петр (1745 г. рожд.), который к началу 1770-х гг. уже служил дьяконом вместе с отцом в Христо-Рождественском Соборе. По росписи начала 1773 года семьи отца и сына проживали совместно, две дочери священника Ивана (22 и 19 лет) были еще не выданы замуж, а в семье сына Петра было трое малолетних детей. См. ГАОО. Ф-173. Оп. 11. Д. 27. Л. 1.

Следовательно, неожиданно для себя став начальником над духовенством нескольких новых крепостей, он еще не обладал мастерством кадрового управления. Уровень его образования и, соответственно, умения вести регулярную отчетность с консисторией, нам не известен. Не анализируя здесь его личность, скажем лишь о том, что могло стать одной из причин не назначения его духовным начальником формально. Например: «Долгие годы тобольские митрополиты не могли добиться от местных духовных властей (десятона начальников, заказчиков) выполнения правил высылки кандидатов в священно- и церковнослужители, что было важно для контроля...»¹⁵⁶. Подобные служебные упущения вполне могли повлиять на то, что И. Задорин так и не стал официально главой Духовного правления.

С образованием новых Духовных приказов прежняя субординация для челябинского священника оказалась нарушена, хотя, авторитет его еще долго остался весомым. Но служебные нарушения или несоответствия поставили точку в его карьере. Вероятно, что по такому поводу он был вызван в Тобольск. Известно, что в 1749–1750 гг. он вообще не служил в Челябинске¹⁵⁷. Однако позже, в связи с тем, что многие священники хотели перевестись с Южного Урала в более спокойные и «сытые» места, и часто добивались этого – И. Задорина вернули в Челябинскую крепость. Завершая информацию о первом челябинском священнике, отметим, что из некоторых документов видно, что он был выходцем из Теченской слободы¹⁵⁸. Некоторые его близкие родственники (племянники) в те годы также служили в соседних крепостях – Еткульской и Миасской¹⁵⁹.

¹⁵⁶ Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. С. 66.

¹⁵⁷ В эти годы священник Челябинской Николаевской церкви – Федор Никитин сын Ильиных. См.: ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 291. Л. 34.

¹⁵⁸ При переводе дьякона Еткульской крепости Лариона Кирилова в 1753 году на другое место службы, в ведомости о нем сказано, что он родом: «Долматовского Заказа Теченской слободы Введенской церкви священника Кирилла Алексея сына Задорина [который назад тому лет шесть помре] сын родной подлинно, и во оной слободе при церкви был пономарем». См.: ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 1453. Л. 3.

¹⁵⁹ Священник Миасской крепости в середине 1740-х гг. – Иван Кирилов. См.: ОГАЧО. И-65. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

Формально, первым главой Челябинского Духовного правления стал священник Ермил Лаврентьев. Фамилия его – Неводчиков, но в документах 1740–1750-х гг. она не применялась. Он прибыл служить в Миасскую крепость зимой 1743/44 г. Прислан был в осваиваемое пограничье в наказание. Ранее он служил в Тобольске, потом возглавлял Тарский духовный Заказ, где вступил в конфликт с воеводой, на которого не смог доказать серьезное обвинение. Полагалось за это строгое наказание: лишение священства и ссылка. Но митрополитом Антонием – Ермил был помилован: «из-за обстоящих в ново-построенных Исетских крепостях нужде в священнослужителях»¹⁶⁰. На новом месте он в дальнейшем восстановил свой статус – вновь стал Духовным начальником. И. Задорин грамоту заказчика не получил.

В 1747 году власти Исетской провинции озвучили планы строительства в Челябинской крепости большого каменного собора, о чём провинциальная канцелярия повела переписку с духовными и светскими властями. Оренбургская губернская канцелярия дала положительный ответ на это начинание весной 1748 года¹⁶¹. Почти сразу были разосланы указы о поиске и вызове в Челябинск умельцев–строителей, а также других людей, имеющих конкретные специальности¹⁶². В тот же сезон началось большое строительство, бывшее более сложным и кропотливым делом, чем создание и расширение деревянной крепости. И, вероятно, строительство храма не затянулось бы надолго, но на это повлияли факторы, значительно изменившие не только местную, но всю провинциальную жизнь.

В декабре 1749 года в Тобольск прибыл новоназначенный митрополит – Сильвестр Главатский. Путь от Соли Камской до Тобольска произвел на него сильное, во многом удручающее впечатление. Митрополит сообщал: «Минувшего 1749 года декабря в первых числах в переезде Его

¹⁶⁰ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2922. Л. 3 об.

¹⁶¹ Самигулов Г.Х. Заметки о Челябинске XVIII века // Природное и культурное наследие Урала: сб. ст. Челябинск, 2008. С. 70.

¹⁶² Летопись Челябинской области 1673–1917 гг.: Сб. док. и мат-лов. Челябинск, 2008. С. 37, 38.

Преосвященства в Тобольскую Епархию наченая с Соли Камского волока от Ростецкого села даже до Тобольска в слободах и селах по пути усмотрено Его Преосвященством что многие церкви святые состоят без всякого призрения ибо от всий кровлями весьма обетшали другия же и главами покривились и в прочем повредились а аристанския умершия телеса погребенныя из земле и в могилах засыпанныя от скудных прихожан мелко лежат яко языческия мертвечины...»¹⁶³. Незамедлительно последовал и Указ нового митрополита, который требовал наведения повсеместно в епархии порядка и поправления церквей. Наместник Далматова монастыря – иеромонах Митрофан, получил данный Указ из консистории уже в начале 1750 года.

Митрополит Сильвестр, ознакомившись наскоро о состоянии дел в епархии, по его мнению, весьма неблагоприятных, практически сразу развернул бурную деятельность. Считая главным на тот момент кадровый вопрос, он начал с того, что стал менять многих духовных начальников, заменяя их новыми людьми. Очевидно, что происходило это после краткого с ними знакомства или с подачи таковых сведений от своих ближайших помощников. Среди других, им был сменён челябинский заказчик – Е. Лаврентьев, лишенный этой должности в 1750 году и отправленный в Невьянское Духовное правление¹⁶⁴.

1750 год стал временем больших кадровых изменений. В Далматовском монастыре летом умер архимандрит Сильвестр, и назначен был новый заказчик – иеромонах Митрофан¹⁶⁵. В течении года Духовные заказы: Троицкий и Чебаркульский были ликвидированы. Троицкий заказчик – Григорий Водорезов продолжил исполнять прежние обязанности, формально став «десятоначальником», позже он был переведен в Каракульскую, а затем в Петро-Павловскую крепость. В 1751 году на место Водорезова десятоначальником назначен был священник И. Петухов, служивший ранее в

¹⁶³ ГАШ. Ф-358. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.

¹⁶⁴ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2922. Л. 9.

¹⁶⁵ РГИА. Ф-796. Оп. 31. Д. 152. Л. 1.

Миасской и Чебаркульской крепостях. Чебаркульский заказчик – Ф.П. Бирюков вызвал раздражение митрополита Сильвестра своими служебными нарушениями. Одна из причин неприязни нового митрополита к священнику Бирюкову, отмечена в Указе от 24 июня 1750 года. Документ адресован главе Далматова монастыря, интересен своим весьма необычным содержанием. «Его Преос-щенство слушав дела касающихся до бывшего Чебаркулской крепости заказчика Св-щенника Федора Прокопьева по которым делам явилось в тамошних новопостроенных оног Чебаркулского Заказу крепостях многие женки от своих первых законных мужей а мужья от своих законных жен з другими по неправильному их браком сочетанию в прелюбодействе и в прижитии с ними незаконно детей. Того ради определил о том Чилибинскому закащику накрепко исследовать а понеже как видно ни от чего иного такое в показанных крепостях Беззаконие делается и двоеженцы мужики и двоемужние жены являются толко от того что те крепости населены и еще населяются жителями из разных далних мест и слобод вново отвсюду съезжими и может быть многие такие ж оставя на прежних своих жилищах своих жен и детей женятся в тех крепостях сказываясь холостыми или вдовцами...»¹⁶⁶.

Надо сделать небольшое отступление. Необходимо отметить, что недовольство митрополита чебаркульским заказчиком было оправдано. Нами выявлено в немногочисленных консисторских документах 1740-х гг., сведения о трех служебных нарушениях священника Ф.П. Бирюкова (они упомянуты в нашей работе), но, вероятно, их было больше. Как сказано выше, кадровый вопрос для митрополита Сильвестра был одним из важнейших, поэтому неудивительно отстранение одного из заказчиков от должности, в данном случае – чебаркульского. Что же касается упразднения самого заказа, то здесь была произведена давно назревшая корректировка, основанная на уточненной географической информации, которую ранее запрашивала Тобольская консистория.

¹⁶⁶ ГАШ. Ф-358. Оп. 1. Д. 16. Л. 27–27 об.

Приведем резолюцию вышеозначенного Указа: «Того ради велено во всех новопостроенных крепостях Священником и причетником и чрез других Всякими способы разведать – нет ли в котором приходе и еще где таких прелюбодействующих мужей от живых жен и жен от живых своих мужей съезжих и под именем вдовцов и вдовиц и самокрувами незаконно брачающихся. И разведав Челябинскому и Троицкому закащикам против вышеписанного ж исследовать со всяким обстоятельством иску. Следственные дела прислать к Его Преос-щенству для рассмотрения и решения...»¹⁶⁷. Далее шла большого объема инструкция, в которой предписывалось исполнять означенную предосторожность. Наместник митрополита, иеромонах Митрофан получил в Далматове Указ в последний день августа 1750 г. Как на практике исполнялись подобные предписания? В основном выполнялись, что, впрочем, делалось и раньше без особых подобных указаний. Но после появления этого нового Указа – «цена вопроса» становилась выше. Говоря современным языком, возросла коррупционная составляющая закона. О немалом же количестве случаев самых разных нарушений в духовном ведомстве, в том числе при венчаниях, нам известно из сохранившихся дел Духовных правлений.

После административных изменений 1750 года, территория Троицкого и Чебаркульского упраздненных Духовных заказов перешла в ведение Челябинского Духовного правления, ставшего территориально самым большим в провинции, таким образом, центром регионального значения. В январе 1750 года главой Челябинского Духовного правления назначен бывший выпускник Тобольской семинарии – священник Петр Флоровский. О нём нужно сказать подробнее. Он был родом из Екатеринбурга, 1722/23 года рождения¹⁶⁸. Там в 1720–1730-е гг., в храме Св. Екатерины, служил его отец, «поп Иван Федосеев Флоровский», который «за сочувствие к гонимым раскольникам» и «за богомерзкие слова» был арестован и после пыток отправлен в кандалах в

¹⁶⁷ ГАШ. Ф-358. Оп. 1. Д. 16. Л. 27 об.

¹⁶⁸ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 360. Л. 79

Москву, где его в 1738 году казнили¹⁶⁹. Сын Петр в подростковом возрасте уехал учиться в Тобольск, после этого служил, постепенно поднимаясь в сане.

П.И. Флоровский, после проведенных административных изменений, фактически единолично сосредоточил духовную власть в огромном крае. Статус Челябинского Духовного правления резко вырос после упразднения Троицкого и Чебаркульского приказов. Даже из дальней северо-восточной окраины провинции, из Исетского острога (Исетска), депеши и информацию по духовному ведомству стали направлять в Челябинск, хотя рядом находилось Духовное правление Троицкого Рафайлова монастыря.

Одной из главных причин недовольства нового митрополита епархиальными кадрами стало ознакомление с данными, которые свидетельствовали о значительном росте «раскола» на подведомственной территории. После этого митрополит развернул энергичную и жесткую борьбу с расколом (*о чем подробнее скажем в главе № 2*). На назначенцев митрополита легла большая рабочая нагрузка и ответственность. В то время заказчики на своем уровне также столкнулись с кадровой проблемой, главным образом, качеством церковнослужителей.

Разумеется, среда духовенства была неоднородна, отличалась по своему качественному составу, как профессиональному, так и морально-нравственному. На все эти моменты заказчикам приходилось постоянно обращать внимание и, соответственно, реагировать. Важный фактор – состояние здоровья священства, это влияло на процесс производства церковных служб и мирских треб, было постоянной проблемой. Пожилых, хронически больных и не здоровых священнослужителей вынужденно приходилось удалять от службы, что естественно, происходило далеко не сразу, так как приходилось подыскивать на их место новых кандидатов, что в условиях имевшего место кадрового дефицита сделать было весьма непросто.

¹⁶⁹ Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781). 3-е изд. Екатеринбург, 2001. С. 81–82.

Например, в 1750 году из Чебаркуля пришло сообщение о том, что «церковный староста Федор Токарев, казачей атаман Семен Симанов в Челябинский духовный Заказ писменно объявили что той крепости Преображенской церкви дьячок Семен Васильев за непременною Ево болезнию в церкви святой мало бывает отчего де случаетца в служении без дьячка остановка к тому ж де и двоеженец»¹⁷⁰. Заказчик П. Флоровский по этому поводу сообщил своё мнение, что у бывшего той крепости священника Ф.П. Бирюкова имеется сын Андроник: «который по свидетельству моему читать и писать обучен и состояния доброго человек»¹⁷¹. Далее также отмечалось, что местные жители выбрали его в дьячки, «на что и писменной Заручной Приговор Дали». Общество просило: «на место означенного дьячка Васильева за немощью Ево и за не хождение к церкви определить выше помянутого поповского сына Бирюкова»¹⁷². Андронику было всего 16 лет. Получив в Духовном правлении паспорт, он отправился в Тобольск, и митрополитом: «определен дьячком и рукоположением Нашим в стихарь посвящен. Дана Ему Сия благословенная властною нашею рукою Подписанная и печатью утвержденная грамата, Писана в доме Нашем на престольном Митрополитанском в богоспасаемом граде Тоболску лета 1750 июля, 2 числа»¹⁷³. Но служить дьячок был отправлен не в Чебаркуль, а в крепость Уклы-Карагайскую, так решили в консистории.

Многие десятилетия в XVII–XVIII вв. духовное сословие на Урале пополнялось, в том числе и за счёт выходцев из других сословий. Постепенно подобная практика стала ограничиваться, и с середины XVIII века запрещена. Но недостаток священнослужителей в зоне фронта, весьма проблемной в плане контроля, имел на Южном Урале своим следствием ту особенность, что довольно долго сохранялся всё же обычай выбора жителями священства для себя. В общих чертах об этом писал известный историк РПЦ – П.В.

¹⁷⁰ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 598. Л. 2.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же. Л. 3.

¹⁷³ Там же. Л. 6.

Знаменский: «В некоторых местностях, в течение по крайней мере первой половины XVIII века приходские выборы мирно продолжали свою практику во всей ее целостности, частью по общему уважению к старой памяти и заведенному порядку, частью потому, что не было на лицо ни достаточного числа наследников по малочисленности духовенства, ни достаточного числа школьников, которые бы могли наполнять открывшиеся в приходах вакансии»¹⁷⁴.

Вышесказанное имело прямое отношение к Южному Уралу, ситуация здесь с кадрами священнослужителей была очень непростой. П.В. Знаменский констатировал, что ограничения приходских выборов проявились прежде всего во внутренних Великороссийских епархиях: «где кроме того с самого начала XVIII столетия порядок выборов подвергнулся регламентации правительства и иерархии»¹⁷⁵. Из-за определенной политики Синода, в русском обществе происходил слом прежних земских традиций, ориентированных на самостоятельность приходской общины, то есть право выбора духовенства и право отказа от предложенного кандидата. Даже «выборы и деятельность церковных старост ставятся под контроль местных духовных правлений, которые обязаны теперь следить за их регулярной сменяемостью. Финансовая отчетность старост все чаще проверяется так же не общиной, а духовенством – в частности, духовными правлениями, которые отчитываются в этом перед высшей епархиальной властью»¹⁷⁶.

На Южном Урале практика выборов обществом духовенства просуществовала до середины 1750-х гг., как минимум. Приведем несколько примеров на этот счет. Так, Еткульский священник – Тимофей Поршевников был выходцем из казаков–первопоселенцев данной крепости, также его брат Яков, выйдя из казачьего сословия, служил в Еткульской крепости, до своего

¹⁷⁴ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 18.

¹⁷⁵ Там же. С. 19.

¹⁷⁶ Зольникова Н.Д. Традиции православия в Сибири. Конец XVI–XIX вв. / Сибирская икона. Омск, 1999. С. 26.

перевода¹⁷⁷. Казак Миасской крепости Василий Завьялов стал по выбору местного общества пономарем в Пророко-Ильинском храме, а затем священником в Карагайской крепости¹⁷⁸. Челябинский посадский Д. Рышков стал дьячком в Увельской слободе¹⁷⁹. Священником этой слободы был Ф. Вершинин – бывший местный казак, перешедший в духовное сословие¹⁸⁰.

Митрополит Сильвестр лично вникал во многие местные церковные дела, в том числе сам занимался переводом священников. После того, как он осуществил в епархии решительные кадровые перестановки, через некоторое время проявился обратный эффект. Многие из церковнослужителей Исетской провинции, чье положение после перевода ухудшилось, стали писать просьбы о смене места службы. Например, священник Федор Васильев писал, что служил в Троицкой крепости с 1746-го по 1750 год, но был переведен в Усть-Уйскую. На новом месте он стал претерпевать «крайнюю себе нужду такую, что едва со своею семьею имею пропитание», говоря о высоких ценах на хлеб в пограничных крепостях, на что денег (жалования) не хватало¹⁸¹. Священник Федор при этом добавлял, что у него 5 детей. В 1753 году митрополит приказал перевести Ф. Васильева в Таловскую слободу, бывшую одним из лучших, «хлебных» мест провинции. Не повлияло здесь даже то, что на прежнем месте службы священника было еще не завершено дело (следствие) о краже: «По справке в Повытье Церковных дел до вышеобъявленного с-щенника Васильева дел не касается. Кроме того что во оной Усть-уйской крепости из церкви при которой он с-щенник находился во с-щеннослужении покрадено неведомо кем казенных церковных денег всего шесть рублей тритцать две копейки»¹⁸². Здесь мы видим, что личное мнение митрополита преобладало над точным исполнением законов.

¹⁷⁷ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 350. Л.3; Д. 908. Л. 8.

¹⁷⁸ Там же. Д. 1366.

¹⁷⁹ Там же. Д. 2119. Л. 2–4.

¹⁸⁰ Там же. Д. 1365. Л. 1–2.

¹⁸¹ Там же. Д. 1458. Л. 1.

¹⁸² Там же. Л. 4 об.

В связи с упоминанием дел о кадровых переводах, скажем о том, что нами обнаружена тенденция, что часть переведенного в 1730–40-е гг. на новые южные рубежи провинции духовенства, стремились в своих желаниях вернуться обратно, в более обжитые, спокойные и населенные места, на север провинции. Такие просьбы о переводах митрополиту посылали: дьякон Еткульской крепости Л. Задорин в 1753 году¹⁸³; пономарь Ново-Увельской деревни – В. Протасов в 1754 году¹⁸⁴; пономарь Петро-Павловской крепости И. Мальцов¹⁸⁵; в те же годы: пономарь Степной крепости В. Хомяков¹⁸⁶; дьячок Звериноголовской крепости В. Ильиных¹⁸⁷, и многие другие. Такая же тенденция прослеживается и в просьбах части тобольского духовенства, служившего в исетских крепостях, они стремились перевестись обратно в Тобольск или его уезд. Например, аналогичную просьбу подавал дьячок Троицкой крепости С. Крюков в 1751 году¹⁸⁸; пономарь Ф. Копылов смог перевестись из Челябинской крепости в село Карматское¹⁸⁹.

Из пограничья стремились перевестись хотя бы не далеко, но в более обустроенные места. Тяжелая жизнь во вновь осваиваемых пограничных местах, о чем мы ранее уже говорили, была главной причиной подобных прошений, и недовольства служителей культа. Например, священник Усть-Уйской крепости Ф. Максимов обратился с прошением определить его «в новую церковь Чебаркульской крепости»¹⁹⁰, данное место становилось весьма привлекательным, несколько позже сюда же попросил о переводе священник села Таузакова – С. Комаров¹⁹¹. Конечно, не все просьбы духовенства о переводе в более лучшие места были удовлетворены консисторией.

¹⁸³ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 1453.

¹⁸⁴ Там же. Д. 1660.

¹⁸⁵ Там же. Д. 1847.

¹⁸⁶ Там же. Д. 2023.

¹⁸⁷ Там же. Д. 2444.

¹⁸⁸ Там же. Д. 783.

¹⁸⁹ Там же. Д. 1868.

¹⁹⁰ Там же. Д. 1656. Л. 1–2.

¹⁹¹ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 3132. Л. 1.

Обычно прошения о переводе были немногословны, выражая кратко причину недовольства, но иногда подобные просьбы были буквально мольбой, смешанной с показным унижением просящего. В связи с этим, приведем один из характерных примеров, относящихся к просьбам о переводе. В 1752 году некий В. Тюшняков сообщал: «прежде находился я низайший челябинского Заказу в Уйской крепости при церкви дьячком где за малоименем и скудостью прихожан быть мне низайшему не у чего, и с домашними своими претерпеваю немалую в пропитании нужду. Того ради Вас милостивого архипастыря с низайшею моею покорностью прошу дабы соблаговолено было меня низайшего во священника произвести...»¹⁹². И это писал 40-летний человек, очевидно отчаявшийся, униженный своим беспросветным существованием, готовый ради более высокой должности и лучшего места на всё что угодно. Челябинский заказчик подготовил справку о службе дьячка, где отмечено, что он в штрафах и воровстве не бывал, жития добропорядочного, даны при этом показания свидетеля, знавшего историю жизни просителя с самого детства. Митрополит внял мольбе дьячка, призвав к себе, и произвел Тюшнякова в сан священника, назначив служить ему в более спокойном и сытом месте, кстати сказать, недалеко от родных мест просителя¹⁹³.

Духовенство в силу отсутствия казенного жалованья почти полностью зависело от своих прихожан, от степени их зажиточности и состоятельности. В свою очередь, этот фактор определялся местными условиями, природным изобилием и урожайностью конкретного года. При очень скудном урожае, что случалось периодически один-два раза в десять лет, приходские общества не могли выполнить в полном объеме свои обязательства по обеспечению причта, что приводило к жалобам и конфликтам с духовенством. При этом священники, ища справедливость, напоминали прежние указы светской власти, то есть «походной канцелярии И.И. Неплюева», в которых были установлены нормы руги. Например, один из священников, сообщая о своей «крайней нужде» и

¹⁹² ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 1775. Л. 1.

¹⁹³ Там же. Л. 2–2 об.

«скудости» писал, что по указу Оренбургской канцелярии от 3 марта 1758 года и с согласия Тобольского митрополита: «определено в казачьей Мияской крепости содержать священника с причетники на жалованье, которое собирается с казаков и производится вместо руги...», цифры таковы: в год священнику 24 рубля и муки 6 четвертей, дьячку 6 рублей и муки 3 четверти¹⁹⁴. Здесь надо напомнить, что часть своих доходов духовенство отдавало для содержания церковных органов управления, в первую очередь Духовных правлений.

Редко, но бывали пожелания оставить духовную службу добровольно, чаще всего по сугубо личным обстоятельствам. Например, в 1759 году в Челябинском Духовном правлении получили письмо из Еткульской крепости от дьякона с просьбой уволить его со службы, и о желании пострига в монастырь. Автор сообщал, что: «волею божиею я нижайший овдовел и для того желаю пострижения в чин монашества и быть в успенском Далматове мн-тре в коем обретается токмо один иеродиакон...»¹⁹⁵. Дьякон обосновал свою просьбу тем, что имеет малых детей (4 и 1 год) и содержать их ему в монастыре будет «способнее». В консистории видимо обратили внимание на возраст просителя, которому было всего 25 лет (1734 года рождения). В 1760 году на эту просьбу дана резолюция: «по пострижении священнодействовать а иеродьякона Урвана выслать в Тобольск»¹⁹⁶. Таким образом, дьякон Поршевников остался на духовной службе, поменяв место на более для себя привлекательное. Постриг его состоялся лишь в 1761 году, так как вернувшись в 1760 году в Еткуль за хлебной ругой, дьякон заболел там «трясучею» болезнью, о чем Троицкое Духовное правление выслало Далматовскому «свидетельство». При постриге дьякон получил имя – Иов¹⁹⁷.

Важно отметить, что при Далматовском и Троицком Духовных правлениях в середине века функционировали собственные школы, где

¹⁹⁴ ОГАЧО. И-33. Оп. 4. Д. 1. Л. 10.

¹⁹⁵ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2871. Л. 2.

¹⁹⁶ Там же. Л. 2 об.

¹⁹⁷ Там же. Л. 4.

готовили к службе кадры духовенства¹⁹⁸. В них обучались или повышали уровень своей подготовки представители духовенства из всей провинции. Причем в Далматове духовная школа существовала к тому моменту уже не один десяток лет. Об этой школе при монастыре и ее деятельности имеются некоторые сведения в исторической литературе¹⁹⁹. Что касается школы при Троицком Духовном правлении, то ранее было известно лишь упоминание о годе её создания (1759 г.)²⁰⁰. Нами на основе архивных данных выявлена дополнительная информация о составе ее учащихся. Например, известно, что в 1762 году при Троицкой школе находились ученики: брат местного священника – Иван Наумов, сын дьякона М. Кузнецова – Иосиф, также сыновья священников из Усть-Уйской, Петро-Павловской крепостей и села Бродокалмак – Петр Тоболкин, Василий Арефьев, Петр Мутин. Также, сыновья дьячка Пещанской слободы – Иван и Петр Злодеевы, из Верхяицкой крепости сын пономаря – Алексей Архипов²⁰¹. Вероятно, что при Троицкой школе были также ученики, выходцы из других сословий, обучавшиеся грамоте или готовившиеся стать пономарями. Положительная роль духовенства в распространении грамотности очевидна и бесспорна²⁰². Также это сословие являлось кадровым резервом для различных канцелярий, что особенно проявлялось в годы «разборов» духовенства.

22 июля 1762 года, в Троицкой крепости присягнули на верность новой императрице – Екатерине: протопоп Я. Кудрицкий, также священники Максим Рудаков и Федор Наумов, дьякон Михаил Кузнецов, пономарь Василий

¹⁹⁸ «Главное управление школами было предоставлено самим архиереям и отнесено к делам епархиальной администрации. Их внешнее благосостояние, состав курса и учебного персонала – все зависело от личного распоряжения и забот архиереев. Заведение школ первоначально, по крайней мере до 1730 г., шло медленно...». См.: Тальберг Н.Д. История Русской церкви. Москва, 1997. С. 667.

¹⁹⁹ Например: Нечаева М.Ю. Далматовское духовное правление в XVIII веке / Исторический чтения: мат-лы науч. конф. № 2. Челябинск, 1996. С. 61.; Пашков А.А. Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь. Шадринск, 2000. С. 69.

²⁰⁰ Пашков А.А. Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь... С. 70.

²⁰¹ ГАТ. И-156. Оп.1. Д.360. Л.175.

²⁰² В 1764 г. в России при 2 Духовных академиях и 26 семинариях обучалось 6 тыс. человек; в 1784 г. – в 4 академиях, 34 семинариях – 12 тыс. учащихся. См.: Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Москва, 2003. С. 92.

Комаров²⁰³. Надо отметить, что в том же 1762 году в крепости был достроен и освящен каменный собор Святой Троицы. От Тобольского митрополита Павла Конюсевича для столь важного события был получен «подарок» – восьмиконечный крест, с благословенной надписью.

От Духовных правлений иногда требовалось быстрое реагирование и исполнение дел. К таким экстренным случаям надо отнести форс-мажорные обстоятельства, в том числе пожары, повреждавшие порой церкви или уничтожавшие их целиком. Например, известно, что Преображенский храм в Чебаркуле в первую четверть века своего существования, до 1770-х гг. горел два раза (причем один раз это произошло из-за удара молнии)²⁰⁴. Также, в начале 1760-х гг. сгорел храм в Верхояицкой крепости. В 1764 году здесь заложена была новая церковь, но новом месте, при «перестройке в другой половине крепости»²⁰⁵.

Остановимся более подробно на случае пожарного происшествия, бывшем в Петро-Павловской крепости. В декабре 1757 года храм крепости ночью сгорел, вероятно, из-за недосмотра за печью. При пожаре священники смогли вытащить из храма лишь несколько вещей. Рапорт священника П. Арефьева, заказчик Я. Кудрицкий отправил в Тобольск: «церковь изволением Божиим со всею утварью сгорела...»²⁰⁶. Консистория потребовала назвать виновников пожара, по чьему недосмотру-«небрежению» случился пожар: «исследовать и то следствие на рассмотрение прислать в духовную консисторию немедленно»²⁰⁷, что и было исполнено.

Военное руководство сработало быстро, заготовив уже зимой лес для построения нового храма и отпрапортовав в Оренбург, но потом возникли трудности, о чем губернская канцелярия сообщила в Тобольск. Командир верхней Уйской дистанции секунд-майор С. Сорокин писал: «к строению вновь

²⁰³ ГАТ. И-156. Оп.1. Д.360. Л.175.

²⁰⁴ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 1-Б. Л. 53–54.

²⁰⁵ ОГАЧО. И-65. Оп. 1. Д. 3. Л. 163.

²⁰⁶ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2474. Л. 3.

²⁰⁷ Там же. Л. 5.

другой церкви Божией лесу заготовлено уже з достатком, токмо де еще на место за раскомандированием в нынешнее лето людей и казенных лошадей в препровождении калмык и протчие посылки ничего не вывезено разве де оною перевозкою начнется после сенокосного времени...»²⁰⁸. Также: «на утварь де церковную послано в Москву Уфимского драгунского полку с подпрапорщиком Рушинским, а иконостас де за нестроением той церкви делать ныне еще никак не можно...»²⁰⁹. Сообщив о трудностях к построению нового храма, губернская канцелярия указала консистории на её медлительность. За год переписка не привела к решению важного дела, всё время находились новые препятствия. На промедление дел повлияла ситуация в Тобольске, консистория работала без митрополита.

Церковное строительство являлось актуальным на Южном Урале на всем протяжении XVIII века. Важно отметить, что многие храмы пострадали или были утрачены при событиях т.н. «пугачевщины». Но даже если православный храм не пострадал в 1773/1774 гг., то состояние многих из них после того, в связи с многолетним экономическим упадком, ухудшалось. Так, в 1775 году сообщалось в Духовное правление о плохом состоянии храма в Нижне-Увельской слободе: «так что и народу входить в храм божий опасно...», нужен ремонт²¹⁰. Строительство и ремонт храмов шло во многих местах провинции. Например, в конце 1780-х гг. строили новый храм в Усть-Уйской крепости, где церковь «обложена, как по справке оказалось минувшего 1787, священа 1793, иконостас каков поставлен при освящении, також и теперь довольно прочен и хорош...»²¹¹. В том же году в храме Еткульской крепости поправляли—обновляли иконостас и делали ремонт. Обществом было потрачено почти 200 рублей. Сложную часть работы с иконостасом делал челябинец М. Волков. Храм в Коелге в 1770–1780-е гг. сильно обветшал, пришел в негодность. Но лишь летом 1790 года была получена из Тобольска грамота Его

²⁰⁸ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2474. Л. 14.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 1 Б. Л. 20–21.

²¹¹ ОГАЧО. И-33. Оп. 3. Д. 59. Л. 2 об.

Преосвященства: «о заложении в Коельской крепости церкви». Из Челябинска указано священнику Балярскому: «и велено когда для обложения оной церкви будет назначен день, сему Правлению дать знать»²¹². Проблема ремонта, и строительство новых храмов вместо обветшавших, была актуальной до окончания века.

На присоединенных территориях возникала административно-организационная структура органов духовной власти – Духовные правления. В Исетской провинции в 1740-е гг. были созданы: Воскресенское, Троицкое, Чебаркульское, Челябинское – Духовные правления. Нововведения осуществлял прибывший на тобольскую кафедру в 1743 году новый митрополит Антоний Нарожницкий. Реорганизация была связана с присоединением новой территории под русское заселение и освоение на Южном Урале. Перед Духовными заказчиками стояла задача утвердить и обеспечить на подведомственной территории доминирование православия. Поэтому, среди других, важной задачей, при наличии массы инородческого населения, являлось миссионерство. Для выполнения данных задач Духовные правления обладали судебной функцией, могли и применяли наказания, в том числе телесные. Власть Духовных заказчиков в середине XVIII века была сильной и автономной, основывалась на формальных духовных законах, которые были чрезвычайно строгими и даже жестокими, многообразны по тяжести прописанных в них наказаний.

Границы Духовных Заказов периодически были подвижны из-за неоднократных административных изменений. Происходила апробация и налаживание системы церковного управления. Большой проблемой был дефицит церковных кадров, что влияло на профессиональное качество клириков. Стремление к её быстрому преодолению вело к крайности, когда дети духовного сословия от 11–12 лет могли назначаться пономарями, при одном лишь условии знания русской грамоты. С повышением же звания почти

²¹² ОГАЧО. И-33. Оп. 4. Д. 5. Листы без нумерации.

всегда следовал перевод на новое место службы, что также не способствовало наработке духовного авторитета. На Южном Урале этот фактор определил то, что общественные выборы духовенства из среды прихожан продолжались, несмотря на запрещающие указы Синода, вплоть до середины 1750-х гг.

Епархиальное руководство для купирования кадровой проблемы организовало открытие ряда школ, в том числе в Троицкой крепости, и семинарии в Тобольске. Так, в сфере образования постепенно был достигнут заметный успех, и в дальнейшем, при регулярных «разборах» духовенства, бывшие клирики нередко пополняли кадровый состав светских канцелярий, становились и домашними учителями, распространяли грамотность в своей новой среде.

Подводя итоги первой главы, отметим, что заселение и освоение южно-уральского края, начатое еще во второй половине XVII века, получило большое развитие и активно продолжилось в XVIII веке, когда приток людей на Урал стал наиболее массовым. Происходил процесс христианской сакрализации обширного пространства на стыке Южного Урала и Большой степи²¹³. РПЦ находилась в авангарде продвижения российского влияния, проходившего в тяжелых условиях, в том числе активного вооруженного противостояния инородческого населения на первоначальном этапе.

При создании Исетской провинции (и немногим позже Оренбургской губернии), церковные власти плодотворно и эффективно вели сотрудничество с представителями светских и военных властей. Обе ветви власти нуждались друг в друге для преодоления многочисленных проблем при завоевании и освоении края, также для осуществления духовной и моральной поддержки населения, а с другой стороны – регулированию его религиозной жизни и контролю для пресечения раскола.

²¹³ Конюченко А.И., Никифорова О.В. Опыт дешифровки кода религиозного пространства // Урал в контексте российской модернизации. Сб. науч. ст. Челябинск, 2005. С. 398–415.

Положение дел несколько усугубляло то обстоятельство, что вновь созданная в 1744 году Оренбургская губерния оказалась разделенной на два центра духовного управления: для западной части губернии епархиальным центром стал город Казань, удаленный от Оренбурга на ~ 700 км. От центра Исетской провинции (Челябинская крепость) до Тобольска (Сибирская епархия) было аналогичное расстояние ~ 700 км. Таким образом, епархиальное управление находилось на большом удалении от главных губернских центров, и по этой причине не имело возможности быстро получать необходимую информацию, оперативно влиять на текущие дела местных духовных начальников. Данное положение отрицательно влияло на ведение различных дел, так как эффективная делопроизводственная переписка между ведомствами становилась чаще всего невозможной. Территориальный фактор играл очень существенную роль, замедляя делопроизводство органов власти. К тому же и система духовного управления в Исетской провинции в тот период территориально еще чётко не оформилась. Практически она лишь только выстраивалась, учитывая постепенно прошлые неточности и текущие изменения, так как продолжали создаваться всё новые населенные пункты, в которых, соответственно, сразу приступали к храмовому строительству.

Духовные правления (Заказы) являлись звеном в системе управления и контроля церковными делами, представительством на периферии власти митрополита Тобольского и Сибирского. В круг обязанностей Духовных правлений входило решение самых разных вопросов, касающихся кадров, строительства, содержания и ремонта церквей. Особенно много проблем храмового строительства приходилось преодолевать в середине, а также в последней четверти века. Заказчики обязаны были согласовывать практически все вопросы с консисторией, что при существенном значении географического фактора в то время, надолго замедляло исполнение текущих дел, даже весьма важных.

Острой, особенно в середине века, была кадровая проблема духовенства. На это повлияла политика в 1730-е гг. императрицы Анны Иоановны, когда в

результате «разбора» духовенства, Тобольская епархия лишилась значительной части своего кадрового состава. Преодолеть возникший дефицит служащего духовенства долгое время не удавалось. На Южном Урале из-за нехватки церковнослужителей, выборы их из среды местных обществ сохранялись до середины 1750-х гг., происходя уже в нарушение указов Синода, но с позволения Тобольского митрополита. В таких условиях церковнослужители могли делать довольно быструю служебную карьеру, но с повышением звания почти всегда следовал перевод на новое место службы. Таким образом, проявился системный недостаток кадровой политики Тобольской консистории.

Из-за нехватки духовенства на этапе активной колонизации обширного пространства, у Тобольской консистории и у заказчиков не было эффективной возможности влиять на улучшение качества духовных кадров. Потому дел, связанных с разбирательством различных служебных злоупотреблений, было весьма много. Основным методом влияния на служебные нарушения и девиантное поведение клириков были телесные наказания и штрафы.

Духовные правления оказались насущно необходимы на территории урало-сибирского фронта, и не только для самой духовной власти, но и государству в целом. Будучи местными управляющими церковными учреждениями, южно-уральские Духовные правления исполняли главную роль в организации и ведении церковных дел, также в контроле и регулировании духовной жизни верующего христианского населения Исетской провинции, деятельность их была оправдана и соответствовала требованиям своего времени, весьма точно названному как – «жестокий век».

ГЛАВА 2. ДУХОВНЫХ ПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В XVIII ВЕКЕ

2.1. Деятельность Духовных правлений по контролю духовенства и регулированию религиозно-общественной жизни населения

Духовные правления, контролируя подчиненное духовенство и религиозную жизнь населения, вели множество самостоятельных действий, выясняя детали и обстоятельства различных дел, и если выводы были вполне однозначные, принимали решения по итогу расследования, но всегда информируя консисторию. В зависимости от требования епархиального начальства, заказчики сообщали о делах подробно или делали так называемый «экстракт», то есть выборку наиболее важного. Обычно допросные листы оставались в канцеляриях правлений, но если переписка продолжалась долго, как чаще всего и бывало, в консистории также накапливался практически полный свод документов. Лишь в редких случаях разбирательство происходило оперативно. Приведем один такой пример. В 1743 году Далматовское Духовное правление расследовало смерть пономаря села Сухринского, так как его вдова утверждала, что поп С. Иванов «спехнул з берегу в воду отчего де оной пономарь и утонул...»²¹⁴. Правление после опроса многих свидетелей установило, что это был несчастный случай. Из-за подозрения в преступлении, в деле приняла участие и Управительская канцелярия. Запрещено было в случае неустановленной причины смерти погребать мертвое тело, в данном случае это ускорило разбирательство. Но несмотря на итог следствия, консистория вызвала С. Иванова в Тобольск, и архимандрит Знаменского монастыря продержал его у себя почти до нового 1744 года, дав затем паспорт на проезд до Далматова с приказом «поспешая в пути как скоро возможно». Фактически епархиальное начальство пыталось продублировать следствие, но сделать это

²¹⁴ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 103. Л. 1а.

заочно, без уже допрошенных свидетелей–крестьян, при одном (хотя и главном) фигуранте, вряд ли имело смысл.

Веским недостатком являлось то, что даже по маловажным вопросам, доношения доставлялись на рассмотрение митрополита. При огромной территории Сибирской епархии, переписка обычно занимала много месяцев. Масса подобных обращений весьма мелкого значения, так или иначе, отвлекали консисторию от более важных дел. К примеру, в 1745 году пономарь из Томска – А. Пушкарев просил митрополита о разрешении съездить в район Далматовского заказа, для свидания с родственниками «с которыми чрез пятнадцать лет не видался...»²¹⁵. Он долго ожидал ответа, и позже сам поехал в Тобольск за разрешением, тогда как вопросы такого свойства гораздо проще было решить заказчикам.

Существенным недостатком являлся в то время перманентный перевод кадров, менявший места их служения. При каждом новом карьерном повышении священнослужителя следовал перевод его в новое место, немало их происходило и по другим причинам. Именно поэтому на Южном Урале в XVIII веке имелось совсем немного примеров, когда священник много лет служил бы в одном приходе, став авторитетом для паствы. Можно констатировать, что население к духовенству относилось в основном сугубо как к исполнителям мирских треб, но не как к духовным пастырям.

Пристальное внимание к своим кадрам – показательная черта в деятельности Тобольской консистории. Например, когда вдовый священник села Воскресенского – И. Набережных, состарившись, написал просьбу о постриге в монастырь, его биографию тщательно проверили, и нашли некоторые несоответствия в предоставленных им сведениях. Выяснилось, что он женил своего сына в 13-лет на «девке» 22-лет, вопреки Указу Синода от 16 января 1757 года, регулирующим этот вопрос²¹⁶. Нравственной стороне этого, весьма нередкого тогда явления, была дана оценка древними «Правилами

²¹⁵ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 148. Л. 9.

²¹⁶ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 128. Л. 5 об.

Святых Отцов», РПЦ руководствовалась ими в своих делах²¹⁷. У священника нашли и другие, небольшие проступки. Вынесенный вердикт гласил: «По мнению Тобольской духовной консистории, хотя оного вдового священника Иоанникия Набережных во первых за ложное и несходственное в росписях лет показание, и за женитбу сына в неУказные лета и за другие Ево несправедливые объявления в силе прописанных правил и Указов подлежало жестокому истязанию подвергнуть, но понеже он с-щенник с 753 года по вдовству Ево чрез одиннатцать лет пожелал сам постричься в монашество...», он был прощен²¹⁸. Поэтому: «не чиня Ему набережных ничего прописанного, по оному Ево прошению отослать по прежнему в Успенский далматов мнстръ, при Указе ...»²¹⁹.

Духовным правлениям приходилось расследовать дела о конфликтах в среде духовенства, возникавшим на материальной почве. В 1757 году дьячок С. Васильев жаловался на священника Ф. Бирюкова «в недаче ему от доброхотно жителей из собранных за разные требы денег на разделе их»²²⁰. Для разбирательства заказчик С. Мефодиев вызвал весь причт в Челябинск. Бирюков на допросе заявил: «оной де дьячок Васильев человек не добрый и говорить де с ним не хочу»²²¹. И рассказал историю многолетней давности, о наказании дьячка в Шадринске якобы за еретические волшебные книги. Дьячок заявил: еретических книг «у себя как напред сего никогда не имел, так и ныне не имеет» и вообще подобной истории с ним не было²²². Это вызвало дополнительную переписку канцелярий. Из Шадринской канцелярии сообщили: «1728 году, декабря 21 дня <...> книжка сожжена, а показанному псаломщику Семену Васильеву за держание той у себя книжки долговременно, учинено наказание батоги и, по наказании, отослан при указе в показанный

²¹⁷ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 128. Л. 5 об.

²¹⁸ Там же. Л. 5 об.–6.

²¹⁹ Там же. Л. 6.

²²⁰ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2323. Л. 3.

²²¹ Там же.

²²² Там же. Л. 4.

Долматов монастырь...»²²³. То, что церковнослужителя когда-то наказали, в том ничего особенного не было, сама же книга не была еретической. Дьячок заявил: священник оклеветал его «по злобам своим напрасно»²²⁴. Зная грубый нрав заказчика Мефодьева, видимо, наказали тогда весь причт, но лишь пономарь – Гурий Бирюков, пожаловался «об обидах и побоях», нанесённых ему главой Духовного правления²²⁵. Из сказанного видно, как беспокойно служилось в то время в Чебаркуле, впрочем, как и в других местах провинции.

Однако, консистория редко упускала из виду, когда дело касалось исполнения наказания. Нередко тяжесть наказания не соответствовала значимости проступка, это являлось повсеместной практикой, характерной для эпохи абсолютизма. «Показательны были публичные порки церковных служащих в присутственных местах Синода или консистории за различные провинности <...> отстранение от должности в XVIII в. происходило редко, что объяснялось нехваткой квалифицированных кадров, поэтому церковное руководство активно использовало разные методы воздействия. Порка была наиболее простым средством, имеющим различные цели. Она производилась в присутствии других канцелярских служащих, чтобы внушить им определенный страх...»²²⁶. Например, в 1744 году пономарь, которого консистория хотела посвятить в священство, отказался, заявив, что он «по совести не достоин» и, более того, самовольно уехал из Тобольска домой. Его заставили приехать, и решив: «Ему за презрение нашего приказа и ослушание и за протчие Ево вышешоказанные продерзости учинить в консистории Нашей Ему Пушкареву жестокое плетми наказание...», и сказано, он был бит «нешадно»²²⁷. В общей сложности многие священники жестоко наказывались за не исполнение «высокоторжественных» молитв. Так, в 1747 году был бит плетью священник

²²³ Шадринская старина. Краеведческая хрестоматия. Шадринск, 1996. С. 36.

²²⁴ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2323. Л. 4.

²²⁵ Там же. Д. 2456. Л. 1.

²²⁶ Павлушков А.Р. Практика применения телесных наказаний Русской православной церковью в имперский период / Пенитенциарная наука. № 2, 2015. С. 102. (Об этом, например: ПСПиР. Т.2. 1722 г. № 1936. С. 524.)

²²⁷ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 148. Л. 11–12.

С. Кудрявцев, за «не отправление в указанное по табелю число» торжества, даже при том, что «никакого умыслу Ево не явилось»²²⁸. Наказание дано в силу Указа Синода от 23 мая 1736 года, чтобы «смотря по важности вин чинить таковым нещадное наказание и ссылку на несколько время в мнс-трские труды что видя другие могут впредь иметь в том осторожность...»²²⁹.

Один из авторов XIX века, говоря о нравах духовного начальства, приводил примеры произвола архиереев, среди них, в том числе такие: «Тоболольский митрополит Павел Конюскевич сек духовенство плетьми и подвергал их разным черным работам...»²³⁰. Упомянув начальников рангом пониже, автор добавлял, что: «и архимандрит Долматовского монастыря Акинф были известны своими жестокостями, причем последний носил название «кровожаждащаго» и погиб в 1793 году от рук крестьян, при содействии монахов. Плетни, кулачная расправа и розги были обыкновенными явлениями среди духовенства, и редкий священник не испытал на себе того или другого вида наказаний...»²³¹. Основой подчинения был страх, а не осознание общности исполняемого дела. Но, посыл к изменениям привычно обыденного насилия, мог исходить лишь от императорской власти.

С воцарением императрицы Екатерины II стало постепенно происходить изменение системы «основанной на подозрительности и устрашении». Поначалу это касалось частных случаев. Например, в 1763 году в соответствии с её Указом освобождены от наказания, содержащиеся под арестом в одном из Духовных правлений Оренбургской губернии поп и дьячок – Федоровы, которые на молебнах говорили, что император Петр III здравствует. Императрица повелела, по своему «милосердию» их «из под караула освободить»²³². Далее, «в 1766 г. св. Синод подал государыне доклад об ослаблении старых указов касательно царских молебнов и панихид». Однако:

²²⁸ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 264. Л. 9 об.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Т. 1. Санкт-Петербург, 1884. С. 362.

²³¹ Там же.

²³² Знаменский П.В. Приходское духовенство России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 467–468.

«На сокращение молебствий высочайшего согласия не воспоследовало; но прежние жестокие наказания за их опущение были прекращены...»²³³.

Тяжелые телесные наказания применялись в Тобольской консистории до назначения главой епархии епископа Варлаама (прибывшего в Тобольск 8 марта 1769 г.), бывшего противником подобных методов, известного своим более мягким нравом, чем его предшественники. Поэтому, хотя формально такие наказания были отменены высшей императорской властью лишь в конце века, в 1796 году, порка плетьюми в отношении уральского духовенства перестала применяться уже на четверть века раньше, благодаря личностному фактору посылы духовного архиерея, обусловленного высоким нравственным принципом.

Проблемой на протяжении всего XVIII века было пьянство священнослужителей, причем чаще всего такие происшествия случались зимой, в период массовых свадеб. Обряд венчания был дорогостоящим, и нередко часть платы за него отдавалось вином. Если на это накладывались добрые отношения между священством и плательщиками, то нередко и спиртное распивалось совместно. Притом, любой священник попадал в уязвимое положение, так как мог стать объектом доноса от своего же коллеги или любого другого человека. Ведь официально осуждался сам факт выпивки, даже если не случалось в итоге ничего плохого. Чувство меры не всегда срабатывало, случались иногда и пьяные ссоры. Борьба с подобным явлением была малоэффективной, поэтому за много лет отложился значительный тематический материал на сей счет. «Правительство старалось искоренить этот порок в духовенстве <...> 19 ноября 1772 года Св. синод разослал к архиереям указ, в котором, порицая пьянство духовных лиц, требовал от епархиальных архиереев, чтобы они священно-служителям, замеченным в пьянстве, запрещали совершать священнослужение и представляли о них синоду для

²³³ Знаменский П.В. Приходское духовенство России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 468–469.

лишения их сана, а церковнослужителей отсылали бы в светские команды для определения их в военную службу, или на поселение...»²³⁴.

Все служители духовного ведомства, как правило, бывали на приеме у Тобольского руководства, личное знакомство с посвящаемым в сан было обязательным. Одним из примеров постепенного служебного продвижения, можно назвать карьерный рост «из поповских детей» Дмитрия Гилева. После окончания учебы, с 1776 года он работал копиистом в Троицком Духовном правлении, затем стал подканцеляристом в Челябинском Духовном правлении, далее получил чин – канцелярист. В Аттестате о нём говорилось: «В штрафах подозрениях и никаких наказаниях не бывал, по должности своей тщателен и исправен, жития и состояния хорошего и трезваго...»²³⁵. Вывод гласил: «надежен и к повышению чина достоин»²³⁶.

Духовные правления вели немало работы по составлению отчетности перед консисторией, становилось правилом, когда без наличия причины, по много раз, канцеляристам и копиистам приходилось составлять различные обязательные рапорты, так происходил бюрократический рост делопроизводства²³⁷. Заседания, текущие дела фиксировались в журналах регистрации входящих и исходящих документов. Также составлялись справки, выписывались паспорта уезжавшим людям, распределялись учётные книги, проверялись уже заполненные, проводились ревизии денежных доходов и расходов церквей, сверялись метрические ведомости и пересылали их, велась выдача «святого мира», и другая работа. Бумага была в то время дорогим и

²³⁴ Знаменский И.П. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. Москва, 1880. С. 88.

²³⁵ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 586. Л. 3 об.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Данный процесс шёл в соответствии с Указами. Например, Указ Синода от 14.07.1753, говоря о беспорядках, усмотренных в канцеляриях органов власти, требовал: «чтоб все журнальные записки во всех присутственных местах, в силу указов, присутствующие сами подписывали, и всегда б те журнальные записки были верные, и для того каким порядком те журнальные записки иметь надлежит, о том сочинены формы, против того, как в Сенате производятся...». – См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 4 (1753–1762). № 1336. Санкт-Петербург, 1912. С. 15.

ценным товаром, из скромных бюджетов правлений нужно было выделять канцелярские расходы: на сургуч, чернила, специальный песок. Эта непонятная современному человеку проблема, в XVIII веке была весьма важной. В доказательство скажем, что в Наказах в Уложенную Комиссию, куда население посылало свои пожелания, озвучивая самые насущные проблемы, была просьба Исетских казаков, чтобы: «на покупку к войсковым делам бумаги и сургуча сумма положена была из казны, а с казаков збору на то чининено не было»²³⁸.

Как правило, Духовные правления, стремясь выглядеть получше в глазах епархиального начальства, информировали консисторию, что дела на подведомственных им территориях обстоят (почти всегда) без происшествий. Приведем один подобный «Покорнейший репорт», 1760 года. В нем иеромонах Савва сообщал, что «поданными в здешнее Далматовское духовное Правление, Далматовского Заказа от десятонаначальников с-щенников Барневской слободы Иоанна Торопова, Водениковского села Федора Голявинского, Пышменской слободы Петра Тетюева, Катайского острога Сильвестра Некрасова, репорты объявлено что в ведомствах десятоначалии их а в Заказе Далматовском – никаких суеверий кликуш притворнородцов ханжей живущих в шалашах и протчих шалостей не находитца а состоит все добре...»²³⁹. Здесь обращает на себя внимание, произошедшее за десятилетие изменение именованья священников: теперь они записывались без отчества, но обязательно с фамилией.

Нередко бывало так, что священство в конфликтах с представителями иных сословных групп, будучи пострадавшей стороной, оставалось без защиты своего епархиального начальства. Некоторые исследователи лишь вскользь упоминали об этой проблеме. «Большинство авторов обращали внимание на весьма невысокий статус белого духовенства в XVIII в., в значительной степени сближающий его с податными слоями (хотя сами священно церковнослужители

²³⁸ Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа, 2005. С. 182.

²³⁹ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2947. Л. 7.

и не относились к податному населению). Это в значительной мере обусловило крайне пренебрежительное отношение дворянства к священно-церковнослужителям. Благоприятные изменения в положении клириков происходят только в царствования Екатерины II и Павла I. В этот период по дарованным привилегиям духовенство в значительной степени сравнивается с личным дворянством»²⁴⁰. Это высказывание мы несколько скорректируем, отметив, что долгое, более тридцати лет, царствование Екатерины II также можно разделить на периоды весьма разные по своим особенностям, в том числе в законодательном плане. Изменение положения духовенства явно проявилось лишь в конце века, ранее же в служебной и практической жизни это не было особо значимо. Подкрепим наше утверждение на основании местных примеров.

Так, в 1769 году священник Еткульской крепости – Тимофей Поршеников жаловался на поверенного питейных сборов Ф. Бородулина, который «нанёс обиды ему», точнее же, жестоко избил, столкнувшись с ним повозками на дороге в Троицк. Надо отметить, что фактический статус поверенного по сбору значимых налогов, был выше, чем рядового священника. Обидчик избил «духовное лицо», таскал за волосы, долго издевался, обозвав при том попов ворами²⁴¹. Всё это видела 12-летняя дочь священника. Люди поверенного растянули по земле священника, и избили плетью. Потрясенный Тимофей пожаловался в Духовное правление и городскую канцелярию, зафиксировал побои. Его жалоба дошла до Оренбурга, но её вернули в провинциальную канцелярию. Ф. Бородулин и кампания (Симбирский купец Попов и служащий у них крестьянин) спокойно отрицали все обвинения священника, он ничего не смог доказать, ведь свидетелей у него не было. Дело закончилось в 1770 году ему же предупреждением, чтобы более без доказательств не беспокоил

²⁴⁰ Матисон А.В. Городское духовенство России XVIII в. (Историко-генеалогическое исследование по материалам Тверской епархии): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 6.

²⁴¹ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 2072. Л. 1.

госорганы²⁴². Думается, данное происшествие оставило неизгладимый след в душе священника, повлияв на его характер, в том числе на его дальнейшую склонность к выпивке (утрачена вера в справедливость). Кстати сказать, питейные дома имелись во всех крепостях и крупных сёлах, собирали изрядный бюджет, становились причиной ссор, происшествий и помехой для лучших из священства. В данном случае, мы здесь выходим еще на один вывод: чем выше был ранг или положение человека в обществе, тем меньше у такового было уважения к духовному сословию. Примеров этому оказалось неожиданно много, приведем несколько таковых.

В 1779 году из села Бродокалмак священник жаловался на капитана Л. Скрыбина, который бил его «и за волосы таскал, и собакой травил, и за то я от него Скрыбина требовал за увечье и безчестие, то он Скрыбин отказался что де мне платить нечем...»²⁴³. Особенно грубы и жестоки были армейские начальники, как правило, вообще со всеми, кто был ниже рангом, не жаловали они и священство. Поэтому, священники очень не хотели служить в пограничных крепостях, все наслышаны были о самодурстве иных воинских начальников, которые в своих пределах были сами как боги. Подобный начальник мог и к священнику легко кулак приложить, если тот чем-то не угодил, ну или просто попал под плохое настроение. В 1778 году, к примеру, о подобном случае писал в Челябинское Духовное правление пономарь Крутоярской крепости – С. Комаров, жалуясь на командира крепости, поручика Соболева и на прапорщика Ягодкина. Последний невзлюбил пономаря, то из гостей гнал, то в подпитии с палкой за ним бегал, что случалось не раз, также ущемил его права, встав (якобы за мзду) на сторону киргизов в одном происшествии. «И протчих сим подобных нападков от них г-д афицеров много на меня бывало, от них претерпеваю великое притеснение», пономарь просил перевести его в другое место²⁴⁴. Такое отношение было одной из причин

²⁴² ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 2072. Л. 24.

²⁴³ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 15-Г. Л. 3.

²⁴⁴ Там же. Д. 12-В. Л. 108-108 об.

довольно частой смены духовных кадров в пограничных крепостях. Жизнь здесь была более тяжела и груба. Например, назначенный в Усть-Уйскую крепость священник Иван Меркурьев не смог построить отношения с местным начальством, и вскоре завяз в конфликте. В том числе, Меркурьев жаловался на дистанционного коменданта Зверинголовской дистанции, майора Ершова. Коменданты пограничных крепостей и жизнь при них – отдельная тема. Будучи полными хозяевами, они могли вести себя как угодно, всё зависело от конкретной личности. «По повелению коменданта», такой типичный письменный оборот был в посланиях священников. При командирах-«самодурах» всем бывало плохо, не только духовенству, примеров за XVIII век имеется немало.

Скажем еще об одном неоднозначном деле, случившееся в Каминской слободе в 1785 году, когда сын офицера застрелил дьякона. Этот конфликт произошел из-за личных отношений, где фигурировала в числе обвиняемых дочь дьякона. По понятной причине, разбирал и выносил наказание не духовный, а уголовный суд – «Уфимская Верхняя Расправа», дав тяжелое наказание главному виновнику, а менее виновным: плети и розги²⁴⁵.

Аспекту отношений духовенства с привилегированными членами общества, уделил значительное внимание историк церкви П.В. Знаменский²⁴⁶. Отметим, что пренебрежительный взгляд на духовное сословие проявился в делах и некоторых мероприятиях монаршей власти и правительства, хотя в указах констатировалась забота о духовенстве. Достаточно упомянуть о многочисленных «разборах» духовенства или ограничениях на протяжении века его сословных прав. Что же получалось? «Жалобы духовных властей на постоянные вторжения в их ведомство со стороны светских начальств

²⁴⁵ ОГАЧО. И-44. Оп. 1. Д. 109. Л. 175.

²⁴⁶ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 471–476.

вызывали новый ряд указов, которыми правительство и св. Синод старались оградить права духовенства на практике»²⁴⁷.

Время от времени возобновлявшиеся разборы духовенства, изымали немало людей из духовного звания. Например, «разбор духовенства 1769 года производился совершенно по образцу прежних; сенат хотел воспользоваться излишними членами духовного сословия ради военных нужд и в свое оправдание ссылался даже на прежние наборы подобного рода. Самый порядок и характер разбора 1769 года показывает, что правительство заботилось в данную минуту только о том, чтобы забрать в военную службу, как можно больше лиц духовного сословия...»²⁴⁸.

В начале 1770-х гг. на Южном Урале назрела проблема «перепроизводства» местных церковных кадров, но события «пугачевщины» остановили этот процесс на долгое время. Так, в 1777 году был получен Указ, где говорилось: «по определению в синоде в 7 день июля 1774 года учиненному, исключены из числа церковнослужителей для высылки на прежния их жилища и положению в подушной оклад повелеваем оставить, не высылая в тех местах где они при церквах находились, в подушной оклад не полагать до будущей ревизии и нашего о том указа...»²⁴⁹. В соответствии с Указом, епископ Варлаам дал соответствующее распоряжение по своей епархии.

В 1770-е гг. профессиональный уровень духовенства провинции заметно упал, но после «смуты» заказчики не применяли строгие наказания, учитывая бедность клириков, ограничиваясь в основном угрозами штрафов. Так, дьякон Пещанской слободы и пономарь Миасской крепости в 1777 году показали незнание катехезиса и дали подписки, что выучат его²⁵⁰. Не получил наказания челябинский священник П. Кремлев, на которого жаловался солдат Ф Захаров в

²⁴⁷ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 470.

²⁴⁸ Знаменский И.П. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. Москва, 1880. С. 72.

²⁴⁹ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 7-Б. Л. 47–48.

²⁵⁰ Там же. Л. 36, 38.

1777 году²⁵¹. Подобных примеров немало. В тяжелое время всем было трудно. Духовные правления, копируя стиль епархиального руководителя, теперь вели щадящую политику в плане наказаний. Если раньше в отношениях с подчиненными всё держалось на страхе грубых наказаний, то с отменой такой практики, это стало приводить иногда к реальной «расслабленности» духовенства на местах.

В 1777 году пономарь из села Белоярского жаловался на священника Кочнева, что тот бьёт его без всякого повода²⁵². Заказчик не отреагировал, а через некоторое время на этого же священника пожаловался отставной солдат, сборщик «на церковное благолепие». Он тоже был бит, к тому же Кочнев отобрал у него паспорт и книгу для записи подаяний²⁵³. Надо сказать, что поток служебных нарушений и происшествий в среде духовенства был тогда так велик, что на многие случаи заказчики «закрывали глаза», дела оказывались формально не завершёнными.

Скажем еще, о ссоре двух челябинских священников – это заслуживают внимания и весьма показательны. Причину неприязни дьякона Петра Задорина к священнику Корнилию Балярскому мы не знаем. Их долгий конфликт пытались уладить начальники неоднократно. Грубого, агрессивного в подпитии П. Задорина, коллеги очень боялись. В Пасхальные дни 1777 года, прямо в храме он напал на Балярского, схватил за бороду, пытаясь ударить. Священник вырвался и ему пришлось бегать вокруг престола, спасаясь от нападавшего. На следующий день дьякон признал себя виновным, попросив прощения за свои неподобающие сану действия, обещав и заплатить священнику²⁵⁴.

П. Задорин смог замять дело за избивание казака Н. Панова, откупившись, дав за увечье седло и 10 рублей. В 1777 году жаловался дьячок М. Кузнецов, якобы Задорин хватал его за волосы прямо на улице, что видели посторонние люди. К. Балярский сделал замечание Задорину, в ответ же получил удар по

²⁵¹ РГАДА. Ф-429. Оп. 1. Д. 274.

²⁵² Там же. Д. 12. Л. 34–35.

²⁵³ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 12. Л. 36–37.

²⁵⁴ Там же. Д. 7. Л. 111 об.

лицу, дьякон схватил его за бороду, но причетники смогли разнять, защитить священника. На следующий день подобное повторилось. Несмотря на выговор Задорину главою Духовного правления, дьякон сказал: «Я де ему не только бороду выщиплю но и голову оторву»²⁵⁵. В тот же день, провоцируя Балярского, Задорин обругал его, потом вновь напал и изрядно побил, при этом не смущаясь присутствию главы Духовного правления – К. Калиновского. С трудом клирики смогли оттащить нападавшего от своей жертвы²⁵⁶. Здесь мы видим, что личные отношения оказывались на поверку главнее прочего, и нередко определяли статус человека в своем узком кругу. Вообще же, на протяжении века общие условия жизни были тяжелы, даже до простоты brutальны. В силу мизерного жалования уровень жизни основной массы духовенства был невысок, и продолжительность жизни тоже невелика, часто умирали в среднем возрасте.

Духовные правления вели постоянную работу по контролю подчиненного духовенства, но повысить качество своих кадров они были практически не в состоянии, потому что влияли на это, в первую очередь, системные факторы. Сама политическая система, требовавшая безусловного подчинения, делала исполнителей безинициативными. Консистория иногда действительно вмешивалась в дела, изменяя решение заказчика. Так, в случае с челябинским малолетним пономарем Резановым, обвиненном в воровстве и сексуальном преступлении, консистория прекратила длившееся два года дело, предупредив заказчика: «если так неосмотрительно Еще впредь поступать будет, имеет быть штрафован...»²⁵⁷.

В 1780-е гг. Духовные правления были укрупнены. На Южном Урале осталось лишь Челябинское Духовное правление, занявшее, как и в середине века – главенствующее положение, представляя организацию, влиятельную и мощную по своему воздействию, являвшуюся по-прежнему второй ветвью

²⁵⁵ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 7. Л. 105.

²⁵⁶ Там же. Л. 82 об.–83.

²⁵⁷ РГАДА. Ф-429. Оп. 1. Д. 529. Л. 9 об.

власти. В 1782 году челябинский городничий С. Войнов писал: «челябинское духовное правление сообща прошу <...> ведомость толко об одном городе Челябинску сочиня, прислать ко мне для донесения пермскому наместническому правлению...»²⁵⁸. В данной сводке говорилось: в соборной Христо-Рождественской церкви служат: 2 священника, 2 дьякона, 1 дьячок, 2 пономаря, в приходе 389 дворов. Заречная Свято-Троицкая церковь, цифры соответственно: 2, 1, 2, 2; 260 дворов²⁵⁹. Духовным правлением руководил Филипп Галляховский (фамилия – псевдоним, данный в Тобольской семинарии). Под его руководством находилось тогда 33 прихода, куда входило практически всё русское население края.

В Троицке Духовным начальником по-прежнему являлся протопоп, что вызывало шероховатости в отношениях с челябинским коллегой. Поэтому, Указ из Тобольска в Троицк (полученный в июле 1788 г.) гласил: «вместо протопопии во оной крепости учредить десятона начальство, чтобы получая протопопское жалование можно было в текущих делах ожидать лучшей исправности...»²⁶⁰. Консистория запросила информацию о десятона начальниках. На этот раз была указана причина такого запроса: «А как после бывшего в Тобольске 27 апреля сего года пожара за сгоранием дел, каким именно церквам способно быть в Троицком десятона начальстве сведения в консистории не имеется»²⁶¹.

Духовный начальник, ведя дела, обязан был принимать решения в соответствии с законодательством того исторического периода, это прежде всего, Указы: Высочайшие; от Высочайшего Имени; Указы Правительствующего Синода и Сената, Уложения, Манифесты, Регламенты. Указов было великое множество, которые часто повторяли друг друга, переиздавались новыми редакциями или напоминали об уже существующих подобных. Чтобы знать и помнить их, написанных почти за столетие,

²⁵⁸ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же. Д. 305. Л. 1.

²⁶¹ Там же.

руководству Духовных правлений нужно было быть хорошими специалистами, говоря современным языком, юристами. Челябинское Духовное начальство вполне соответствовало этому уровню. В качестве примера приведем дело, первоначально обвинявшее крестьян Чумлякской слободы, «оказавшихся в битии той же слободы священника П. Рычкова». Вердикт звучал так: «по силе Уложения 10-й главы 201-й статьи воинского Устава артикулов 146-го 153, 156, 157-го и толкования оногo и по силе Всемилостливейшего Ея Императорского Величества Манифеста состоявшегося 1787 года апреля 21 дня 24-го пункта одних оных крестьянах (*перечислены их фамилии – А.Л.*) и обвинить не можно...»²⁶². Священник был «сам зачинщик к драке». Даже причт свидетельствовал в пользу крестьян. Поэтому, священник и дьякон Спасской церкви получили Указ о переводе их в Енисейский заказ. Духовное начальство вело в конце века весьма мягкую кадровую политику, действуя больше увещеванием, чем наказаниями.

Приведем в связи с этим еще один пример. Местный казак угнал 35 лошадей у киргиз-кайсаков. Случай не был чем-то из ряда вон выходящим во взаимоотношениях с кочевниками. Но киргизский старшина пожаловался властям. При изъятии лошадей выяснилось, что одну из них купил челябинской дьякон – А. Протопопов. Вопрос следствия был: знал ли он, что покупал «заведомо краденую» лошадь, от этого зависело наказание. Репутация дьякона была плохой: «подает он Протопопов Управе благочиния подозрение, и для того приказали означенного дьякона Протопопова <...> по основанию Устава благочиния, 271 статьи, 8 отделения, отослать к законному суждению в челябинское духовное правление...»²⁶³. Но ранее у дьякона была нормальная, налаженная жизнь. Из-за ошибки начальства, он при переводе на новое место, потратившись на дальний переезд, узнал, что место занято. Дьякон не имел работы, ждал помощи, скитание привело его в Челябинск. В консистории, зная свою ошибку и её последствия, относились к дьякону снисходительно: жалоб

²⁶² ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д.305. Л. 1.

²⁶³ ОГАЧО. И-33. Оп. 3. Д. 8. Л. 15.

на него было немало, жители Челябинска даже написали просьбу о его выселении, но этого не случилось²⁶⁴. Однако, жизнь дьякона шла «под откос», и позже он был исключен из духовного сословия²⁶⁵.

Сравним силу власти Духовных правлений на протяжении века. Изначально видно, что Духовный начальник, это один из центров местной власти, жрец, олицетворяющий нечто высшее, сакральное. В конце века это лишь церковный чин, главный поп духовенства, уважаемый, но вряд ли более. Но еще можно было встретить рецидивы прежнего поведения. Так, один из исследователей, касаясь деятельности Духовных правлений, говорит: «Власть духовных правителей была чрезвычайно широкой, особенно на первоначальном этапе функционирования правлений, когда еще не было составлено специальных инструкций для регламентации их деятельности. В 1783 г. в документах Козьмодемьянского духовного правления отмечен эпизод злоупотребления духовных заказчиков своей властью: они «наказывали телесно церковнослужителей и жен, а священнослужителей сажали на цепь, держали их в железах и колодках...»²⁶⁶. Но в вышеупомянутом эпизоде очевидны приметы нового времени. Так, пострадавшие от заказчиков «могли требовать переноса рассмотрения их дела из ведения правления, которому они обычно подчинялись, в другое духовное правление с целью предотвратить субъективный фактор...»²⁶⁷. Подобные жалобы не могли уже игнорироваться, как раньше нередко бывало. Контроль со стороны епархиальных архиереев, а их, в свою очередь, со стороны Синода, стал строже и тщательнее. То есть сама система духовного управления становилась в конце века более отлаженной. Трансформация ментальности происходила и в обществе.

Экономическая ситуация на Южном Урале в конце века значительно улучшилась, последствия разрухи 1770-х гг. были преодолены. Территория

²⁶⁴ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 481. Л. 4.

²⁶⁵ ОГАЧО. И-3. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.

²⁶⁶ Евдокимова А.Н. Духовная консистория, правление и благочинные священники в структуре управления русской православной церкви на территории Чувашского края в XIX веке // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 34.

²⁶⁷ Там же.

бывшей Исетской провинции вновь стала высокопроизводительной во многих отношениях, житницей не только уральского края, но и поставляя продовольствие за его пределы. В 1799 году сообщалось, что: «по избыточному урожаю и нарочитому снабжению хлебов разрешается отпуск хлеба в Архангельскую губернию для заморской продажи...»²⁶⁸. Изменения экономические отразились и на состоянии духовенства. Но в том же году епархиальное подчинение сменилось, вместо Тобольска на Оренбург²⁶⁹, что принесло неприятности местному священству. Если раньше дети местного духовенства обучались в школах Троицка, Далматова и в Челябинске, то теперь обучение должно было проходить в Уфе и Оренбурге. Многие пытались под разными предлогами оставить своих детей при себе, затягивали исполнение Указов Оренбургской консистории, писали по этому поводу прошения, но они были игнорированы, в ответ шли категоричные требования с угрозой штрафов и иных наказаний. В итоге, многие дети священнослужителей отправились на учёбу в Оренбург и Уфу, что предопределило для них многие трудности и лишения.

Отношения между духовенством и населением зон фронта были весьма непростыми (причины этого озвучены нами выше). В Исетской провинции особенно конфликтная ситуация между значительной частью населения и духовенством наблюдалась в середине века. Влияние в местном обществе, важный нюанс, где проявляется или положительное восприятие посылы личности, или отторжение. И священство оказалось здесь далеко не на должной высоте. Покажем это на местных примерах. Так, в Миасской крепости в 1740 году прапорщик Оренбургского полка – Зилов, написал на холсте икону Ильи Пророка, которая после постройки храма была оставлена там²⁷⁰. Человек был явно со способностями, неординарный, и надолго оставил о себе добрую

²⁶⁸ ОГАЧО. И-44. Оп. 1. Д. 258. Л. 17–17 об.

²⁶⁹ Конюченко А.И. Церковно-административные преобразования конца XVIII–XIX века на территории Южного Урала // Южный Урал в судьбе России. Сб. ст. Челябинск, 2003. С. 51.

²⁷⁰ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск IV. Оренбург, 1898. С. 34–35. (Прапорщик Зилов почти на два века оставил о себе добрую память, в отличие от первых священников в Миасской крепости).

память. Еще до постройки храма у первопоселенцев имелось Евангелие²⁷¹, которое было необходимо, так как духовная жизнь помогала справляться с тяготами повседневной жизни. Вдохновляющую функцию должен был выполнять, в первую очередь, священник (органы духовной власти в целом), но мы видим иное. Первый священник жил в Миасской недолго, он перевелся в более лучшее место. И вновь прибывший не стал духовным пастырем, вскоре последовали жалобы жителей на него. Известны эпизоды, показывающие пренебрежительное отношение к прихожанам. В 1745 году казачья жена просила исповедать и благословить её дома, так как беременна, священник же оскорбил её, и отказал²⁷². Другая жалоба говорила о грубости священника при венчании²⁷³. Неудивительно, что многие жители не бывали в церкви, в том числе у исповеди, подвергаясь штрафам, но чураясь такого духовника²⁷⁴. И по некоторым другим ново-построенным крепостям, картина уклонения от официальной церкви была схожей.

В Коельской крепости небольшой храм Архангела Михаила был построен в 1750 году, священник В.К. Протасов был назначен из Шадринского дистрикта. Отношения населения и духовенства в Коелге с самого начала не сложились. Духовенство содержалось от прихожан, это определял общественный договор. Из-за наличия большого числа «записных раскольников» в Коелге, оплаты (руги) не хватало для обеспечения причта. Это привело к конфликту. Прихожане пожаловались на Протасова, что он значительно поднял цены на требы и это грозит разорением многим. Местные казаки оказались в трудном положении, немислимо было значимые события проводить без священного обряда, а совершить его мог только священник. Войсковое начальство было на стороне казаков, но помочь в деле, касающемся

²⁷¹ ОГАЧО. И-63. Оп. 1. Д. 1. Л. 173.

²⁷² ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2922. Л. 4. (Священник ответил с издёвкой сексуального контекста, насмешливо: «на печи горячо, на голбце скрепечо, на полатях зыбучо, на пороге узко, на столе грешно, под столом смешно, под лавкой тесно»).

²⁷³ Там же. Л. 5.

²⁷⁴ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 350. Л. 4 об.–5. Так, например, по ведомости 1748 года, отмечено в Миасской крепости 206 человек обоего пола не посещавших церковь (в том числе дети от семи лет).

другого ведомства (другой власти) не могло, разве что отправить жалобы в Оренбург. Среди прочего, там говорилось: «Коелской крепости священник Василий Протасов у казаков, умерших младенцев без дачи рубля не погребает чрез немалое время а у других без двенадцати копеек, и так по долговременному без отпевания держанию от мертвых тел не только родителям чинится болшая прискорбность но и всем жителям от духу тех может приключится бедствие»²⁷⁵. Подобные действия священника привели к тому, что немало людей здесь, бывших ранее прихожанами церкви, не желая иметь отношений с не уважаемым духовником, и выражая протест, ушли «в раскол». У священника была большая семья, но вряд ли это может служить оправданием, ведь для жителей он являлся представителем власти.

«Доход приходского священника в первую очередь зависел от платы за требы, на которые твердых расценок фактически не было. Большое значение имели также субъективные моменты <...> Простолудин очень редко видел в своем священнике *духовного пастыря*, руководителя своей религиозной жизни. Для него, привыкшего высоко ценить таинства и обрядовую сторону церковной жизни, священник был необходимым *посредником* в общении с высшим миром, совершителем треб, без которых было невозможно «устроение души», и потому имел право на вознаграждение. Но при этом верующий считал себя вправе определять величину этого вознаграждения в зависимости от своей оценки значения той или иной требы. Такая свобода составляла органическую часть его религиозного сознания»²⁷⁶.

Немалая часть дел Духовных правлений касалась отношений с инородческим населением, которое составляло значительную часть Исетской провинции. Политика христианизации была в числе приоритетов митрополита Сильвестра Главатского, который при миссионерстве применял принудительные методы. Исследователь Р.Г. Буканова, обобщая тему религиозного насилия в отношении башкирского населения, делает вывод:

²⁷⁵ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 2928. Л. 37.

²⁷⁶ Смолич И.К. История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. 1. Москва, 1996. С. 358.

«Башкирское общество, никогда прежде не знавшее, что такое крепостное право, в XVIII веке непосредственно столкнулось с самыми уродливыми его проявлениями. Большую роль сыграла при этом православная церковь»²⁷⁷. Торговля людьми была обычна в то время, немалый контингент добавлялся из среды кочевников–степняков. Особенно в тяжелые неурожайные годы или при форс-мажорных событиях, число обращаемых в христианство значительно увеличивалось, подобные примеры приведены Р.Г. Букановой. Мы же отметим некоторые нюансы жизни новокрещен, остававшихся формально свободными и поступивших на воинскую казачью службу.

В 1755 году рассматривалась жалоба на атамана П. Иевлева, от 12 новокрещенных инородцев. Делом занималось и Челябинское Духовное правление. Причина жалобы понятна из текста: «без всякой их воли и желания пишут в казаки и ко оной службе казацкой войсковой атаман Иевлев угрожая им принуждал покупать все потребности их коштом что надлежит казаку; а у них новокрещенных не токмо чтоб купить потребное к службе казацкой но и сами едва себе пропитание имеют а как изо всего их обстоятельства видно, ежели же от сей казацкой службы не свободит то многие из них упователно в киргиз кайсацкую орду утеклецы быть могут...»²⁷⁸. Предлагалось купить: коня, ружье, копьё, лук с колчаном и стрелами, зипун, бельё, на что у них просто не было средств. Челобитчики отмечали, что в случае неприятия мер помощи, их неудачный пример отпугнет других инородцев принимать крещение. Инородцы просили: «Того ради Челябинское духовное Правление нижайше просим нас нижайших Защитить и оборонить, понеже инога Защищения Здесь взыскать не можем и хотя исецкая правинциальная канцелярия и имеется точие не защищает...»²⁷⁹. В данном деле мы видим, что новокрещенные потеряв доверие к светской власти, искренне надеялись на духовное ведомство. После рапорта

²⁷⁷ Буканова Р.Г. Роль церкви в закреплении башкир в XVIII веке // Исторические чтения: Мат-лы науч. конф. «Неизвестный Челябинск» (1994), «Церковь и религия на Урале» (1995). Челябинск, 1996. С. 59.

²⁷⁸ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 1916. Л. 2.

²⁷⁹ Там же. Л. 3 об.

Челябинского Духовного правления в Тобольск, митрополит направил по данному поводу в Оренбургскую губернскую канцелярию промеморию, весьма обширного содержания²⁸⁰.

Духовные правления нередко вели дела о нарушениях семейного плана, в том числе о «двоеженцах» или женщинах, венчавшихся вновь при жизни первых мужей. Светские власти также принимали участие в этом, вели розыск и доставку подозреваемых, предоставляли информацию. Например, в 1754 году рассматривалось дело отставного солдата деревни Широковой – И. Третьякова. Солдат и обе его жены были взяты «в духовное Правление к следствию...»²⁸¹. Или, дело о жене солдата Анне Быковой (Миасской крепости). Она, ничего не зная о муже много лет, вышла замуж за казака Чебаркульской крепости. Но, когда солдат вернулся, он нашел ее, уже родившую нескольких детей с новым мужем. «Что она его законная жена он объявил тогда в Челябинском духовном Правлении письменно», это сообщение солдата стало предметом разбирательства в Духовном правлении²⁸². Кстати, отметим, в этом деле упомянуто, что венчал пришлую жену и казака – священник Федор Бирюков, нарушив тем специальный, упомянутый нами ранее, указ митрополита. На допросе в Духовном правлении Анна и её второй муж признали свою вину. В оправдание священника можно озвучить сугубо личные, бытовые материальные причины. Служители церкви, завися напрямую от отношения и состоятельности своей паствы. Население видело в духовенстве исполнителей мирских треб и лишь после того – представителей духовной власти.

Заметим, что духовное сословие было весьма мобильно в социальном плане, охотно рождалось с выходцами из любых сословных групп, чаще всего из среды местных жителей. Небольшая разница в материальном достатке, делало духовное сословие близким в межличностных отношениях с приходским населением. Примеров на протяжении XVIII века много. Приведем

²⁸⁰ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 1916. Л. 4–5.

²⁸¹ Там же. Д. 1526. Л. 1.

²⁸² ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 1341.

некоторые, по Чебаркульской крепости 1750–1760-х гг. Так, дьякон Максим С. Васильев женат был на казачьей дочери Татьяне Мотовиловой²⁸³; дьячок Андроник Ф. Бирюков на Анне Беспаловой²⁸⁴. Казак Василий Щапин женился на дочери дьячка Павла Пономарева - Анисии²⁸⁵. Петр Запивалов выдал замуж дочь Федосью за священника Малцова из далёкого села²⁸⁶.

Немалой частью дел Духовных правлений были разборы, касающиеся общественной морали, случаев «прелюбодеяний». Большею частью, страдали от подобного девушки и женщины, в том числе из категории «дворовых людей», находящиеся, по сути, в рабской зависимости от своих владельцев. В середине века не только состоятельные люди владели «дворовыми людьми», но даже солдаты и казаки. Дело 1757 года, о прелюбодеянии в Троицкой крепости, во многом показательно относительно качества работы Духовных правлений. Обвиняемый, отставной артиллерист – И. Воробьев, отрицал принуждение «дворовой девки», вынужденно добавляя: «а может де что учинил в пьянстве чего де за пьяностью не помнит»²⁸⁷. «Девка» Гликерия утверждала, что: «якобы обоих младенцов он ей прижил» (первый младенец рожден ею в 1755 г.). Допросы вели священник, также городская канцелярия. Виновник прелюбодеяния должен был понести наказание: платить штраф и исполнять епитимию. Штраф должен был поступить в казну Троицка²⁸⁸. Священник, проведя допрос, переложил с себя решение дела, отправив «доношение» о нём в Челябинск. Действовал он так в соответствии с правилами.

В Челябинском Духовном правлении должны были принять решение о виновности фактически заочно. Заказчик обвинил обоих фигурантов, обратив внимание, что канонир прелюбодействовал при живой жене и подобный случай пагубно действует на мораль людей, рядом живущих: «дабы на то смотря и

²⁸³ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 23. Л. 84 об.

²⁸⁴ Там же. Л. 78 об.

²⁸⁵ Там же. Л. 85.

²⁸⁶ Там же. Д. 23-А. Л. 6 об.

²⁸⁷ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2316. Л. 2, 2 об.

²⁸⁸ Там же. Л. 2 об.

протчим того ж чинить было не повадно»²⁸⁹. Протопоп обратился в консисторию за универсальной инструкцией, подходящей к подобным случаям, так как если по каждому таковому случаю делать запрос, «то конечно тем оной консистории нанесетца труд излишний»²⁹⁰. Консистория приказала: «наказать беспощадно а именно Воробьева при ево команде где он под ведомством состоит, а девке Гликерье Ивановой за любоддеяние в Троицком Духовном правлении плетьми, и по наказании канонира Воробьева послать в Успенский Далматов монастырь на годичное а девку Гликерию Троицкой крепости к священнику на полгодичное время при Указе...»²⁹¹.

Вышеозначенное дело и переписка о нём, Троицк–Челябинск–Тобольск, тянулось, как обычно бывало, долго. За это время женщину продали в Челябинск. Как видно далее, Гликерия не раз сбегала от нового владельца, но после поимки в Троицке, городская канцелярия приказала наказать ее за очередной побег. Жизнь женщины была сломана: бита плетьми, после продажи оказалась в более тяжелых условиях, а за побег ввновь наказана. В 1759 году протопоп Кудрицкий сообщил в Тобольск, что епитимия женщиной окончательно исполнена в Троицке²⁹².

При знакомстве с жизнью иных фигурантов дел, возникает чувство жалости и сострадания. Настолько несчастные были самые разные люди: преступники поневоле, беглые, нищие скитальцы и т.д. В связи с этим приведем одно из таких дел²⁹³. В 1758 году в Троицкое Духовное правление, при рапорте атамана Ивлева, была доставлена женщина – «беззаконная женка», отобранная у казака А. Устьянцова. Супругов разлучили и по отдельности

²⁸⁹ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2316. Л. 2, 2 об.

²⁹⁰ Фактически С. Мефодьев просил для себя большей самостоятельности, чтобы по малозначашим происшествиям не спрашивать каждый раз консисторию, ожидая долгое время резолюции. Протопоп имел волевой независимый характер и крутой нрав, и часто действовал самостоятельно. Что проявлялось и ранее, на его прежнем месте службы в Барнаульском Духовном Заказе. Эти личностные качества повлияли на срок его службы в Челябинском Духовном правлении.

²⁹¹ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2316. Л. 6, 6 об.

²⁹² Там же. Л. 22 об.

²⁹³ ОГАЧО. И-65. Оп. 1. Д. 1.

допросили, каждого при своем ведомстве, и женщине пришлось задержаться, пока следствие повело неторопливую переписку. Она рассказала историю своей жизни. Звали её Мавра Трифионовна (1720 г. рожд.), родом из Невьянского Демидовского завода, где ещё ребёнком осталась сиротой после смерти родителей, 12-летней была выдана замуж. С мужем ей не повезло, девочка прожила с ним мало: «и по несносным ей от него нападкам и от побои безвинных и по нестерпимости и младоумии от него бежала». Несколько лет жила у родственников, но в плохой год из-за скудности прокормления «сошла от них в Печеркину слободу», а оттуда в Миасскую крепость. Когда узнала, что законный муж её «женился на другой женке, взошла и она в замужество той Мияской крепости за казака...», сказав о своём прежнем муже, что умер. Обман раскрылся через десяток лет и: «взята она была Челябинским протопопом Флоровским в Челябинское Духовное Правление и в том о прежнем её муже спрашивана...»²⁹⁴. По итогу разбирательства была она разлучена с мужем и отправлена в провинциальную канцелярию для получения наказания «за утайку прежнего её мужа». Она была бита плетьюми и выслана в Невьянский завод, где её передали уже в местное Духовное правление. Там Мавра была снова наказана, претерпела много горя и несправедливости, придя в «крайнюю бедность». Прошло много лет, прежде чем она смогла вернуться в Миасскую крепость к своему мужу. Письменного разрешения для того у неё не было (хотя она утверждала, что таковое было отправлено из Демидовского в Челябинское правление). Это и привело позже к новому аресту супругов в Троицке. Данное дело показывает, как человек, пройдя через ряд властных исполнителей, не встретил элементарного сочувствия.

Недостатком духовных законов были нечеткие подчас формулировки преступлений, и таковой же расплывчатый, чрезмерно широкий спектр наказаний за один и тот же проступок. Например, понятие «богохульство» определялось как тягчайшее преступление, за которое можно было наказать как плетьюми, так и смертной казнью или, например, дать такое наказание, как

²⁹⁴ ОГАЧО. И-65. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

«прожечь язык горячим металлом». Подвести под наказание можно было человека, практически и невиновного. Так, в 1751 году Челябинское Духовное правление расследовало дело казака Еткульской крепости К. Саночкина, упомянувшего небрежно Бога в пьяном разговоре²⁹⁵. Священник Т. Поршевников был участником пьянки. Изрядно выпив, Кузьма обозвал собутыльника-солдата дураком, а потом, сводя ссору к шутке, сказал: «не ты дурак, а бог». Священник за богохульство ударил Кузьму тростью, конфликт был исчерпан. Но на лицо было серьезное преступление – ругательство Бога. Возможно, боясь доноса со стороны солдат, священник написал о происшествии в Духовное правление. На допросе у заказчика Кузьма сказал, что ничего не помнит. Консistorия указала, что для окончательного решения дела показаний свидетелей недостаточно, и предложила вновь допросить казака, теперь в провинциальной канцелярии, «с пристрастием», что и было сделано летом 1752 года. Но битый плетью Кузьма на допросе говорил то же. Свидетели показали, что богохульные слова Кузьма произнес неоднократно, этот нюанс трактовался законом как отягощение вины. Митрополит указал: казака за преступление наказывать плетью нещадно и сослать навечно в монастырь для работ и покаяния под надзором²⁹⁶. Но казаку помогли светские чины, отправив его в Оренбург, и дальнейшая судьба фигуранта неизвестна. Уязвленный митрополит требовательно писал: «в Оренбургскую Губернскую Канцелярию сообщить Промеморию и требовать чтоб благоволено было с означенным казаком Саночкиным за объявленное Ево злодейство учинить <...> без упущения и что с ним Саночкиным во оной Оренбургской Губернской Канцелярии будет учинено о том консисторию Его Преосвященства уведомить писменно»²⁹⁷.

Важное место в работе заказчика занимало информирование консистории об отсутствии на подведомственной территории нежелательных лиц: бродяг,

²⁹⁵ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 908.

²⁹⁶ Там же. Л. 10.

²⁹⁷ Там же. Л. 37.

попрошак, кликуш, подозрительных лиц, смущавших население своими сказами, проповедями или слухами. При поимке таких людей, несмотря на мало-значимость проступка, они всё равно наказывались телесно. Например, в 1758 году Троицкой городской канцелярией в Духовное правление был доставлен писарь Оренбургского полка, обвиненный в наличии у него «суеверного письма». Бригадир П. Бахметев дал приказ: «писарю Ивану Арзамасцову за прописанием в той конфирмации Ево преступления учинить пред полком двоекратное чрез три дни наказание батоги...»²⁹⁸. Письмо же полагалось сжечь в «присутственном месте». В правлении допросили писаря под присягой (клятвой Богу). Писарь рассказал, что едуци из Казани, у незнакомого ямщика то письмо списал. Оно гарантировало якобы: «по прошению от командиров получать способ (*т.е. помощь – А. Л.*), однако ж де по тому писму ничего не действовал, и никогда по оному никакой пользы не признал и не получал...»²⁹⁹. Добавил также, что никаких суеверий и наговоров не учинял, и других подобных писем не имеет. Надо сказать, что подобные факты выявления «суеверных листков», «тетрадок», «смущающих писем», были нередки в течение всего века. Своеобразный «самиздат» того времени был если и не массовым, то отнюдь не редкостью, и имел определенное влияние в народной среде. Такие письма многие знали и передавали их содержание.

Не отмечен в тематической литературе и такой нюанс деятельности заказчиков и священства XVIII века в отношениях с населением, как формальное свидетельствование документа, то есть наряду с духовным окормлением, для состоятельных граждан нужно было иногда и нотариальное сопровождение. Особенно это касалось завещаний, составление которых в то время не обходились без священства. Приведем один пример подобного «Духовного завещания». Так, служивший в Исетской провинции во второй половине века прапорщик И. Рукин подготовил «духовную» для своей жены.

²⁹⁸ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2558. Л. 2.

²⁹⁹ Там же. Л. 4 об.

Там, среди прочего, говорилось: «писал я в полном своем уме, причетных людях, отце моем духовном Мехонского острогу, Христорождественской церкви священнике Феодосии Затопляеве и при нижеподписавшихся свидетелях...»³⁰⁰. После смерти мужа, его вдова, при возникшем споре предъявляла документ в органах светской власти: «Сия Духовная Шадринской Управительской канцелярии у крепостных дел явлена...». Так, наличие «духовного завещания» помогло ей выиграть возникший спор о наследовании имущества.

В числе прочих дел, священники должны были всех людей, поступавших на службу государству, или повышавших свой чин, приводить к присяге. Так, в 1777 году в Челябинске, получили повышение должности по представлению воеводы: И. Черековцев и В. Высотин, ставшие канцеляристами; А. Высотин и А. Черемисинов, ставшие подканцеляристами; также казначей Н. Портнягин, Н. Оловянников, подпрапорщик С. Дмитриев, поручик управитель Куртамышского дистрикта – П. Волынщиков, и другие лица. Все они (присягая в разные месяцы года) дали клятву верности в Христо-Рождественском Соборе³⁰¹. Касалось это и малолетков, поступавших в казаки. Весной священники должны были читать молебны над семенами, перед тем как приступать к посеву (об этом также были соответствующие Указы). Таким образом, взаимодействие духовенства с населением проявлялось во многих, самых разных реалиях повседневной жизни.

В делах Духовных правлений весьма характерно отразилась ситуация второй половины 1770-х гг., когда после подавления «пугачевского» восстания, последующие несколько лет в регионе были чрезвычайно тяжелыми в экономическом плане. Население жило на грани голода, от этого происходило много происшествий, преступлений, а канцелярии государственных учреждений с трудом справлялись с большим потоком жалоб, заявлений о

³⁰⁰ РГАДА. Ф-429. Оп. 1. Д. 346. Л. 8 об.

³⁰¹ Там же. Д. 302. Л. 368–372, 377–380

кражах и других бытовых и уголовных происшествий³⁰². Кражи – яркая примета тех лет, когда воры не боялись красть даже из церквей. Например, в 1775 году сообщали о подобных случаях из села Птичьего – в Шадринское Духовное правление; из сел Петровского и Куртамышя – в Воскресенское Духовное правление³⁰³. Из многих мест священники жаловались на скудость жизни, бедность прихожан, например, сообщали, что «обыватели» от произошедшего разорения 1773/74 года плачут, «да и в 1775 и 76 годд пришли в крайнюю скудность и раззорение а паче в тех годах от неурожая хлеба...»³⁰⁴. Когда паства обеднела, и священству стало совсем плохо. Поэтому и в среде духовенства в эти годы значительно участились различные происшествия: кражи, ссоры, драки, конфликты в служебной деятельности.

В 1775 году староста Христо-рождественского Собора купец Иван Зюганов обнаружил пропажу двух мешков монет (суммой до 50 руб.), написал доношение на исчезнувшего сторожа богадельни, также в полицию «для сыску по всему городу». Сторож был задержан в Миасской крепости, раскаялся. Вора наказали публично, отстегали лозами, и сослали в Тобольск, а его якобы сообщника отпустили в силу Указа от 10 февраля 1763 года.

Можно увидеть переживаемые трудности первых лет после «замешательства» повсеместно, например, в Миасской крепости произошло немало краж скота и лошадей, иногда воры покушались и на домовое имущество; у дьячка Колокольцева вместе с вещами украли и грамоту на сан. Священник П. Нассонов оправдывался в Духовном правлении, что венчал крестьянина и казачью дочь без письменного вида, но за жениха ручались свадебные свидетели. Причту удалось избежать штрафа, отделавшись подписками о не венчании пришлых браков. Подобные нарушения правил венчания произошли и в других местах близкой округи³⁰⁵. Весной 1777 г. атаман Т. Рукавишников сообщил, что священник Нассонов тяжело болен, а в

³⁰² См., например: РГАДА. Ф-429. Оп. 1. Д. 250.

³⁰³ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 1 Б. Л. 23, 82, 179–180.

³⁰⁴ Там же. Д. 7 Б. Л. 45.

³⁰⁵ См., например: ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 7-Б. Л. 25–27.

станции «имеется немало родившихся младенцев, не получивших святого крещения». Это волновало жителей, а с началом Великого поста люди должны исповедаться и приобщиться святых тайн, что не было исполнено. Атаман просил поскорее прислать священника для духовных треб жителей³⁰⁶. Священник Нассонов умер в том же году (возрастом около 70 лет).

С 1774 года во всех крупных населенных пунктах Исетской провинции были размещены воинские команды, квартировавшие не в казармах (они не были построены), а в домах местных жителей, в том числе духовенства. На протяжении многих лет это стало почвой для конфликтов, происшествий и, соответственно, жалоб. Так, осенью 1774 года «правлящий заказщицью должность священник Николай Хомяков» сообщал в провинциальную канцелярию, что «некоторые здешнего заказу мест священнослужители в Духовное Правление репортами объявляют что де тех команд господ штаб и обер офицеры безо всякого городских и прочих начальников отвода становятся сами собою на квартиры священнослужителей дома и во время готовящихся к священно служению вечернего и утреннего бывают немалые беспокойства и помешательства»³⁰⁷. Заказчик, ссылаясь на Указ Сената от 19 октября 1724 года, запрещавший воинский постой у священнослужителей, своей властью наивно постановил: «в дома на квартиры никого не ставить». Понятно, что данное «требование» не возымело действия, но требование заказчика было отправлено в губернскую канцелярию, а ответ оттуда был сообщен челябинским воеводой Духовному заказчику, в котором говорилось, что от воинского постоя: «обойтись никак не можно и сие имеет быть не всегдашнее время...»³⁰⁸.

Дело 1777 года с подобной же просьбой, показывает к тому же пренебрежение к младшим церковнослужителям. Так, промемория полковника Грекова, посланная в Челябинское Духовное правление, сообщала: «Вернеувельской слободы Георгевской церкви дьячок Иван Переберин

³⁰⁶ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 7. Л. 53–53 об.

³⁰⁷ РГАДА. Ф-429. Оп. 1. Д. 861. Л. 1.

³⁰⁸ Там же.

поданным де во оное Правление доношением просил о причиненных ему Переберину состоящего у него квартире полку моего Есаула Персианова притеснений; на переводе на другую квартиру...»³⁰⁹. Дьячок жаловался, что от большой компании военных, живущих у него дома: «причиняются несносные обиды разорении и притеснения», добавлял, что «здешней же слободы у священно и церковно служителей ни у кого такового постоя не имеется...»³¹⁰. Дьячок «покорно» просил, с квартиры его постояльцев убрать. Но, пришлось дьячку терпеть еще долго, пока буйные квартиранты не ушли с воинской частью.

Заметим, что в трудное время второй половины 1770-х гг., в среде иноверческого населения произошел всплеск случаев перехода в христианство. Можно уверенно сказать, что подобные желания «ко святому крещению» были связаны исключительно с трудной ситуацией тех лет, а не с осознанным религиозным чувством. Приведем один пример из многих. Айлинской волости Ахмет Ракаев из-за голода, опасаясь чтобы «не умереть напрасно, пожелал добровольно предать себя в вечное услужение» протоиерею Г. Мухину³¹¹. В ведомости 1776 года Челябинского Духовного правления сообщалось о 52 крещеных башкирах³¹². Их стало вдруг так много, что заказчик дал указ о запрете крестить иноверцев без специального разрешения.

В трудное пятилетие после гражданской войны в крае, повторилось и такое явление, как просьбы клириков о переводе в другие места службы, из-за скудных условий жизни. Например, переведенный дьяконом в 1777 году с северной части провинции в Кичигино – И. Кондаков, уже в начале следующего года не выдержав, написал прошение, где говорилось: «во оной крепости жители разорены в бывшее замешательство и по болшей части скудные к содержанию...»³¹³ и жаловался, что они: «довольствоваться не в

³⁰⁹ ОГАЧО. И-33. Оп.1. Д.7. Л.20.

³¹⁰ Там же. Л. 22, 22 об.

³¹¹ ОГАЧО. И-33. Оп. 4. Д. 1. Л. 146.

³¹² Там же. Л. 190–193.

³¹³ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 12. Л. 49

состоянии, где живучи претерпевал в прокормлении своего семейства крайнюю нужду»³¹⁴. Кондаков просил Челябинского заказчика дать паспорт до Тобольска, желая лично просить епископа Варлаама.

Многие клирики пользовались мягкостью нрава главы епархии, что не всегда шло на пользу делу. Так, весной 1778 года начальник Усть-Уйской крепости сообщил, что священник И. Ионин «по соизволению Его Преосвященства переведен Долматовского Заказа в Петропавловское село...»³¹⁵. В крепости же храм остался без богослужений, жители без исповеди и причастия, без исполнения треб, младенцы без крещения, «и умирающие без погребения оставатца могут»³¹⁶. Ведь на замену никто не прибыл. В пограничные места никто сам не стремился, а назначенные кандидаты порой придумывали разные причины для отсрочки.

В середине 1770-х гг. проблема церковного строительства стала вновь остро актуальной. Хотя сразу после «замешательства» начались работы по восстановлению храмов, этот процесс шел трудно, из-за слабых возможностей значительно обнищавшего населения. В связи с этим подробнее скажем о строительстве храма Преображения в Чебаркульской крепости. Сохранившаяся переписка по делу даёт нам представление как о трудностях по сборанию средств, так указывает и на обстоятельства, ставшие поводом для переноса церкви на новое место. Характерно, что укрепление в Чебаркуле строить не стали, а построили часовню. В то же время сотник Д. Мельников вел переписку с атаманом Оренбургского казачьего войска и с Челябинским Духовным правлением, о помощи в построении церкви. Прежнее её местоположение стали считать несчастливым, прося освятить «на другом, высоком и пристойном церкви святой красоте месте»³¹⁷.

Разорённые войной люди понимали, что нужно собрать большие средства, чтобы построить храм и обеспечить причт. При станичном сходе в

³¹⁴ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 12. Л. 49

³¹⁵ Там же. Л. 83.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Там же. Д. 1 Б. Л. 53 об.

Чебаркуле решено было послать несколько делегатов в дальние края для сбора подаяния. Отправились: казаки Девятловский, Мурашев, отставной хорунжий Шустиков, которые атаманом станицы были уволены от войсковых дел, для поездки по «Сибирской губернии по разным городам и по линиям Иртышской и Ишимской»³¹⁸. С подобным же заданием из Карагайской крепости был послан полковником Ступишиным сержант Д. Пешков, получивший в Духовном правлении «шнуровую за печатями книгу <...> для збору денег от доброхотодателей...»³¹⁹. Делалось это после получения разрешения от Его Преосвященства, епископа Варлаама, который после «смуты» сам объехал многие пострадавшие места Исетской провинции, «утешая жителей»³²⁰.

В 1777 году сотник А. Ярославцев и священник И. Протасов сообщали о проблемах Коельского прихода: казна церковная нищая, на покупку воска и церковного вина денег едва хватает, а для покупки книг «на украшение и благолепие Св. церкви», на обновление «обветшавших образов», необходимого ремонта и прочего – денег нет, и не предвидится. Причина: «население бедно», и просили хотя бы о некоторой помощи³²¹. Заказчик решение проблемы видел только в объявлении сбора средств от «доброхотных жителей» по епархии.

Духовные правления контролировали, сверяли бухгалтерию церковных старост, утверждали общественные приговоры об их выборах. В первые годы после великого «замешательства» и среди них не обошлось без происшествий, но надо сказать, упомянутый ниже случай единственный, выявленный нами. Общества выбирали из своей среды лучших и прилежных людей. Еткульский староста Петр Калачев, возможно, посчитал себя чем-то обделённым, так как занимаясь более трёх лет церковными делами, приходилось упускать много дел домашних. Так или иначе, в 1778 году сторож церкви уличил Петра в краже церковных денег. Уличенный староста признался, что «начал церковную казну употреблять на свои домашние надобности, то есть на покупку всякого скота, и

³¹⁸ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 1 Б. Л. 53.

³¹⁹ Там же. Д. 12. Л. 104.

³²⁰ <http://www.tobolsk-eparhia.ru/p/svt/varlaam.shtml> (дата обращения: 03.01.2021).

³²¹ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 7 Б. Л. 46.

на хлеб, коего по разорению моему в бывшее замешательство для пропитания себя не имели нисколько...»³²². Петр дал расписку, что обязуется истраченные им на своё хозяйство 169 руб. 80 коп. – вернуть в течении двух лет, «все до одной копейки»³²³. Более месяца в Духовном правлении думали, как поступить со стариком и, решили пожалеть пожилого человека. Заказчик даже огласку этому случаю не сделал, чтобы не подвергать старосту и его семью общественному ostracismu. В станичное Правление отправили бумагу, что староста, бывши у них, якобы «объявил, что уже четвертый год как он в церковных при оной Богоявленской церкви старостах находится, и просил сменить его другим...»³²⁴. Заказчик приказал выбрать в станице нового старосту, что и было сделано.

Из некоторых дел следует, что личные взаимоотношения на поверку оказывались важнее законов. Если человек имел важные связи, он ими пользовался. Например, родство с атаманом повлияло на характер священника С. Поршеникова, он был в Еткульской станице одним из солидных представителей местного общества, но стал допускать опрометчивые поступки. Однажды ночью в дом местной вдовы пытался вломиться сильно пьяный человек, дверь устояла, а ночной гость уснул прямо на крыльце. На следующий день вдова отправила послание в Духовное правление, обвиняя священника в домогательствах. Последовало разбирательство, в том числе очные ставки³²⁵. Священник отвергал обвинения, но вдова привлекла свидетелем своего работника. Уличенный священник нашел выход, воспользовавшись личными связями, и в деле возник новый фигурант – казак Т. Калачев, который взял вину на себя, за что полагалось ему наказание. Но он в день разбора был затребован из Духовного правления главой «Исетских казачьих дел», майором А.

³²² ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 12-В. Л. 59.

³²³ Там же. Л. 61.

³²⁴ Там же. Л. 62.

³²⁵ Там же. Д. 293. Л. 7–9.

Ханжиным и отослан по служебной надобности³²⁶. Так, дело завершилось без последствий.

Войсковое начальство обычно старалось помогать своим подчиненным. В 1795 году в Челябинское Духовное правление поступила жалоба урядника Д. Пустозерова на дьякона Чебаркульского храма Г. Бирюкова. Далее еще одна, подписанная атаманом А. Медведевым, где дьякон представлен как скверный человек, пьющий и появилось требование убрать дьякона из станицы³²⁷. Бирюков на разбирательстве дал объяснение нападкам: жалобу урядника назвал наветом, и других фигурантов обвинил сам: капрала Кошигина в прелюбодеянии с чужой женой, чему сам был якобы случайным свидетелем (её муж находился на службе в Оренбурге, что косвенно свидетельствует в пользу дьякона); казака Рышкова обвинил в пьяной ссоре со священником, где Бирюкову пришлось вмешиваться. Жизнь дьякона значительно осложнилась, он нажил себе врагов среди сплоченного клана местной зажиточной верхушки, где его правдолюбие было опасно для них, и шансов победить у него не было.

Активно использовал личные связи фигурант длившегося много лет дела, священник Ф. Протасов. Он ждал вакансию в Челябинске, и смог заручиться поддержкой самых влиятельных лиц провинции. «Общественный Приговор» ему подписали высшие чины, чиновники, городские выборные, купцы и другие известные личности тех лет³²⁸. Служа в Челябинском Соборе, Ф. Протасов и далее продолжал нарушать служебные уставы. В 1799 году он якобы «свенчал беглую свадьбу» крестьянина С. Замятина с дочерью мещанина Ф. Толстых, «который издавна со всем своим родом состоит в расколе...»³²⁹. Также он венчал крестьянина Т. Замятина, который «со всем своим родом издавна в расколе состоит...»³³⁰. По всем пунктам Ф. Протасов удачно оправдался.

³²⁶ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 293. Л. 10.

³²⁷ Там же. Д. 889. Л. 1–6.

³²⁸ Там же. Д. 585. Л. 1–3.

³²⁹ ОГАЧО. И-33. Оп. 3. Д. 107. Л. 1 об.

³³⁰ Там же.

В конце века, в 1797 году в Челябинске было 3 церкви (одна - двуштатная), проживало 15 лиц духовного сословия: священников, дьяконов, дьячков, пономарей³³¹. В их семьях было 16 женщин, детей 50 (29 мальчиков, 21 девочек), всего 81 человек данного сословия. Самым многочисленным слоем населения были по-прежнему военные (т.е. казаки, солдаты, их семьи). Вторым по величине было купеческое сословие.

Подводя итоги, отметим, что деятельность Духовных правлений являлась важным элементом регулирования и контроля общественно–религиозной жизни населения и потому оставалась на протяжении века нужной и важной для государства. Большинство же верующих людей видело в данной инстанции организацию, осуществлявшую контроль за спектром местных церковных дел, служившую для обращения по вопросам, связанных с личными религиозными требованиями, информированием, определенной помощью, где личного плана взаимоотношения с духовенством играли важную, иногда определяющую роль.

В Tobольско–Сибирской епархии большую сложность представляла кадровая проблема. В бытность в Tobольске митрополита Антония Нарожницкого (1743–1748 гг.) активная борьба велась с различными служебными злоупотреблениями, особенно на этом фоне выделялись попытки искоренения пьянства клириков. Многим подчиненным дали расписки в консистории, винясь и обязуясь исправиться³³². Актуальность данной проблемы сохранялась и далее на всём протяжении века.

Изучение документов Духовных правлений за относительно большой период времени, 1750–1790-х гг., показывает нам картину состоявшихся изменений религиозно–общественной жизни, также в отношениях Духовных правлений и их подчиненных. Выражалось это, прежде всего, в ослаблении грубых методов наказаний, в ограничении и усечении судебной и судебной-исполнительной функции Духовных правлений.

³³¹ ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 3589. Л.1.

³³² См., например: ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 82. Л. 6–25.

2.2. Участие Духовных правлений в борьбе с «расколом»

Реформа патриарха Никона в духовной сфере привела к церковному расколу, модернизация, начатая Петром I, породила цивилизационный раскол в русском обществе, еще больше добавив глубоких противоречий. В церковном и цивилизационном расколе объективно отразилось несогласие широких слоев населения, обусловленное усилением власти самодержавия, социального гнета и крепостничества, обмирщением церкви, уничтожением старых, веками сложившихся порядков, традиций и обычаев. Преодолеть накопившиеся проблемы в XVIII веке, в условиях дворцовых переворотов и смены монархов, не удавалось. На Южном Урале ситуация религиозной нетерпимости была особенно актуальна, потому что здесь кроме массы иноверческого населения, проживало много русских староверов, бежавших из Поморья, центральных губерний России. Природа Урала, множество труднодоступных мест, удаленность от центра страны, влекли сюда гонимых властью старообрядцев. Отметим, что казачье войско в низовьях р. Яик осталось верным «древле-православию», не приняв религиозную реформу патриарха Никона. Оренбургский епархиальный миссионер М. Головкин в связи с этим писал: «Особенно много беглого населения края добавлял жестокий закон о раскольниках, по которому приверженцы «старой веры» наказывались «огненной смертью», то раскольникам, не желавшим оставить свои убеждения, оставалось только погибнуть или бежать»³³³. При этом, беглые нередко договаривались с иноверцами башкирами и селились на их землях на правах «припущеников». С собственной же властью диалог чаще всего был невозможен. Власть запретила староверам даже именоваться «православными». Почвой для вражды был не только религиозный аспект, но и системное давление государства. Чрезмерное количество налогов, введенных ранее

³³³ Головкин М.Г. Очерки Оренбургской хлыстовщины // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 20. С. 728.

императором Петром, сделало невозможным нормальное ведение хозяйства, ставило в оппозицию к государству не только «раскольников», но большинство населения страны, активная часть которого переселялась на её окраины.

Следует иметь в виду, что православие, объединяя русских людей, было стимулом в хозяйственном и социокультурном освоении новых земель. В связи с этим Н.М. Чернавский писал: «Святая религиозная вера послужила связующим и объединяющим звеном русских пришельцев и она же стала лозунгом борьбы с иноверцами. В вынужденных столкновениях и войнах, происходивших с башкирами, калмыками, киргизами и каракалпаками, русские люди шли на рать не только в защиту себя по чувству самосохранения, но и для охраны своей веры, будучи воодушевляемы, между прочим, религиозными мотивами и придавая самой борьбе священный характер»³³⁴. В данном смысле более ясно понимается мотивация властей в жестких действиях против своих «раскольников».

Особо необходимо отметить массовость уральского раскола. В.Н. Татищев, бывший в 1734–1737 гг. начальником горных казенных заводов, выявил на Урале этот латентный пласт населения. До него Сибирская губернская канцелярия сообщала, что «при заводах раскольников не было». «Но Татищев насчитал их в 1735 году уже 1250 душ мужского пола и 611 женского, с которых и положил взыскать по указам раскольничьим платеж в 2540 рублей»³³⁵. В следующем году «Татищев опять донес, что число раскольников еще более увеличилось, особенно на заводах Демидовых и Осокиных, где едва ли не все прикащики, да и сами промышленники некоторые раскольники...»³³⁶.

В 1740-е гг. в среде урало-сибирских староверов произошел процесс частичного отказа от своего латентного состояния. Так, в Исетской провинции

³³⁴ Чернавский Н.М. Оренбургская Епархия в прошлом и настоящем. Оренбург, 1898. С. 98–99.

³³⁵ Попов Н. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. В.Н. Татищев и его время. Москва, 1861. С. 153.

³³⁶ Попов Н. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. В.Н. Татищев и его время. Москва, 1861. С. 154.

во время второй ревизии, в 1742–1745 гг. записалось «в раскол» значительное число населения. Катализаторами процесса стали: Указ 1743 года, установивший «взыскание с раскольников и бородачей за ношение неустановленного платья», подтвердивший прежние репрессивные указы, и предписание для ревизоров в 1744 году: «произвести новую перепись раскольникам»³³⁷. Подобное отношение властей вызвало в среде староверов негативную реакцию. Однако, среди немалой их части присутствовал и «наивный монархизм»³³⁸. Естественное стремление к вере в «доброе царя» вело к тому, что менее политизированная часть пошла на условия власти о фактическом откупе, платеже двойного раскольнического оклада. Так, переставала быть латентной значительная часть «раскола».

Одной из причин, вызвавших желание большого количества людей в Исетской провинции записаться в раскол, стало недовольство, вызванное значительно возросшим в те годы контролем и разного рода давлением со стороны местных властей, что вело к более высокой налоговой нагрузке и натуральным поборам, порождая рост недовольства. Мероприятия властей были связаны с освоением нового, присоединяемого к империи пространства, для чего понадобились большие ресурсы, базой которых и стала Исетская провинция. Проявившееся в переписи 1742–1745 гг. большое количество старообрядцев в Исетской провинции, взволновало митрополита Антония Нарожницкого. В 1745 году он сообщил об этом в Синод, что в свою очередь вызвало обеспокоенность со стороны высшей духовной власти³³⁹. Необходимо заметить, что тенденция записи в раскол сохранилась и во второй половине 1740-х гг., поэтому, в Синоде было принято решение – начать по этому поводу формальный «розыск».

³³⁷ ПСЗ РИ, с 1649 года. Санкт-Петербург, 1830. Т. 11 (1740–1743). № 8707. С. 772–773; Т. 12, № 9921; ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 170. Л. 1: «Подтвердить накрепко старый указ о бородачах чтоб платили по пятидесят рублей на год и к тому чтоб оные бородачи и расколщики никакого иного платья не носили как старое, а имянно зипун...».

³³⁸ Покровский Н.Н. Представления крестьян-старообрядцев Урала и Сибири XVIII в. о светских властях // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1971 г. / Институт истории Литовской ССР. Вильнюс, 1974. С. 176.

³³⁹ РГИА. Ф-796. Оп. 31. Д. 119. Л. 1.

О том, что старообрядчество на Южном Урале получило широкое распространение, свидетельствуют и следующие данные. В 1748 году треть казаков Челябинской крепости (147 мужчин и 133 женщины) заявили о желании в расколе «быть и платить за то в казну указные подати и раскольническое платье носить желают а за настоящий подушной оклад по прежнему казачьи службы с прочими казаками служить будут и просят чтобы их з женами и з детьми кто ко оному пожелал записать в число расколников...»³⁴⁰. Интересно понять причину такой массовой записи. Она выражена в объяснении одного из челябинских казаков: «в прошлом 748 году в декабре м-це а в котором числе того не упомнит писался он в раскол по подаче в Ысецкую Правинциалную канцелярию сказок не для чего иного только для единого двоеперстного креста сложения а обучен оному отцем своим Офонасьем Степановым також де и матерью...»³⁴¹. Такую же причину указывали и люди из других мест провинции. Чины провинциальной канцелярии были озадачены массовостью проявившегося «раскола» и, не принимая решения сами, запросили Оренбургскую губернскую канцелярию. Туда же, с прошением: «дабы положен был на записавшихся по силе ревизии в раскол в Челябинской крепости двойной денежной оклад...» отправились казак И. Гневашев и несколько крестьян³⁴².

В 1750 году в Сибири и на Урале начались особенно активные мероприятия по борьбе с «расколом». Митрополит Сильвестр Главатский о растущем количестве расколников сообщал в Синод: «да и еще непрестанно умножается а особливо в новопостроенных в Исецкой правинции крепостях куда для новаго поселения из разных губерний и городов приезжают и для содержания раскола умножаются и простой народ явно влекут в расколническое заблуждение...»³⁴³. Непримирымый противник раскола, митрополит, среди других мер, посчитал нужным назначить в Челябинск

³⁴⁰ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 451. Л. 1.

³⁴¹ Там же. Д. 406. Л. 22.

³⁴² ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 406. Л. 22.

³⁴³ РГИА. Ф-796. Оп. 31. Д. 119. Л. 1 об.

нового Духовного начальника, дав ему широкие полномочия. Назначенный заказчик П.И. Флоровский, приступил к преследованиям раскольников. После упразднения двух Духовных заказов, под властью Челябинского заказчика оказалась почти вся Исетская провинция, поэтому при последующем освещении темы, мы уделим основное внимание именно Челябинскому Духовному правлению.

Что касается руководства светской власти, то оно не могло игнорировать просьб и поручений заказчика. Указ Сената предписывал органам светской власти деятельно помогать, и раскольников, «где таковые есть, для надлежащего об их состоянии исследования и по требованию тамошних по Епархиям Духовных Правлений, отослать в те Правления без удержания»³⁴⁴. В результате, сотни людей были подвергнуты репрессиям: процедуре «истинного» крещения, «увещеваниям». Упорных старообрядцев ждало повторение наказаний, а некоторых из них отсылали на следствие в Тобольск. Например, 17 казаков были отправлены тогда Флоровским к митрополиту на исправление³⁴⁵. Меры борьбы сопровождались грубым насилием, самочинными наказаниями, в числе которых были: битье плетью и длительное заключение под стражу. Кроме избиений, он выдирает у истязаемых людей бороды, а за отпуск на свободу вымогал взятки³⁴⁶. Следует заметить, что грубые, насильственные методы были в традиции того времени, а наказания плетью, сажание на цепь, практиковались повсеместно. Но, действуя фактически бесконтрольно, записав в раскольники массу людей, в том числе около сотни служащих казаков, заказчик создал большую проблему для светского руководства провинции. Отметим, что подобную активность в борьбе с расколом не проявляли другие Духовные заказчики провинции, во всяком случае, об этом практически не сохранилось сведений. Причина, видимо, заключалась в личностных качествах П. Флоровского, в его жестком, властном

³⁴⁴ ПСЗ РИ, с 1649 года. Санкт-Петербург, 1830. Т. 13 (1749–1753), № 9745. С. 266.

³⁴⁵ Описание документов и дел хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Т. 31. Санкт-Петербург, 1909. С. 62.

³⁴⁶ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 2928. Л. 2–3 об.

характере, повлияло и его резкое возвышение. Ведь он так обращался не только с раскольниками, но и своих подчиненных держал в страхе.

В отношении староверов верховная власть в то время не меняла вектор политики. Напротив, в 1750 году Сенатом приказано: «отсылать в Духовные Правления записавшихся после ревизии в раскол обоего пола людей, для исследования первого начала их раскола»³⁴⁷.

Мы можем сравнить методы репрессий, показав, как действовало более высокое начальство, то есть служители консистории, в семинарии которой П. Флоровский ранее обучался. Приведем в качестве примера дело 1750 года: Тобольский житель – Мамет Сеитов, в своей жалобе писал, что был внезапно взят из дома солдатами и отведён в консисторию «преосвященного митрополита», где «допрашиван был с сильным пристрастием а содержан я был в духовной консистории под караулом немалое время, так что никого ко мне с пищею родственников моих и посторонних не допускали...»³⁴⁸. Он сообщал, что был закован «в ножные железа и на шею цепь была наложена, а потом после допросу как сам преосвященный так и по нем протчие знатно чрез Приказ Его Преосвященства силно принуждали Меня ко святому крещению...»³⁴⁹. Арестант упомянул и предложенные условия освобождения: «Ежели я святое крещение приму то никакого наказания по делу Моему мне не будет»³⁵⁰. За нежелание креститься, его страдания продолжились. Причем, митрополит видел, что арест сделан по ложному доносу, но отправил Мамета в Сибирскую губернскую канцелярию: «а потом послан был по тому делу во свидетелстве в Москву канцелярию тайных розыскных дел в контору, в которой по следствию до меня никакого дела не коснулось...»³⁵¹. Пройдя через многие испытания, М. Сеитов остался в живых, тогда как в Приказе тайных дел другие

³⁴⁷ Там же. С. 265.

³⁴⁸ РГИА. Ф-796. Оп. 25. Д. 24. Л. 3–4.

³⁴⁹ РГИА. Ф-796. Оп. 25. Д. 24. Л. 3 об.

³⁵⁰ Там же. Л. 4.

³⁵¹ Там же. Л. 4 об.

арестанты нередко сходили с ума, если не умирали быстро. Об этом осталось много сведений в делах Синода того времени.

Методы духовного ведомства на более высоком уровне были идентичны применяемым заказчиком Флоровским. Принципы действия репрессивного механизма оставались общими и неизменными. Отличительными чертами являлись, прежде всего, неожиданность ареста, медлительность следствия, презумпция виновности, долгая неопределенность, даже при отсутствии вины.

Из дел Духовных правлений видно, что всем раскольникам под следствием предлагалось принять обряд крещения заново, и после того дать подписку о не совращении в раскол. В основном, преследуемые люди опасались за свою жизнь и подчинялись, после «увещевания» проходя обряд крещения в храме, а затем в провинциальной канцелярии давая еще и подписку. Приведем пример подобной, стандартной формы клятвенного обещания. В одном из документов 1750 года сообщается: «В Консисторию Митрополиту Тобольскому и Сибирскому. С явившегося в подозрении раскола Исетской провинциальной роты солдат Алексей Пятров сын Толстых с нижеподписавшимися по нём учителям взята сия подписка в том что ему солдату Толстых отныне в православной церкви стоять в воскресные праздничные и в викториальные дни на всякое славославие повсягодно исповедываться причащаться...»³⁵². Предусматривалась и круговая порука: «ему нижеподписавшемуся учителю доносить немедленно. А ежели поручитель за показанным солдатом что либо вышеписанному противно усмотрит а в духовной команде не донесёт за то учинено будет солдату Толстых наказания поручившемуся – по силе Ея Императорского Величества Указа без всякого милосердия в чём они по смертною казнию и подписуются. Вместо солдата Алексея Толстых по его прошению понеже он сам писать не умеет посацкой Василий Дмитриев сын Щелкунов подписался...»³⁵³. Данный документ интересен ещё и тем, что в нём впервые упоминается священник Д. Скрыбин.

³⁵² ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 406. Л. 20.

³⁵³ Там же. Л. 20 об.

Преследования старообрядцев, жестокое обращение с арестованными повлекло то, что в Исетской провинции начались самосожжения ревнителей старой веры. Такие акты называли тогда «гари». Следует заметить, что таких происшествий на Урале не было много лет, но весной 1750 года произошла первая «гарь», на реке Увелке. Летом того же года: «из беглых раскольников Игнатей Шершнева Федот Темников с женами и детьми да Терентей Вешняков на заимке от крепости Челябинской расстоянием версты с четыре при мельнице в помолной избе у вышеписанного Вешнякова згорели...»³⁵⁴. В течение года произошли и другие самосожжения, которые приобрели массовый характер. Семейственность – отличительная черта «исетского раскола», это были не изгои или беглые люди, а значительная часть давно жившего здесь «податного» населения.

Несмотря на «гари», Исетская провинциальная канцелярия продолжала посылать задержанных раскольников на увещевание в Духовное правление. Заметим, что исполнялись наказания не только в Духовном правлении, но и при самой канцелярии, в том числе по указам заказчика. Репрессии имели последствия: одни люди «ломались», другие жили в страхе перед властью, тихо ненавидя её, третьи бежали с жительствова. Так, например, сбежала часть казаков из новопостроенной Коельской крепости³⁵⁵. Находившийся под следствием челябинский казак С. Казанцев, утверждал, что некоторые люди из-за преследований отчаявшись, утопились³⁵⁶. Причем в то время в Исетской провинции был на счету каждый человек, являвшийся плательщиком налогов или несущий военную службу. Всё это стало вызывать недовольство со стороны светской власти, испытывавшей острую нехватку людских ресурсов. Ценность людей, особенно на огромных пространствах Урала и Сибири, понимали многие высокие военные и светские чины. Но их мнение о

³⁵⁴ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 451. Л. 3 об

³⁵⁵ ГАОО. И-173. Оп. 11. Д. 27. Л. 131 об.

³⁵⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Т. 31. Санкт-Петербург, 1909. С. 62.

чрезмерной нагрузке на население, не выходило за рамки личного общения или приватной переписки.

Там, где власть «закрывала глаза» на раскольников, они жили более или менее спокойно, принося несомненную пользу государству. По мнению известного исследователя раскола И.Я. Сырцова: «Гражданской власти до раскольников, без почина власти духовной, не было никакого дела; но она отягощала раскольников наравне с прочими поселянами чрезмерными налогами и разными натуральными повинностями, а по временам и незаконными поборами»³⁵⁷.

Оренбургский губернатор И. И. Неплюев на этом фоне отличался государственной мудростью. Им в августе 1750 года к Его Преосвященству была отправлена промемория, где предлагалось, ради пользы государственной, не отправлять арестованных в Исетской провинции раскольников на следствие «в такое отдаленное место как в Тобольск», а «может производимо быть в Челябинской крепости где и провинциальная канцелярия...»³⁵⁸. Здесь Духовный заказчик мог бы контролировать ход дел и с провинциальными командирами «согласие иметь». В соответствии с указаниями И. Неплюева, провинциальная канцелярия пыталась смягчить репрессии против раскольников. Аргументация проста: «ежели не дать раскольникам отваги, то чаятельно, все они сгорят без остатку, а правоверным крестьянам, оставшимся в тех местах, где жили раскольники, будет великая тягость, ибо положенные на раскольников подушные деньги и оброчный провиант придется платить им, и они от этого могут придти в крайнюю несостоятельность»³⁵⁹. Чинам, поначалу исправно выполнявшим требования заказчика о присылке или аресте подозреваемых в расколе, пришлось по-иному взглянуть на его действия. Хотя на открытый конфликт они долго не решались. Губернская власть указала на пагубность

³⁵⁷ Сырцов И.Я. Самосожигательство Сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 17–18. С. 323

³⁵⁸ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 451. Л. 7 об.

³⁵⁹ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 241.

жесткого преследования раскольников, главной задачей поставив сыск «лжеучителей». В то же время, исполняя грозные указы митрополита, продолжались аресты самых разных людей – и духовными, и светскими властями.

Представим возмущение людей, плативших подати государству, обвиненных в тяжких преступлениях. Получалось, честная жизнь не нужна государю? Несправедливость нарушала умозрительную конструкцию жизни, ведя к накоплению протеста. Приведем эпизоды одного из дел. Пострадавший от действий властей крестьянин Лука Воронов, не найдя справедливости на месте, отправился: «тайным образом в Оренбург подал в Оренбургскую Губернскую Канцелярию прошение Исетского дистрикта на Управителя Ивана Рукина с товарищи в приезде в дом Ево и описи пожитков и в отвозке несколько себе...»³⁶⁰. Жизнь семьи была сломлена, Лука с женой стали числиться «неведомо где в бегах». То, что он пришел в столицу губернии (за тысячу верст!) и подал там прошение, было редким исключением из массы случаев пассивного сопротивления. Л. Воронов был родом из Усть-Миасской слободы, грамотен; сам и дети его крещены в православном храме. В 1740-е гг. все записались «в двойной расколнической оклад по научению отца своего и матери для двоеперстного креста сложения, с коего времени тот двойной расколнической оклад платил он Лука за себя и за домашних до ныне бездоимочно. До записки в раскол он Лука с домашними в церковь святую ходил исповедовался повсягодно...»³⁶¹.

Арестованного Луку отправили в провинциальную канцелярию, что до крайности обострило его чувство неудовлетворенной справедливости, сделав за короткий срок убежденным до фанатизма «раскольников». Допрос заканчивается фразой: «к церкви святой он Лука обратиться не желает а состоит по записке своей для двоеперстного креста сложения [кое содержит по завещанию отца своего помянутого умершаго расколника Воронова] в расколе

³⁶⁰ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 406. Л. 2.

³⁶¹ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 406. Л. 10 об.

и во всем он Лука утвердился под смертною казнию»³⁶². Будучи среди арестованных, Лука старался укрепить их дух личным примером и своими речами. Как свидетельствовали другие арестанты: «с нами как пищи так квасу и воды пить и есть не стал», а при отправке его в Тобольск «вышед в сей всячески их увещевал дабы они состояли в том (*расколе – авт.*) Напоминал им при том – Братия же мои мучаются и крепятся...»³⁶³. Далеко не все сопротивлялись до конца, как Лука, подвергая себя, тяжелым мучениям.

Будучи под арестом Лука узнал, что опись его имущества и других сельчан, сделана по указу консистории, куда и он оказался затребован. В вердикте дела говорится: «Воронов назначен был для отсылки во оную консисторию которой не ведомо какими своими зло вымышленными лукавствы из под караула скрывся бежал о котором во все здешние подчиненные места чтоб сыскивали Указами подтверждено»³⁶⁴. Арест Луки и его сподвижников пришелся на пик борьбы со староверами, когда митрополит Тобольский и Сибирский – Сильвестр, с большой энергией приступил к искоренению «раскола». В 1750 году он писал в Синод: «Как по силе указов 722, 723, 744, 745 и сего 750 годов и подуховных регламентов повелено о лжеучителях и наставниках чернецах расколнических разведывать и выискивая ловить, и брать таковых в Духовныя Правительства где чинить об них обстоятельные разследования...»³⁶⁵. Высшая власть постоянно имела перед собой фантом – угрозу раскольников. Это осложняло жизнь, и без того нелегкую, значительной части русского населения, людей высокой нравственности и трудолюбия.

Типичны были сообщения в Тобольск из самых разных мест Урала и Сибири о многих найденных «раскольниках». Вот одно из них (декабрь 1750 г.): «Илья Павлов сын Силин, чернец Моисей, Старицы Мавра Тихонова да Анна Васильева дочери заковав в железа с определенными моей команды

³⁶² Там же. Л. 11.

³⁶³ Там же. Л. 37.

³⁶⁴ Там же. Л. 3.

³⁶⁵ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 406. Л. 43.

солдатами посланы будут немедленно. А сим нарочно послан от нас солдат Петр Нестеровых дав ему на прогоны суточных денег вперед до Тоболска...»³⁶⁶. Факты же говорят о том, что многие лишь в духовной жизни исповедовали «древнее благочестие», в остальном же были лояльны, но власть видела в них угрозу политического плана.

Как уже отмечалось, часто люди наследовали религиозную традицию от родителей и не проявляли в спокойные годы политической активности. Недовольство возникало при ухудшении условий жизни, под влиянием старообрядческих проповедников, представлявших религиозную информацию в нужном для себя направлении. Для власти таковые «лжеучителя» представляли опасность. Умудренные опытом и обладавшие определенным багажом религиозных знаний, они оказывали сильное воздействие там, где имели место произвол и несправедливость. Тогда их проповеди попадали, по сути, в хорошо подготовленную почву, находя своих последователей. «И олтарь наш сотрен есть, и церковь наша разорена есть и песнь умолча, и радость связана есть, и свеча светильника нашего погашена есть»; «И ты правоверне, без сомнения держи предание святых отец, умри за сие <...> Не предадим благоверие...»³⁶⁷. И картина происходящего становилась для внимавших людей понятной и ясной. Безусловно веря в загробную жизнь под судом Господа, староверы этим убеждением облегчали свой уход от тяжелой и несправедливой жизни, где с именем Бога власть творила «черные» дела.

Массовые аресты крестьян, привезенных для следствия часто издалека, обрекали их семьи на нужду, оскорбляя в моральном плане. В этом свете неудивительны случаи, когда даже отпущенные домой люди сжигали себя, а вместе с «раскольниками» шли гореть и иные «православные». В ночь на 8 февраля 1751 г. сожглись 68 жителей Куртамышской слободы. Записных раскольников среди них было лишь 8, а остальные, по уверению священников,

³⁶⁶ Там же. Л. 57.

³⁶⁷ Батуев С.В. Куртамышское старообрядчество (середина XVIII – первая треть XX вв.). Монография. Куртамыш, 2014. С. 5, 15.

являлись верными прихожанами официальной церкви! Через неделю рядом случилось еще самосожжение, погибло 72 человека³⁶⁸! В 1751 году ситуация приобрела массовый, а потому катастрофический характер. В то же время заказчик Флоровский получил благодарность митрополита, даровавшего ему редкое звание протопресвитера³⁶⁹.

«Огонь благодати, возжженный в сердцах христиан Святым Духом, побуждает сиять их, как светильники, перед Сыном Божиим. Этот Божественный огонь, соразмерный воле человеческой <...> Огонь сей прогоняет бесов, истребляет грех, он есть сила воскресения, действительность бессмертия, просвещение святых душ, утверждение умных сил»³⁷⁰. Староверы от своих учителей знали подобные тексты. Но накануне готовящихся новых самосожжений, появились указы провинциальной канцелярии, прозвучавшие очень неожиданно. Староверам провозглашено: «о неотвращении двоеперстного креста и протчего к их раскольнической пользе», также, из домов для увещевания староверов не высылать, «и никакого им озлобления и страху не чинить»³⁷¹. После того, как Указ дошел до отдаленных мест провинции, самосожжений стало гораздо меньше. Старообрядцы проявили покорность власти, но в провинции по-прежнему имелось немало мест, которые были центрами раскола: это ряд горных заводов, казачья Коелга, некоторые сёла.

В 1751 году были доставлены в Исетскую Управительскую канцелярию несколько крестьян, обратившихся из раскола, но продолжавших креститься по-старому. Позже, один из них: «от караулных скрался и взошел на колокольную с коей и хотел броситца», ударил в колокол, привлек много людей, «соблазнял народ», был готов умереть за свою веру. Причина поступка: «не от ыного чего но оттого как Ево так и протчих обывателей священники принуждают

³⁶⁸ Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян... С. 236–237.

³⁶⁹ ГАТ. И-156. Оп. 3. Д. 166. Л. 86.

³⁷⁰ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. Сергиев Посад, 2012. С. 335

³⁷¹ Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян... С. 243.

троеперстным сложением вообразить»³⁷². Смутьяна отправили в Челябинское Духовное правление. В Исетском дистрикте имела место тяжелая ситуация с расколом. Дошло до того, что власти отдали приказ сотникам и десятникам проверять дома обывательские утром и вечером, сообщать о сборах людей, малейших подозрениях³⁷³. Однако, исполнить все указы в полной мере было невозможно.

Раскольники в Исетской провинции жили повсеместно, среди них находились и состоятельные люди. Так, владелец Каслинского завода – Я. Коробков, был старовером и поддерживал таковых же. В одном из дел отмечалось: «Консistorии по производящимся о расколниках следственным делам оказалось что из пойманных при заводе Каслинскаго заУралского железнаго завода заводчика Якова Коробкова расколнических лжеучителей чернец неученой грамоте в бытность свою в том заводе приходя к нему Коробкову и к другим в дома и имея заведомо Ево оттого дому Ево Коробкова себе пропитание крестил у тамошних расколников младенцов в корчагах по своему...»³⁷⁴. Большинство «заводских» людей провинции являлись староверами.

Каким же был обычный раскольник? В определенной мере можно судить на примере Якова Костыгина. Он допрашивался в провинциальной канцелярии «для увещевания от расколнического суеверия». На допросе показал: родители его были православные, погребены при церкви православными священниками. В семье Якова было 8 детей. Записались все в раскол в 1748 году, так как научены «двоеперсному креста сложению от родителей своих». До записи в раскол семья церковь посещала, а после записи перестали посещать³⁷⁵. В конце допроса он заявил: «к цркви с-той он Яков обратица не желает за тем что для

³⁷² ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 1132. Л. 1.

³⁷³ Там же. Л. 1 об.

³⁷⁴ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 451. Л. 5.

³⁷⁵ Там же. Д. 406. Л. 22 об.

двоперсного сложения записался в раскол в котором и впредь состоять желает, ко оному допросу за упрямством своим руки не приложил»³⁷⁶.

В связи с этим повышенный интерес представляют примеры выхода из раскола. Из рапортов Духовных правлений видно, что значительную роль имели внутрисемейные отношения, а также личность священника: его красноречие, авторитет. Материальная сторона жизни тоже влияла при принятии решения. При мягком нажиме со стороны священства, немало людей добровольно переходили в «истинное православие». Некий Кирилл Воронов, «записной раскольник», заявлял, что «был он еще в малых летах записан отцом своим в раскольническое именование и платил раскольнической двойной оклад а ныне де он пришел в совершенной возраст и уразумел что раскольническое мудрование неправое но душегубелное и просил чтоб Ево от расколу обратить и соединить св-той церкви...»³⁷⁷. Заказчик в рапорте сообщил: «о выключке Ево Воронова из двойного раскольнического оброку в Ысетскую Правинциалную, а для ведома в Ысетскую ж Управительскую Канцелярии...»³⁷⁸. Подобно сказано еще про нескольких человек из Миасской слободы, отказавшихся от раскола³⁷⁹. Из Таловской слободы священник сообщал, что «расколница Ксения доношением объявила по нынешней де ревизии записана она отцом своим Никитой Мокиных в раскол в коем и поныне пребывала, и с того времени <...> во исповеди у православных священников не бывала. И просила она девица Ксения о соединении к церкви с-той и о сообщении о выключке из расколнического окладу в команду промеморией и о пожелании посягнуть в брак учинить благоразсмотрение...»³⁸⁰. Девушка прошла обряд приобщения в храме села Воскресенского, там же обвенчана, дав обязательство о не совращении в раскол, а если нарушит, «то подлежит она девица Ксения

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Там же. Д. 2887. Л. 2.

³⁷⁸ Там же. Л. 2 об.

³⁷⁹ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2887. Л. 6–6 об.

³⁸⁰ Там же. Л. 14.

жестокому публичному наказанию...»³⁸¹. В данном случае, стимулом отречения от «раскола» стало желание венчаться.

Священники регулярно сообщали в отчетах о таковых людях, принявших вновь крещение. В спокойные годы, без давления со стороны властей, численность старообрядческого населения, в основном из-за экономических и личностных факторов, постепенно сокращались. Вся переписка о подобных делах проходила через Духовные правления.

Отметим, что и путь в «раскол» бывал разным. Нередко человек примыкал к «расколу» сугубо из-за обстоятельств, а не из-за религиозного рвения. Например, в 1730-е гг. при «разборе» духовенства из сословия был исключен некий Павел Переберин, ставший затем солдатом Оренбургского полка. Не выдержав тягот воинской службы, он сбежал и долго скитался, пришел к брату Матвею Никифорову, «у коего жил с неделю времени объявляя что он едет в Теченскую слободу будто для отыскания асессорской Никиты Жарева портупей кою в бытность свою там забыли а о намерении к побегу тому брату своему и никому не сказывал. Из Течи поехал на Исеть разными деревнями и имел ночлеги у разных обывателей...»³⁸². Постепенно, беглый солдат Переберин стал раскольничьим чернецом Паисием, известным на Урале лжеучителем. При этом, один из его братьев был священником, а другой – даже главой Демидовского Заказа³⁸³. Показания пойманного Паисия свидетельствовали о связях старообрядцев не только Исетской провинции и всего Урала, но также и с духовными своими собратьями других раскольничьих центров – Яика, Иргиза, Керженца, Ветки³⁸⁴.

Еще можно привести необычный пример из жизни некоего И.Д. Утятникова, принимавшего в молодости активное участие в деле строительства

³⁸¹ Там же. Л. 14 об.

³⁸² Там же. Д. 406. Л. 318.

³⁸³ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 406. Л. 60.

³⁸⁴ Белобородов С.А., Боровик Ю.В. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII – начала XX в. Екатеринбург, 2017. С. 63.

российского флота. Петр I лично знал его и за заслуги отметил своим указом³⁸⁵. С 1735 года Утятников – активный участник Оренбургской экспедиции, доверенное лицо статского советника И.И. Кирилова, основал Табынскую крепость³⁸⁶. В 1736 году указом императрицы Анны Иоанновны он «за оказанное во укреплении Табынска верную службу пожалован комиссарским чином», два года был комиссаром этой крепости³⁸⁷. Во время башкирского бунта, «10 февраля 1737 г. табынскому комиссару Ивану Утятникову удалось захватить инициатора восстания – Кильмяка абыза»³⁸⁸. Указ Сената от 05 декабря 1737 года дал ему право беспошлинно торговать в Оренбурге. Участвовал он и «при строении Воскресенского медного завода». В 1738 году В.Н. Татищев ревизовал комиссара и послал в Нерчинск, на место умершего управителя, «командиром» заводов. Из Нерчинска Утятников прислал в Главное Правление Сибирских и Казанских заводов довольно любопытную просьбу о вычете из его жалования «за себя и за сына Ево с человеком подушных и за раскол денег»³⁸⁹. По итогам работы в Нерчинске комиссар имел благодарность за «добропорядочную службу». И. Неплюев, Л. Угримов, Н. Клеопин и другие высокие чины лично знали и ценили Утятникова. Но после известия, что сын его совершил преступление и стал «беглым», жизнь Ивана, точнее, отношение к ней, стали меняться. В 1749 году он «отпущен для собственного потребу до городов Москвы, Оренбурга и Тобольска»³⁹⁰, но назад не вернулся, и в 1753 году был арестован при войсковой облаве на раскольничьи скиты за рекой Яик. При допросе: «увещевания от расколу» не принял, остался «в своей замерзлости»³⁹¹.

Многие данные подтверждают наш вывод о том, что так называемый «раскол» был не только массовым, но и очень неоднородным по своему

³⁸⁵ РГИА. Ф-796. Оп. 34. Д. 317. Л. 21.

³⁸⁶ Витевский В.Н. также упоминает о нем. См.: И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1. Казань, 1897. С. 150.

³⁸⁷ РГИА. Ф-796. Оп. 34. Д. 317. Л. 22.

³⁸⁸ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. Москва, Ленинград, 1950. С. 25.

³⁸⁹ РГИА. Ф-796. Оп. 34. Д. 317. Л. 23.

³⁹⁰ РГИА. Ф-796. Оп. 34. Д. 317. Л. 24 об.

³⁹¹ Там же. Л. 27 об.

составу. Основная масса староверов являлись рядовыми тружениками, созидателями материальных благ, приносили несомненную пользу стране, только небольшая и наиболее активная их часть критически оценивала окружающий мир. Именно они казались опасными для власти, стремившейся к всеобъемлющему контролю. Среди узников полагалось выявлять грамотных и отсылать в более высокие инстанции: «хотя и простцы но ежели грамоте умеют то уже к лжеучителям причесть должно по силе означенных Ея Императорского Величества Указов отослать в Г-дрствнную Военную Коллегию»³⁹². Например, из сотни арестованных под Оренбургом в 1753 году староверов, 42 человека оказались грамотными, что говорит о том, что по своей «книжности», то есть образованию согласно канонам того времени, они являлись передовой частью русского общества, причем, много думающей, рассуждающей и неравнодушной. Для абсолютистского государства такие люди казались опасными: «Свободный человек тяготил тогдашнее государство, оно не знало, что с ним делать, как собирать с него подати, иметь за ним административный надзор и проч., и спешило поскорее прикрепить его к какому-нибудь месту и лицу, которое бы за него отвечало. При том сильном значении Сената и служебной аристократии, какое видим в царствование Елизаветы, развитие свободы между податным классом было немыслимо...»³⁹³.

Один из естественных признаков абсолютизма – боязнь и нетерпимость критики, инакомыслия, просвещенных людей. Так, условий для понимания и диалога, в том числе с раскольниками, в то время не существовало. Поэтому гонения на ревнителй старой веры не прекращались. Осенью 1753 года в Сенате слушали «доношение» на раскольников Демидовских и Екатеринбургских заводов: «за собою имеют великия как Богу, так и Ея И. В-у (Императорскому Величеству) противности, и Ея И. В-о благочестивейшею не называют, и Бога не молят, и у присяги не бывают, и согласия еретического»³⁹⁴.

³⁹² Там же. Л. 26 об.

³⁹³ Знаменский П.В Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 252.

³⁹⁴ Протоколы Правительствующего Сената. Т. 9. Санкт-Петербург, 1901. С. 177.

В донесении также отмечалось: «При том же он доносит о суеверном их раскольническом разсеивании учения, о чем де оказалось в исетской провинции у протопопа г. Челябы закащика Флоровского, от коего де злоучительства многолюдство в тот раскол после ревизии записались, а иные и сгорению себя предали и ныне предают»³⁹⁵.

Ситуация с расколом в провинции не улучшалась. Власть Духовного заказчика, не ограниченная четкими правовыми рамками, часто вела к применению силовых методов, и часть старообрядческого населения отвечала протестом. Приведем эпизод весны 1754 года: церковнослужители с вооруженной охраной попытались захватить небольшой раскольничий скит, но были отбиты. Священник Г. Мухин по этому поводу доносил: «Оных раскольников за многолюдством и отогнанием оружием и копьями мне в малолюдстве взять было невозможно»³⁹⁶. Причем староверы сообщили, что в подобных скитах–избушках собралось изрядное число крестьян Исетской провинции, убежавших от преследований и готовых «гореть за веру Христову»³⁹⁷.

Уральских заказчиков Тобольская консистория информировала о различных важных и чрезвычайных событиях в стране, особенно в Сибири. По её сообщениям, в начале 1757 года на Урале узнали о массовой гари в Чаусском остроге (в 1756 г.), где сгорели 172 человека «да сверх того известные злоучители». И хотя «от того сожжения увещеваны были токмо не послушали и говорили якобы они за веру Христову и крест двоеперстного сложения страдать собрались...»³⁹⁸. Главы Духовных правлений, в числе прочего, получали указания строже контролировать население.

В 1757 году тобольским митрополитом была создана раскольническая комиссия. Синод требовал «для обуздания заблуждений» искоренять «изуверство отчаянного юродства», то есть самосожжения. Но действия

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. Новосибирск, 2005. С.51.

³⁹⁷ Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. Москва, 1984. С. 43.

³⁹⁸ ГАШ. И-358. Оп. 1. Д. 16. Л. 111.

инквизиции принесли лишь новые беды. Так, крестьяне деревни Кузиной, Исетского острога, боясь приезда подобной «духовной» команды, зимой 1761 года в числе 150 душ совершили самосожжение, «упоминая, что де предают себя сгорению от присылаемых команд грабительства и разорения, для того, что де многие между раскольниками безвинные взяты в Тобольск, и в заключении претерпевают голод и мученье, и никому де свободы нет, при котором де сгорении собравшись многие обыватели приговаривали: ежели де из Тобольска такая ж команда прищется, то де они обыватели и во многих местах сгорению себя приведут»³⁹⁹. Характерна, на наш взгляд, нравственная оценка действий комиссии: «исполнители порядка усугубляют усилия к искоренению зла и часто не видят, что сами утворяют зло...»⁴⁰⁰.

В Тобольске было обыденностью нахождение заключенных староверов. Деятельность раскольнической комиссии вела к тому, что арестантов становилось больше, шансов выжить в заточении мало: болезни, скудное содержание быстро вели к физическому угасанию. Но духовно многие люди сопротивлялись до конца, о чем говорят некоторые известные примеры. Так, в апреле 1761 года провинившиеся сторожа «покорнейше объявили», что в ночь «на 19 число содержащиеся по расколническим делам при оной духовной консистории Исецкой Правинции деревни Дружининой обратившиеся от раскола Аника Решетов Василей Кокшаров, деревни Березовой крестьянин Егор Порошин в ночи неведома куда бежали...»⁴⁰¹. Архимандрит консистории сообщил, что организована погоня и разослана «сыскная память». В данном случае, беглецов позже поймали. Но это был далеко не единственный эпизод: побеги от инквизиции повторились в том же году. Из означенного же дела видно, что арестовывались по подобным делам не только мужчины, но и женщины⁴⁰².

³⁹⁹ ПСЗ РИ. Т. 15. 1758–1762. № 11.277. Санкт-Петербург, 1830. С. 734; Словцов П.А. История Сибири от Ермака до Екатерины 2-й. Москва, 2012. С. 303.

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 64. Л. 1.

⁴⁰² Там же. Л. 5–16.

Заказчик С. Мефодьев в отчете за 1758 год сообщал о победе над расколом в Челябинске, где при населении 3462 человека (530 дворов) числилось староверов всего 7 человек⁴⁰³, но это не соответствовало действительности, ведь большинство их при угрозе репрессий скрывали своё «раскольничество». Большинство жителей были казаки и солдаты. Лиц духовного сословия насчитывалось 23 (13 муж./10 жен.), у них на тот момент – 8 детей. Как сказано, одна женщина этого сословия не посещала исповедь и причастие по своему «нерачению»⁴⁰⁴. Заказчик С. Мефодьев в 1758 году отбыл на новое место службы, на его место никого не назначили. В феврале 1759 года последовал указ митрополита Павла, что «Челябинский Заказ причислен к Троицкому в ведение и управление Закащику протопопу Якову Кудрицкому»⁴⁰⁵, что оказалось неудобным, так как замедляло делопроизводство.

При 3-й ревизии населения полторы сотни исетских казаков хотели записаться в раскол. В одном из дел Челябинского Духовного правления начала 1760-х гг. говорилось, что именно казаки–раскольники саботируют стройку храма⁴⁰⁶. Вновь правящий должность главы Челябинского Заказа – П. Флоровский, увещевал староверов обычными для него методами – битьем и плетьюми. На него вновь стали поступать жалобы, в частности, «записной раскольник» П. Малышев сообщал: «безвинно мучил Ево в цепи и бил смертельно плетми зато чтоб он не был в двойном оброке и расколе...»⁴⁰⁷. В ответ на такое «увещевание», битый раскольник «веру православную называл проклятою как де и все расколники называют...»⁴⁰⁸. Свидетели подтвердили крамольные слова, и Малышева ждало за это новое наказание. Не только духовная власть проявляла жестокость по отношению к ревнителям старой

⁴⁰³ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2980. Л. 4.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Там же. Д. 2552. Л. 2.

⁴⁰⁶ Дегтярев И.В., Боже В.С. Купола над городом: Историческая судьба челябинских церквей. Челябинск, 1992. С. 15–16.

⁴⁰⁷ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 2928. Л. 10.

⁴⁰⁸ Там же.

веры, методы борьбы были выработаны давно, не столько Церковью, сколько самим государством. «Это государственное, полицейское начало в борьбе с расколом зачастую мешало Церкви исполнять свой долг внутренней миссии, сдерживало единоверческое движение»⁴⁰⁹. Кстати сказать, жалобу вышеупомянутого П. Малышева, написал и сам отвез её в Синод – его сын⁴¹⁰. Очевидно, что надежды на местную и губернскую власть у пострадавших людей не было. Духовная и светская власти воспринимались большинством населения, как единая власть государства, не прекращавшего религиозного насилия, что конечно политизировало среду раскола.

В начале 1760-х гг. волну политических слухов и домыслов вызвал Указ воцарившегося Петра Федоровича: «Об остановке репрессий над раскольниками, и уничтожении следственных дел о них». Полученный в Тобольске весной 1762 года, этот документ оказался настолько неожиданным, что ввёл духовных иерархов в смятение, в консистории растерялись. Но находившиеся под арестом раскольники не были отпущены, как впрямую требовал Высочайший Указ. Консистория вдруг запросила дополнительный, «повелительный Указ», так как: «ко уничтожению следственных об них дел и к свободе их раскольников из под караула смелости употребить неможно. Приказали Сибирскую губернскую канцелярию о том Уведомить писменно»⁴¹¹. Нервозность составления этого документа налицо: есть пометки на полях, редактирование, местами перечеркнуты абзацы текста⁴¹². Указ всё же стал известен и поднял дух староверов, но скорая смерть монарха остановила это, по их мнению, праведное дело.

Особо надо сказать про население горнозаводской зоны, в массе своей состоявшей из староверов: влияние официальной церкви здесь было минимально. Заводское население по сравнению с другими социальными группами находилось в более тяжелом положении, часть его открыто отвергало

⁴⁰⁹ Смолич И.К. История Русской Церкви. Кн. 8, Ч. 1. Москва, 1996. С. 14.

⁴¹⁰ РГИА. Ф-796. Оп. 46. Д. 232. Л. 4 об.

⁴¹¹ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 311. Л. 5.

⁴¹² Там же. Л. 6 об.

«Никонову антихристову церковь». При этом, старообрядцы стремились наладить связь с признанными раскольничьими учителями. В сохранившихся текстах староверов встречаются такие, например, упоминания: «1765 года с Уральских горных заводов по прозбе истинных христиан инок-схимник отец Максим ездил в Москву для розыскания истинных священников и для наведения справок...»⁴¹³. Значительная часть религиозной жизни заводского населения была скрыта от местного священства, и от Духовных правлений. В ревизию 1763–1765 гг. волна выхода «из православия» в раскол повторилась повсеместно по провинции.

Следующая массовая запись местного населения в раскол произошла в середине 1770-х гг. на волне экономического упадка в тот период. Неудачны были попытки Духовных правлений повлиять на сокращение раскола, пока ощущались экономические трудности. Причем методы воздействия на крестьянское и казачье население различались. Так, при переписи «не посещавших исповедь и Св. причастие» в Таловской слободе в 1782 году, списки сотен уклонявшихся людей были посланы из Духовного ведомства в уездный Земский Суд для взыскания штрафных денег⁴¹⁴. Штрафовались крестьяне-староверы за сокрытие от священства брака⁴¹⁵, или иных метрических сведений. Казачье же начальство наказывало казаков–староверов внеочередной, сверх нормы службой, не применяя после этого иные санкции, ведь староверы-казаки отличались образцовым исполнением службы. В середине 1780-х гг. в Коельской станице зафиксировано 375 раскольников (по сравнению со 102, как было десять лет назад)⁴¹⁶. Практических действий в отношении них власти не принимали. В 1786 г. священник в рапорте писал, что несмотря на Указы Синода, консистории и Духовного правления, казаки «в

⁴¹³ История Сибири. Первоисточники. Выпуск IX. Ответственный редактор серии – академик РАН Н.Н. Покровский. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 58.

⁴¹⁴ ОГАЧО. И-44. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–11.

⁴¹⁵ См., например: ОГАЧО. И-50. Оп. 1. Д. 301. Л. 1–2.

⁴¹⁶ ОГАЧО. И-33. Оп. 4. Д. 1. Л. 220.

своим упорстве состоят и в Божию церковь ходить не хотят а притом объявляют что и младенцов своих ко крещению приносить не будут...».

Постепенно политика власти в отношении «раскола» менялась. В 1782 году был отменен двойной оклад для староверов. Указ Синода от 11 апреля 1784 года, вменял священнослужителям заблуждающихся вероотступников исправлять: «не скоростию и не строгостию или принуждением, но апостольским учением и увещанием...»⁴¹⁷. Текст этого Указа в общем-то мало отличался от подобных смягчительных для раскольников указов 1750–1760-х гг. Но отношение власти к ним становилось реально другим. В 1785 году Указ Екатерины II разрешил старообрядцам занимать выборные должности. Это был один из ряда подобных указов. Несколько позднее вышли еще Высочайшие Указы, направленные на преодоление антагонизма духовной власти и раскола. Таким образом, завершился период острой фазы противостояния. Происходила медленная трансформация политики государства в сторону веротерпимости.

В свете местных событий, данные Указы были дополнены указами губернских властей. Из их текстов видно, что в середине 1780-х гг. на Урале произошёл ряд самосожжений, что для властей стало тревожным сигналом. В 1783 году генерал–поручик Кашкин сообщал, что весьма большое число крестьян бывшей Исетской провинции: «по заблуждению своему, неотступно просят о записке в раскол; некоторые же из прежде записных в таковое звание, ездя по селениям, разведают лжеучение и разглашают, якобы состоялся указ, которым дозволено из Православных записывать вновь в раскол, стараясь всеми средствами укрываться от Священников»⁴¹⁸. Подобные донесения поступали из Шадринской округи. Указы, утверждавшие веротерпимость, воспринимались староверами как повод не скрывать более свою «старую веру». Это вело к озвученным выше призывам – записываться вновь в веру предков.

⁴¹⁷ Челябинская старина: Документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века, содержащие сведения о старообрядцах Челябинской округи / Сост. Е.Н. Сухина (Воронкова). Вып. 4. Челябинск, 2005. С. 8.

⁴¹⁸ Варадинов Н. История министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная книга. История распоряжений по расколу. Санкт-Петербург, 1863. С. 36.

Делая выводы относительно так называемого «раскола», констатируем, что духовная и светская власть в этом вопросе находились в тесном контакте и взаимодействии, не носившем конфликтный характер, когда шёл мирный процесс влияния официальной церкви на старообрядческое население. Если мирно текущий процесс нарушался, то это опосредованно влияло и на отношения духовной и светской властей, постепенно в сторону ухудшения. Политика епархиального архиерея непосредственно влияла на состояние провинциальных дел, что особенно ярко выразилось при Тобольском митрополите Сильвестре Главатском. Его антагонизм к староверам привел к массовым трагедиям самоубийств «раскольников», бегству многих в другие места. Из-за такой политики Исетская провинция потерпела значительный экономический, политический и культурный урон, что привело к деградации и без того сложных социальных отношений в крае, обострению неприязни и даже ненависти к представителям духовной и государственной власти.

О степени разумности действий государственной власти и эффективности её борьбы с расколом задумывались еще современники XVIII века. «Правительство преследовало тогда раскол, как проявление в жизни народа вредное и для государства, и для церкви. Преследование это возбуждало фанатизм невежественной толпы, раздражало ее и придавало расколу еще большее государственное значение. Раскольники считали себя гонимыми за веру и жертвовали за нее охотно и своим благосостоянием и жизнью <...> Необходимо было для него просвещение, но его не было и об нем не заботились тогда, по крайней мере, по отношению к народу. И так выбор мер вел к противоположным результатам и разделял раскольников все более и более от церкви и государства»⁴¹⁹.

Говоря о проблеме раскола в России XVIII века, не раз при этом задаваясь вопросом, почему таковая ситуация существовала столь долгое время, мы

⁴¹⁹ Варадинов Н. История министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная, книга. История распоряжений по расколу. Санкт-Петербург, 1863. С. 20–21.

неизбежно приходим к вопросу о состоянии государства как такового. Данный аспект возможно изучить наиболее полно при взгляде на *взаимоотношения между ветвями власти – духовной и светской*. То есть, нам необходимо рассмотреть и оценить условия, при которых проходила деятельность Духовных правлений на Южном Урале в XVIII веке.

2.3. Проблемы взаимоотношений местных светских и церковных органов власти

Духовные правления осуществляли свою деятельность при взаимодействии, более или менее налаженном, с органами светской власти. Проблема эффективности работы Духовных правлений не может излагаться без рассмотрения данного взаимодействия властей, государства и церкви. Это положение является очень важным, в целях более глубокого понимания причин проблематики государственного управления, то есть собственно, исторических пружин развития российского государства. Высочайшие указы подчеркивали единство власти, но случаи конфликтов духовенства и светских чинов наблюдались повсеместно. При этом, мы не можем сводить часто возникавшие противоречия властей лишь к конкретным частным случаям – на наш взгляд, это был системный недостаток. Касаясь фактов противостояния властей, надо иметь в виду, что данное явление не рассматривалось столичной властью формально и современниками в XVIII веке практически не осмысливалось⁴²⁰.

Власть РПЦ, значительно пострадавшая от петровских реформ, стремилась к сохранению хотя бы имевшегося статус-кво, не желая никаких дальнейших преобразований. Такое положение сохранялось до начала 1760-х

⁴²⁰ Исследователи XIX–XX вв. уже подробно касались данного вопроса. Например, Н.М. Никольский в «церковной фронде» выделял, среди прочего, и личностный аспект, так как в первой половине XVIII века Киевская академия была почти единственным поставщиком русского епископата. В России академии «питомцы очень часто совершенно неожиданно для светской власти обнаруживали строптивость и склонность к собственной, независимой от светского вмешательства, церковной политике» / Никольский Н.М. История русской церкви. С. 233. (Но это был лишь один из аспектов гораздо более сложного и глубокого явления XVIII в.)

гг., пока не появился новый, сильный монарх, устранивший окончательно влияние церкви на дела государства, оставив ей роль, фактически, декоративного представительства в институции верховной власти⁴²¹. Говоря об уральских событиях, мы должны учитывать вышеозначенный аспект. Поэтому, вопрос о деятельности Духовных правлений, особенно в период 1730–1760-х гг., необходимо несколько расширить, для осмысления проблем государственного устройства в XVIII веке и рассмотреть качество власти, на разных её уровнях.

Один из первых руководителей Оренбургской экспедиции – В.Н. Татищев, своей энергичной административной деятельностью нажил себе немало недоброжелателей, в том числе на Урале⁴²². Заботясь об интересах государства, он испортил отношения со многими влиятельными людьми, в том числе и с тобольским митрополитом. Среди инициатив Татищева, касающихся духовного ведомства, было: «каждые три года, посылать в Екатеринбург одного из Московских Священников для обращения раскольников к Православию»⁴²³. Но не все дела оказывались успешными. Так, «раскольников, которых велено было держать в тюремных острогах екатеринбургского ведомства, выводя их оттуда на самые тяжкие работы, пока не обратятся, Татищев разослал по монастырям тобольской епархии, без согласия даже архиерея; сосланные разбежались из монастырей...»⁴²⁴. Из-за действий, касающихся прерогативы церкви, Татищев заслужил неприязнь тобольского митрополита.

Но как опытный руководитель, В.Н. Татищев видел недостатки административной системы, и имел смелость озвучивать их. Так, в числе

⁴²¹ «Главным результатом реформы 1764 г. с организационной стороны было полное превращение церкви в ведомство государственного управления, а епископов – в чиновников». – См.: Никольский Н.М. История русской церкви. С. 235.

⁴²² Подробно о его деятельности на посту начальника Оренбургской экспедиции. – См.: Кузьмин А.Г. Татищев. Москва, 1987. С. 240–265; Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в его прежнем составе до 1758 г. (Глава 7. Оренбургский край при Татищеве). Казань, 1897. С. 153–163.

⁴²³ Варадинов Н. История министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная, книга. История распоряжений по расколу. Санкт-Петербург, 1863. С. 24.

⁴²⁴ Попов Н. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. В.Н. Татищев и его время. Москва, 1861. С. 154.

других дел, он просил разрешения, чтобы апелляции на решения судьи при горных заводах, подавать в обербергамте, а не в Тобольске. Так как: «многие управители, мастера и работники принуждены 700 верст ездить и по челобитью в малых делах на долгое время от заводов отлучаться...»⁴²⁵. Подобная волокита в решении разных дел была присуща и консистории. Татищев держал все управленческие мероприятия под своим контролем, вмешиваясь в работу и духовного ведомства. Так, конфликты в отношениях В.Н. Татищева со многими важными представителями власти, влияли непосредственно на государственные дела⁴²⁶. Нюансы отношений между представителями властей зачастую зависели от сугубо личностных качеств начальствующих лиц. Как сильная и самостоятельная личность, Татищев вызывал недоверие верховной власти, что предопределило его опалу. Талантливый руководитель оказался в безвыходной ситуации, при которой «трудно было что-нибудь сделать в условиях, когда действовали не законы и установления, а «сила персон»⁴²⁷.

Но после отставки В.Н. Татищева конфликты во властных структурах не прекратились. Митрополит Арсений Мацеевич успел за самый краткий срок увязнуть сразу в нескольких противостояниях: с Сибирской коллегией экономии; с полковником Н. Миклашевским; и с самим Сибирским губернатором⁴²⁸. Также, митрополиту пришлось защищать подчиненное ему духовенство от произвола светской власти⁴²⁹. Будучи сильной, по-настоящему выдающейся личностью, и при этом обладая высокими знакомствами и связями в столице, митрополит Арсений смог добиться победы в конфликтах. Однако,

⁴²⁵ Там же. С. 142.

⁴²⁶ Следствием одного такого конфликта было – смещение с должности воеводы Исетской провинции – И.Н. Татищева в 1740 году, на которого пожаловался полковник Оренбургского полка – П. Бахметев, в письме полковнику А. Тевкелеву. Бывший с В.Н. Татищевым в конфронтации, Тевкелев подал доклад в Сенат «о чинимых беспорядках», и над воеводой было назначено следствие. См.: Сенатский архив. Т. VII. Санкт-Петербург, 1895. С. 670.

⁴²⁷ Кузьмин А.Г. Татищев. Москва, 1987. С. 264.

⁴²⁸ Нестор, иеромонах. Православие в Сибири (исторический очерк). СПб., 1910. С. 30; Григорьев А.Б. Священномученик Арсений Мацеевич в гражданском, уголовном и церковном судебном процессе // XVIII ежегодная богословская конференция. Т. 1. Москва, 2008. С. 101.

⁴²⁹ См. об этом: Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Санкт-Петербург, 2003. С. 472.

его отъезд из Тобольска нивелировал эти «достижения». Так, в 1742 году Синод разбирает жалобы митрополита Арсения (уже после его отъезда из епархии) «на вмешательство Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов в церковные дела, в том числе и узурпацию ставленнических прав архиерея...»⁴³⁰. Не вдаваясь в детали конфликта, скажем лишь, что: «Руководство церкви осудило это вмешательство горного ведомства и добилось соответствующего постановления Сената»⁴³¹.

На более низком уровне властная несогласованность проявлялась еще более часто, в самых разных делах. Например, в 1749 году Исетская провинциальная канцелярия потребовала от Троицкого Рафайлова монастыря выдать («вывести») из монастыря крестьян Глазуновых, как якобы беглых от помещика⁴³². Монастыри же не хотели терять своих людей, поэтому саботировали подобные указы. При излишнем давлении на подчиненных крестьян, преследуемые бежали с мест жительства, в том числе и из ведомства монастырей⁴³³. Повторим, что светским властям в сложных условиях освоения урало–оренбургского края, по естественной необходимости приходилось вмешиваться в дела духовного ведомства.

Митрополит Сильвестр в доношении в Синод в 1750 году констатируя неэффективность борьбы с расколом, в том числе в Исетской провинции, отмечал, что причиной этого: «он считал слабую активность или прямое попустительство светских властей»⁴³⁴. Синод направил просьбу в Сенат, дабы приказать сибирскому губернатору принять особые меры помощи следствию Сильвестра⁴³⁵. Светские власти Сибири были вынуждены гораздо деятельнее помогать следствию Тобольской консистории.

⁴³⁰ Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. С. 65.

⁴³¹ Там же.

⁴³² ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 356.

⁴³³ Например: ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 508.

⁴³⁴ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян... С. 168.

⁴³⁵ Там же. С. 169.

Однако, новый конфликт властей на Урале не заставил себя долго ждать. Начальство горных заводов, несмотря на указы, поддерживавшие духовенство, мало считалось с делами церкви. Канцелярия Правления Сибирских и Казанских заводов, показывая свою значимость, отказывалось принимать от Духовных правлений промемории, требуя «доношения». Для восстановления равенства властей, митрополит обратился в Синод: «ссылаясь на постановление генерального регламента просить Св. Синод указать это упомянутой канцелярии» не требовать впредь доношений⁴³⁶. По прошествии более полугода данный конфликт не прекратился, и митрополит повторно обратился в Синод. Осенью 1752 года говорилось, что это дело не окончено. Подобное противостояние властей мешало государственным делам. Видя в светском руководстве не союзников, а скорее противников, митрополит действовал максимально независимо. Отсутствие взаимодействия властей опосредованно проявлялось во многих региональных делах, в том числе в отношениях Духовных правлений со светскими провинциальными властями.

Из-за самосожжений староверов в работе чинов Исетской провинциальной канцелярии проявилась новая тенденция действий – саботаж указаний и просьб заказчика П. Флоровского. Ему не отказывали формально, но тянули время, ссылаясь на то, что ждут указаний губернской канцелярии. В результате, отношения руководства провинции окончательно испортились, и даже простые вопросы решались посредством переписки через Оренбург и Тобольск. Ситуация была абсурдной: два руководителя провинции (воевода и протопоп), чьи резиденции находились на одной площади, избегали личного общения, при этом игнорировали друг друга при неизбежных встречах. Обострение отношений между провинциальной канцелярией и Духовным правлением итогом имело не только личностное взаимное отторжение, но как следствие, вело к выхолащиванию реальной работы главных ведомств провинции.

⁴³⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XXXII. № 71 (1752 г.). Петроград, 1915. С. 167.

В 1752 году возник новый конфликт властей. Есаул челябинских казаков – И. Казанцев, полгода сидел под арестом на цепи в Духовном правлении, и остался жив лишь благодаря вмешательству светских властей губернского уровня⁴³⁷. Заказчик обвинял есаула в богохульстве и укрывательство беглых раскольников. Добавим, что родственник есаула – казак С. Казанцев, не имея никакой реальной вины, провел в заключении два года, и был замучен в Тобольске, подвергнутый ряду пыток, в том числе «поднят на дыбу»⁴³⁸. Так, церковная инквизиция в середине века являлась жестокой, пугающей реальностью.

В 1753 году противостояние властей в Исетской провинции достигло апогея. Митрополит требовал есаула в Тобольск на следствие, новый воевода – князь Степан Мещерский саботировал это. Ситуация изменилась в пользу светской власти лишь когда губернатор И.И. Неплюев начал переписку с митрополитом по данному вопросу. В результате челябинский заказчик был отстранен от руководства, исполнять его должность временно стал И. Протасов (Воскресенское Духовное правление). Долговременная борьба из-за арестованного есаула, саботаж и игнорирование требований главы Духовного правления, стала показателем накала противостояния властей в Оренбургском крае. Однако, после выслуги срока, воевода и его заместитель покинули Челябинск, а П. Флоровского восстановили в должности.

Неудивительно, что и с атаманом Исетских казаков – П. Ивлевым у заказчика П. Флоровского была вражда, отразившаяся в формальном деле, но само дело не сохранилось до наших дней и нам доступно лишь упоминание о нём: «а понеже о показанном атамане Иевлеве по команде Ево известно что он ни по какому злодейству в краже приличен и по делу протопопом Флоровским доказан не был следствием ино он в прежней чети и достоинстве остался а Флоровский из Челябинского заказа сменен...»⁴³⁹.

⁴³⁷ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 1464.

⁴³⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Т. 31. Санкт-Петербург, 1909. С. 63–64.

⁴³⁹ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д.2324. Л. 3.

Челябинский заказчик после «дела есаула Казанцева» не смог избежать новых жалоб, и со стороны староверов, так и от священства. Добавился громкий скандал, из-за удержания им в неволе девочки–подростка⁴⁴⁰. И.И. Неплюев вновь потребовал его отстранения, что и произошло осенью 1755 года⁴⁴¹. Митрополит дал указ, но исполнение приостановилось. Лишь в 1756 году консистория отправила его на равнозначное место службы, в Нижнетагильский завод⁴⁴², недалеко от родного Екатеринбурга.

В 1756 году в Челябинск прибыл протопоп Симеон Мефодиев, бывший Барнаульский заказчик. Руководство провинции ожидало улучшения отношений с духовным ведомством, однако этого не случилось. Руководя церковными делами, глава Духовного правления вызывал подчиненных к себе лично, даже служивших за сотни верст от Челябинска, по маловажным делам. Всё это привело к тому, что в дальних местах провинции храмы надолго оставались закрытыми, что вызывало ропот и недовольство среди верующих. В ситуацию пришлось вмешаться военным властям. Начальники пограничных гарнизонов Уйской линии просили Духовное правление не вызывать священников в Челябинск, а решать их посредством переписки. Заказчик оставил все эти просьбы без внимания. Конфликт нарастал, и вновь пришлось вмешиваться губернатору. И.И. Неплюеву, который считал, что отдаленность крепостей Уйской линии от центра провинции требует восстановления упраздненного Троицкого Духовного правления. Консистория согласилась с доводами. Летом 1757 года сообщено: «по требованию Оренбургской губернской канцелярии для написанных в том требовании резонов отправлен в Троицкую крепость протопоп Яков Кудрицкий и велено Ему быть по тамошней Уйской линии Заказщиком»⁴⁴³. В 1758 году в Тобольск прибыл новый митрополит, он подтвердил это решение.

⁴⁴⁰ См. подробнее: Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге... С. 194–195.

⁴⁴¹ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 2928. Л. 35–36.

⁴⁴² Там же. Л. 36 об.

⁴⁴³ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2330. Л. 14.

На продолжительность срока службы С. Мефодьева в Челябинске повлиял его конфликт с Исетским казачьим атаманом – П. Ивлевым. В 1757 году, столкнувшись на дороге, протопоп: «напал на него Иевлева без всякой причины называл государственным изменником и вором и бранил всякой скверною непотребною матерною бранью...»⁴⁴⁴. Так как конфликт затронул одних из главных лиц провинции, разбирательство было весьма быстрым. И.И. Неплюев, в частности, писал в Тобольск: «не столько ему Иевлеву обидны но должно с ево Мефодьева саном не пристойны и священническому чину предосудительны ибо хотя он протопоп от него Иевлева и обижен был то ему не самому управляется но по команде жалобою в том разбираться должно»⁴⁴⁵. Тобольск возложил расследование дела на заказчика Троицкой крепости: «без всякого упущения не нароя никому самую сущую правду по священнической должности, в силу Указов и формы о суде – изследовать...»⁴⁴⁶. Совместно с ним вёл дело депутат от войскового начальства. В итоге, П. Ивлев: «в достоинстве остался». Но лишь после вмешательства губернатора, консистория уступила, и отправила С. Мефодьева на другое место службы.

Несогласованность чаще проявлялась не в столь важных делах, как описано выше. Гораздо больше было не громких, самых разных эпизодов. Можно упомянуть, например, спор Троицкого Духовного правления с городской канцелярией из-за привозного вина⁴⁴⁷. Оно имело большую ценность, и каждая сторона стремилась распределять и оставлять его на хранение у себя. В переписке по этому делу участвовали канцелярии Оренбургской и Сибирской губерний. В данном случае светская власть уступила требованиям консистории⁴⁴⁸. Или, вот эпизод, связанный со строительством челябинского каменного Собора. Опытных специалистов приходилось просить в Далматовском монастыре, но его архимандриты далеко

⁴⁴⁴ Там же. Д.2324. Л. 1.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 1 об.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 2 об.

⁴⁴⁷ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 1139.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 9.

не всегда откликались на просьбы. В очередной раз, когда в 1760 году светские власти просили направить мастеров оттуда, то наместник монастыря – Савва, игнорировал просьбу: «Денисова Акинфа в реченный город Челябинск не отпустил, а послал двух человек для «делания кирпича...»⁴⁴⁹. Подобного рода примеров много, из массы частных они выстраиваются в систему по известному принципу, когда количество переходит в качество. Так, принцип «самостийности» властей довлел в отношениях епархиального начальства, Духовных правлений и представителей светской уездной власти, являясь фактической закономерностью.

Факты несогласованности, противодействия властей, обычны в XVIII веке не только на провинциальном, но и на столичном уровне. О различных аспектах борьбы Синода и Сената, говорил, например, историк Н.М. Никольский⁴⁵⁰, этот системный недостаток осложнял общегосударственную деятельность. В 1753 году, часть староверов, пойманных недалеко от Оренбурга, отправили в Москву. Но прибытие массовой партии арестованных вызвало в Военной Коллегии и в Синоде – большое неудовольствие. Арестантов надо было где-то разместить и содержать. Между ведомствами возникла раздраженно-неприятная переписка. На перевозку арестантов до Москвы были затрачены немалые казенные средства. В данном случае это: 24 подводы под «караул военный и еще из обывателей наряжен», плюс 13 подвод «для колодников»⁴⁵¹. Охрана обоза: команда Шешминского полка, командир – капитан М. Лобанов, и «вахмистр с капралством приданы чтоб никто не отбил и дана крепкая инструкция»⁴⁵². Синод просил Военную Коллегию взять арестантов под свой караул. Военное ведомство устранилась от исполнения «приказа». Узников в итоге удалось разместить в остроге Сысского Приказа. Из Синода было указано: «Послать в Военную Коллегию приказ, в котором

⁴⁴⁹ Пашков А.А. Свято–Успенский Далматовский мужской монастырь. Шадринск, 2000. С. 55–56.

⁴⁵⁰ Никольский Н.М. История русской церкви. Москва, 2004. С. 232–241.

⁴⁵¹ РГИА. Ф-796. Оп. 34. Д. 317. Л. 28.

⁴⁵² Там же.

написать, что и впредь ежели где таких же расколщики военною командою будут сысканы <...> о них без дальняго излишняго в переписках затруднением и продолжением времени а притом в путевых провозах без потери напрасного и излишняго казеннаго безвозвратно кошта, велеть тем командирам отдавать. А в случае подсужнем присмотром отсылать к указному следствию в Духовныя Правительства где кто себя жителем покажет»⁴⁵³. Последовал ответ: «что те раскольники к розсылке по Епархиям до Военной Коллегии не принадлежат, и на прогоны для такой их розсылки суммы не имеется...»⁴⁵⁴. Мы видим здесь, как минимум, не согласованные действия властей, точнее – игнорирование друг друга, показ более своей самостоятельности и независимости, чем забота об общем деле. Однако, в 1755 году Сенатом вновь «подтверждено гражданским Начальствам оказывать помощь лицам, посылаемым от духовных властей для поимки раскольнических учителей»⁴⁵⁵. Подобные указы применялись в духовном ведомстве излишне широко, что и вызывало серьезные трения, часто саботаж распоряжений духовного начальства.

Приведем еще пример противостояния властных структур. На рубеже 1760-гг. продолжались действия инквизиции в урало-сибирском регионе, немало людей арестовывалось. В конце 1760 года управитель Окуневского дистрикта – Бошняк, сообщил, что у него содержатся 39 арестованных по требованию консистории «при том указе реэстру обще с стороны Воскресенского заказного духовного Правления священником Максимовым мужеска 14, женска полу 25 человек сысканы и содержатся в Окуневской Управительской Канцелярии под крепким караулом скованы»⁴⁵⁶. Ни раскола, ни других нарушений у арестованных здесь не выявили, и запретили отсылку в Тобольск. За помощью обратились в Челябинск. Провинциальная канцелярия

⁴⁵³ Там же. Л. 43–43 об.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 75.

⁴⁵⁵ Варадинов Н. История министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная книга. История распоряжений по расколу. Санкт-Петербург, 1863. С. 28.

⁴⁵⁶ ПСЗ РИ. Т. 15. 1758–1762. № 11.277. Санкт-Петербург, 1830. С. 735.

запросила Оренбург, дать указ для защиты людей. В доношении говорилось: «что и прежде забираемые в Тобольскую Консисторию, якобы по таковым же делам, держась долговременно, после, как видно, из одного вымогательства отпускаются, а прочие де поныне там, и от того де из них несколько прошлого 1760 года декабря 14 числа и сожглись»⁴⁵⁷. Но оперативно помочь губернская канцелярия не могла, руководству надо было сделать еще запрос в Сенат.

Конфликт–противостояние между консисторией и светской властью ярко проявлялся в Исетской провинции. Митрополит, в частности, был недоволен чинами Управительской канцелярии Исетского дистрикта, не выполнявших в полной мере указы духовных властей. Инструмент в виде раскольнической комиссии позволял действовать решительно. Это привело к вопиющему случаю. В январе 1761 года вооруженная команда из Тобольска захватила в Исетске здание Управительской канцелярии и, арестовав более десятка человек, заковав их в кандалы, увезла в Тобольск. Оставшиеся чины, испытав шок, находились в страхе, боясь повторения налета⁴⁵⁸.

Подобное положение стало не терпимым. Сенат, через Оренбургскую губернскую канцелярию, запретил деятельность раскольнических команд. Подобный Указ, от 10 августа 1761 года, был дан и Сибирскому губернатору: о защите «обывателей Сибирских и Оренбургских от притеснений и грабежа», предписывая: «Верх-Исетских крестьян, так и прочих Оренбургской Губернии и своего ведомства обывателей от вышеозначенных чинимых духовными командами разорений прилежнейше защищать и ни за чем посыланных от вышеписанной Раскольнической Комиссии и от Тобольской Консистории команд в их жительства въезжать отнюдь не допускать»⁴⁵⁹.

Лишь после нескольких лет «раздумий» по поводу фактического противостояния местных властей, в столице приняли, наконец-то, необходимое

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ ПСЗ РИ. Т. 15. 1758–1762. № 11.277. Санкт-Петербург, 1830. С. 733; Н.Н. Покровский исследуя данное дело, совершил ошибку, посчитав, что событие произошло в Челябинске. См.: Антифеодальный протест... С. 264–265.

⁴⁵⁹ ПСЗ РИ. Т. 15. 1758–1762. № 11.305. Санкт-Петербург, 1830. С. 765.

решение, вмешавшись в абсолютно ненормальную ситуацию, существовавшую в уральском регионе. Указы защищать уральских и сибирских жителей от самоуправных притеснений со стороны духовных властей – обрели силу закона. Раскольническая Контора в Москве была «уничтожена Манифестом» от 15 декабря 1763 года.

Для радикального обуздания произвола церковных иерархов, по инициативе Екатерины II приступили к секуляризации. По оценке историков, монастырям и церковным иерархам был нанесен серьезный удар: сохранилась лишь пятая часть монастырей, земля и имущество других отошли в казну. Изъятие давало «государству по 3 миллиона в год дохода, но громадная часть монастырских имений роздана Екатериною в дар своим фаворитам, так что в конце концов государство получило от отобрания их недолгую пользу. Было обещано при отобрании имений обеспечить духовные школы и духовенство, но это обещание забыто»⁴⁶⁰. Самовластность церкви преодолена, борьба завершилась. «После 1764 г. церковная фронда навсегда замолкает – для нее не было больше материальной базы. Епархиальные епископы и Синод были совершенно лишены вотчин и целиком перешли на жалование»⁴⁶¹. Однако, подорвав финансовую мощь РПЦ, исчезли вместе с тем и предпосылки для дуализма властей.

Остановимся еще на одном примере противодействия властей. В 1761 году митрополит Павел Конюскевич назначил в Челябинск главою Духовного правления повторно П. Флоровского. Это было странное кадровое решение. Чтобы как-то понять мотив, уместно привести здесь одну характеристику: «Оппозиция светской власти была старой традицией церкви Сибири. В первой половине XVIII в. столкновения из-за конкуренции в некоторых вопросах управления усилились вызывающе самостоятельной политикой тобольских архиереев <...> Митрополит Павел Конюскевич демонстрировал эту

⁴⁶⁰ Поселянин Е. Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII веке. Санкт-Петербург, 1902. С. 124–125.

⁴⁶¹ Никольский Н.М. История русской церкви. Москва, 2004. С. 232.

оппозицию решительнее своих предшественников. Он конфликтовал не только с местной светской администрацией, но был дерзок и со своим непосредственным начальством – Синодом...»⁴⁶².

В Челябинске П. Флоровский принимал активное участие в строительстве каменного Собора, которое шло долго и трудно. Провинциальная канцелярия также проявила участие в этом деле, объявив сбор денег для достройки храма. В 1764 году произошел чрезвычайный случай: помощник воеводы, майор Иван Соколов, избил Флоровского. Мотивация поступка: якобы заказчик присваивал деньги, собранные для достройки Христо-Рождественского Собора. Этот поступок имел для майора фатальный итог⁴⁶³. Но данное событие повлияло и на то, что столичная власть обратила внимание на скандального заказчика, начав «следствие». В 1765–66 гг. наряду с новыми, был дан ход прежним жалобам на него. В Челябинске прокурор Гуляев обещал помочь «челобитчикам», но не сделал этого или не смог. Полная безнаказанность растлила П. Флоровского окончательно: если в начале деятельности на него жаловались лишь раскольники и подозреваемые в расколе, то в дальнейшем – ни сословие, ни должность не имели определяющего значения. Отобратъ, поживиться за счет другого, было первым его желанием⁴⁶⁴. Грабил он и своих коллег–священников, если надо, бил без разбора, дома у него удерживалась девушка–наложница, его боялись: настоящий «криминальный авторитет» того времени.

Исетская провинциальная канцелярия составила о заказчике «экстракт дел» для посылки в Сенат, отметив, что его отставки «вся провинция не может дожидаться». Очевидно, что это делалось с ведома и по указанию губернской канцелярии. В 1767 году Оренбургский губернатор, князь А.А. Путятин в

⁴⁶² Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. С. 164.

⁴⁶³ И. Соколов после своего поступка оказался в сложной ситуации и, в итоге, вынужден был при собрании высших чинов провинции, стоя на коленях, просить прощения у П. Флоровского. Произошедшее, несомненно, оказало неизгладимое влияние на помощника воеводы, вызвав душевное потрясение. Чиновник (майор) заболел и, вскоре, умер. – См.: ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 832. Л. 10 об.

⁴⁶⁴ О подобном поведении П. Флоровского. См.: Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге... С. 194.

письме к митрополиту Павлу, констатировал, что: «протопоп с челябинским воеводою и воеводским товарищем пришел в большее несогласие и вступает нимало должности и сану Ево не принадлежащие дела <...> И просил он губернатор в прекращение и в спокойство Всего Ево протопопа флоровскаго от челябинскаго духовнаго правления отрешить»⁴⁶⁵. Митрополит выполнил просьбу, дав Указ об отрешении заказчика, но прошло еще более полугода, прежде чем он оставил Челябинск. Синод в 1768 году окончил дело об отстранении от должности Челябинского Духовного заказчика.

Показывая неэффективность реагирования столичной власти на уральские события, повторим: тенденция противостояния светской и духовной властей, их «самостийность», показная обособленность, не была явлением новым. Скорее это было обыденностью жизни и близко ментальности той эпохи. Независимая роль Сибирских митрополитов, иногда в сопротивлении мерам монархов, отмечена в ряде публикаций⁴⁶⁶. Некоторые исследователи, обобщая это явление, делали акцент на экономической составляющей: «Через весь XVIII век красной нитью проходит борьба светской и церковной власти за обладание огромными богатствами, состоявшими в населенных недвижимых имениях. Эта борьба заканчивается секуляризацией церковных имений в 1764 г.»⁴⁶⁷. Митрополит Арсений Мацеевич озвучил претензии церкви на власть, за это был репрессирован Екатериной II. Она отметила в переписке с Вольтером, что Арсений: «воспротивился, подстрекаемый некоторыми из своих собратий, которые заблагоразсудили скрыть свои имена. Он отправил две записки, в которых старался привести нелепое начало двоевластия...»⁴⁶⁸. Другой автор сказал так: «Екатерина с ее дерзкою уверенностью в безнаказанности и с редкой, выдающейся откровенностью» показала и новое качество РПЦ: «Архиереи – не служители алтаря, не духовные сановники, но государственные

⁴⁶⁵ ГАТ. И-156. Оп. 2. Д. 2928. Л. 14 об.

⁴⁶⁶ См., например: Знаменский П.В. Руководство к Русской церковной истории. Минск, 2005. С. 449, 452, 486.

⁴⁶⁷ Верховский П.В. Очерки по истории русской церкви в 18 и 19 столетии. Варшава, 1912. С. 76.

⁴⁶⁸ <https://vikidalka.ru/2-198406.html> (дата обращения: 18.12.2020).

особы, вернейшие подданные: для них власть монархов должна быть выше всего. Помня свой поступок с Арсением, члены Синода должны были покорно выслушать императорскую речь, полную изысканной укоризны и нескрываемого презрения к ним. Они, как рабы, предали Арсения светской власти; теперь светская власть поработила их»⁴⁶⁹.

На Южном Урале конфликт властей имел перманентный характер, длясь много лет, что напрямую повлияло на качество исполняемых органами власти текущих дел. Не решались многие насущные проблемы, которыми было озабочено население. А неспособность светской власти купировать проблему раскола имело следствием то, что значительная часть населения провинции не имела защиты от репрессивных действий духовной власти.

Ситуация на Урале в 1760-е гг. внушала опасения в плане широкого социального взрыва. Так, горнозаводскую зону охватили волнения, к их подавлению привлекались регулярные войска и казаки. «Большинство крестьян, приписанных к частным уральским заводам (а их было в это время около 100.000 душ) принимало участие в волнении»⁴⁷⁰. Исетские крестьяне, приписанные к заводам, «иногда в течении нескольких месяцев оказывали энергичное сопротивление правительственным отрядам». Эпопея 1761–63 гг. сопротивления крестьян Барневской слободы и Масленского острога, получила название в истории как «дубинщина»⁴⁷¹. Аналогичная ситуация была по всему большому Уралу⁴⁷². Недовольство среди заводского (или приписного к заводам) населения было выше, чем среди других сословных групп: «Жалобы крестьян на всевозможные злоупотребления заводчиков оставались горным начальством без всяких последствий. Естественно, что такое ужасное положение и здесь должно было вызвать волнения, тем более сильные...»⁴⁷³.

⁴⁶⁹ Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. Москва, 1992. С. 468.

⁴⁷⁰ Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины. Санкт-Петербург, 1881. С. 322.

⁴⁷¹ События эти многократно описаны в исторической литературе. См., например: Каптерев Л.М. Дубинщина. Очерк по истории восстания Далматовских монастырских крестьян в XVIII веке. Екатеринбург, 1924.

⁴⁷² Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге... С. 206–208.

⁴⁷³ Русская старина. Т. XXXIV. Санкт-Петербург, 1882. С. 568–569.

Происшествия приобретали групповой характер с выраженным политическим оттенком общего недовольства. Духовное ведомство при этом играло важную роль, но защищая власть, оно ассоциировалось в итоге в глазах населения с самим государством.

При определенном стечении обстоятельств накопившееся недовольство стало чрезвычайно массовым. Это показали события 1773–1775 гг., когда небольшое выступление казаков переросло в широкие антиправительственные действия, как русского, так и инородческого населения. Несомненно, что вышеозначенные проблемные факторы, освещенные в нашей работе, напрямую повлияли на вектор развития ситуации. В тех условиях Синод еще раз показал свою несостоятельность, разослав «Наставление...»: обширное, но бездарное воззвание «о непризнании Пугачева», написанное напыщенным языком, с многократным упоминанием Бога, вызывающее в самом лучшем случае лишь раздражение⁴⁷⁴.

«Смута» оказалась сильнейшим испытанием для власти, в том числе и для духовенства. Иногда священники до последней возможности пытались отвлечь свою паству от бунта, иные шли на поклон к бунтовщикам и начинали служить им, нарушая присягу, данную прежней власти. Немало храмов пострадали во время этой гражданской войны, многие осквернены, а иные сожжены. Позже, обычными были, среди прочих, сообщения типа: «Гатищевой крепости, Разсыпной крепости, Сорочинской крепости, Тоцкой крепости, Магнитной крепости, Карагайской – в приходах сих крепостей церквах, входя злодеи оклады с икон и всю утварь церковную грабили», «да сожжены церкви в Икосове винокуренном заводе, Златоустовском и Саткинском заводах, Нязепетровском заводе. Сверх того по Оренбургской линии злодеи шед даже до Троицкой крепости церкви Божии сожигали и образа находили после разбросаны, а иные и расколоты»⁴⁷⁵. Храмы были сожжены в Кундравах, Чебаркуле, Верхне-Увельской и некоторых других местах.

⁴⁷⁴ ОГАЧО. И-79. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–8.

⁴⁷⁵ ОГАЧО. И-33. Оп.1. Д.3. Л.1 об.–2.

Общеизвестно, что преследуемые долгие годы староверы стали значительной составляющей пугачевского движения. Зная их резко отрицательное отношение к официальной церкви, неудивительно ненавистное отношение повстанцев к духовенству. Священники, как и все прочие руководители разного уровня, оказались тогда в труднейшей ситуации. Нередко ход событий определяло то, имел ли подобный руководитель уважение среди местного населения. При развитии восстания, многие священники в числе других представителей власти первыми попадали под удары толпы. Немало их погибло – были забиты или повешены. Например, в Петро-Павловской крепости убит был дьячок Савва Мамин⁴⁷⁶, погиб один из священников в Троицкой крепости⁴⁷⁷, подобная участь коснулась некоторых членов семей духовенства⁴⁷⁸. В селе Кундравы священник храма Св. Параскевы – Иван Мухин, казнен с изощренной жестокостью – «пятерен» (отрублены сначала конечности, затем голова)⁴⁷⁹. Причина: «единственно за одно то что он утверждал крестьян состоять в непоколебимой службе Ея Императорскому Величества верности»⁴⁸⁰. Позже, арестованные по этому делу сваливали всю вину на своего соучастника, который состоял «в расколе»⁴⁸¹. Это был веский довод в то время, и «православные» после наказания плетью были отпущены. Позже, на многих людей, участвовавших в бунте, церковь наложила эпитимию, в совершенных во время смуты грехах люди должны были каяться Богу. Светская же власть на участие тысяч людей на стороне самозванца–бунтовщика «закрыла глаза», реально наказав очень немногих участников. Пугачевское восстание принесло огромные жертвы. Лишь верность армии спасла государство от краха.

⁴⁷⁶ Там же. Д. 23А. Л. 69.

⁴⁷⁷ ОГАЧО. И-79. Оп. 1. Д. 9. Л. 4 об.

⁴⁷⁸ Например, в Чебаркуле была убита жена дьячка К. Пономарева – Марфа «в бытность злодея Пугачева ... башкирцами». См.: ОГАЧО. И-33. Оп. 4. Д. 1. Л. 297.

⁴⁷⁹ РГАДА. Ф-429. Оп. 1. Д. 855. Л. 1.

⁴⁸⁰ Там же. Л. 1 об.

⁴⁸¹ Там же. Л. 34.

Подводя итог второй главы, мы констатируем, что в первой половине XVIII века между двумя ветвями власти – духовной и светской, отсутствовало единое видение относительно настоящего и будущего России, не было и общей доктрины взаимодействия. На наш взгляд это несовпадение взглядов было принципиальным. Общий вектор понимания задач по решению имевшихся в стране проблем, был невозможен при том уровне государственной мысли монархов, особенно в эпоху дворцовых переворотов. Страна развивалась во многом по инерции свершений Петра I. При этом, модернизация проходила в тяжелых условиях, возникших во многом, опять же, в результате деяний императора Петра I. Расколотившее в духовном плане общество, отстраненное от всякого влияния на дела властей, тяжелая жизнь большей части населения, развитие бюрократических начал в решении важных дел создало систему, не позволявшую стране эффективно развиваться. Явление, когда «сверху водворяется господство официальной лжи, внизу царит полнейший произвол» было обычно⁴⁸². Петр I создал прокуратуру. Цель, чтобы: «прокурор имел дело с нарушением закона со стороны администрации...»⁴⁸³. На практике, прокуроры радели по делам, касающимся лишь монарших интересов⁴⁸⁴.

Духовная власть представляла собой институт, мысливший предельно консервативно. Духовные правления были исполнителями и проводниками политики епархиального архиерея. Власть Духовных правлений в середине XVIII века была сильной и влиятельной. Они контролировали духовную жизнь населения, имели ограниченную судебную функцию, могли наказывать за духовные преступления самостоятельно или поручать исполнение «светской команде». Вектор политики духовного начальника не всегда совпадал с приоритетами чинов провинциальной власти. Так, между ветвями духовной и

⁴⁸² Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. Москва, 1974. С. 9.

⁴⁸³ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. II. Москва, Ленинград, 1941. С. 12.

⁴⁸⁴ Там же.

светской власти в южно-уральском регионе долго нарастал разлад, причиной чему являлось различное отношение к борьбе с расколом. Обострились и другие проблемы между властью и обществом. Оренбургская губерния была не единственным проблемным регионом, но ситуация на Южном Урале отличалась, прежде всего, повышенной конфликтностью властей в Исетской провинции, продолжавшейся многие годы. В таких условиях нюансы положения на местах определялись личностными качествами начальников. В ненормальную ситуацию неоднократно вмешивались Оренбургские губернаторы. Поэтому, оценивать деятельность и роль Духовных правлений мы должны через призму состояния государственной власти в целом.

«Святейший Синод» в своей работе имел массу проблем, не решая вовремя даже важные дела. Когда Петр III взшел на престол, он подверг Синод жесткой критике, обвинив в волокитстве и затягивании дел: «Синод походит больше на опекуна знатного духовенства, нежели на строгого наблюдателя истины и защитника бедных и невинных...»⁴⁸⁵. Чрезмерная затяжка и медлительность дел отмечалась и во внутренних документах самого Синода. Высшая власть искала решения проблем, но попытки эти напоминали «шатание» от одного царствования к другому. Например, в середине века Сенату дали больше властных полномочий. «Наконец, и духовное ведомство было поставлено в зависимость от сената <...> Вместе с синодом сенат рассматривал и разрешал многие вопросы духовного управления: по штатам церквей, по ограждению и распространению православия и т.д.»⁴⁸⁶. Но далее, императрица Екатерина II отнеслась к Сенату с недоверием и: «Значительная доля недостатков прежнего царствования поставлена на счет сенату. Конечно, на его долю приходилось немало грехов, но, кажется, обвинения преувеличены. Множество беспорядков зависело от того, что о реформе местного управления никто не думал со времени Петра Великого. Созданные им учреждения были

⁴⁸⁵ Смолич И.К. История Русской Церкви (1700–1917). Ч. 1. Москва, 1996. С. 189.

⁴⁸⁶ Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 8. Начала русского государственного права. Ч. 2. Органы управления. Санкт-Петербург, 1907. С. 276.

отменены или искажены. Не имея хорошей местной администрации, сенат, в значительной степени, был парализован. Затем, великая доля беспорядков падает на ответственность временщиков, пользовавшихся доверием Императрицы...»⁴⁸⁷.

Несомненно, все отмеченные недостатки деятельности высшей власти опосредованно влияли на состояние дел в провинции. Так, Духовная и светская власти южно-уральского региона не имели общего видения купирования имеющихся проблем, а при отсутствии правового поля для их решения, в системе исполнения высших «Указов», не проявляли самостоятельных инициатив. Такое «параллельное» существование властей, при определенном пересечении интересов, лишь повышало их взаимную конфликтность, игнорирование интересов другого ведомства, также чаяний и нужд населения.

⁴⁸⁷ Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 8. Начала русского государственного права. Ч. 2. Органы управления. Санкт-Петербург, 1907. С. 278.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Духовная жизнь человека, это не только религиозное сознание, но и нравственная составляющая, определяющая его поведение и мировоззрение. Это главное отличие человека от животного мира. В силу умозрительного, нравственного чувства, человек есть культурный исток и смысловое начало цивилизации. Любая деятельность, политическая, общественная, культурная, религиозная, оценивается на контрасте дел людей. От того, какое место в ней занимает нравственное начало, зависит образ самого государства. Законы формальные, созданные в процессе развития, лишь часть практической жизни людей. Да разве вся жизнь людей происходит в сфере закона? Лишь доля ее подлежит закону, значительная часть происходит вне его, в сфере нравов и воззрения общества. Особенно актуально данное высказывание подходит к обзору периода создания и первоначального развития Исетской провинции. Роль РПЦ на этом этапе была особенно значима. Государственная власть нуждалась в поддержке церкви, полагаясь на ее влияние в среде верующего населения южно-уральского края. Однако, его специфический состав, конфессиональные различия, чрезвычайно опасная и тяжелая жизнь большей части людей зоны фронта, не способствовали законопослушности. Да и сами законы были излишне строги, но при сомне правил, Указов, и карах, в них прописанных, нарушений самого разного плана было очень много. Чтобы справиться хотя бы с частью означенных проблем, были необходимы, кроме светских и военных, также и органы духовного контроля и управления.

В результате исследования выяснено, что Даматовский монастырь, бывший духовным центром значительной части большого Урала вплоть до 1740-х гг., при дальнейшем росте территории осваиваемого южно-уральского края, уже не мог эффективно, в полной мере осуществлять управленческую функцию. Возникла необходимость создания новых Духовных правлений (Заказов), что и было сделано Тобольской консисторией в середине 1740-х гг. Таким образом, были созданы управленческие центры, призванные обеспечить

более гибкую оперативность исполнения церковных дел и духовных потребностей населения, но и обеспечить более действенный его контроль. В этот период созданные Духовные правления оказались наиболее востребованы и необходимы. (В дальнейшем в отношении их происходили неоднократные административные действия: упразднения; восстановления; изменение границ подведомственных территорий.)

В течении нескольких десятилетий духовно-культурные преобразования изменили облик Исетской провинции, в чем есть, несомненно, и заметная роль Духовных правлений, особенно в плане церковного строительства, создания школ для подготовки кадров духовенства, влияния на религиозно-общественную жизнь населения. В данном процессе приходилось решать многочисленные трудности, и Духовные правления вполне эффективно осуществляли свою специфическую функцию. В большей мере на их работу влияла политика консистории, епархиального архиерея, которую и должен был обеспечивать глава Духовного правления – «заказчик», являвшийся в этом плане проводником и главным исполнителем на весьма обширной территории своего Заказа.

Одной из задач исследования являлось выяснение роли Духовных правлений в общественно-религиозной жизни населения, также влияния их деятельности на общие тенденции развития на территории осваиваемого фронта. Данный фактор нередко являлся определяющим, так или иначе проявляясь в самых различных ситуациях. Условия, крайне тяжелые для существования социума, наложили свой отпечаток практически на всю жизнь в южно-уральском регионе, особенно в 1730–1740-е гг., но оставаясь и далее весьма сложными на протяжении еще нескольких десятилетий. В таких условиях деятельность Духовных правлений была трудной и весьма сложной для достижения поставленных целей, одной из которых было искоренение религиозного раскола в русском обществе. Действия здесь духовных властей отличались особенной проблемностью, вызывавшей негативную реакцию со

стороны значительной части населения, и возникшей противоречивостью со стороны светского руководства.

Духовные правления осуществляли свою управленческую деятельность в совокупности с органами светской власти. Это взаимодействие было весьма неоднозначным, где личностный характер отношений имел существенное значение. Система абсолютизма, где отсутствие правовых норм, четкого общего свода законодательства являлись определяющими условиями, предопределили возникновение ряда недостатков в государственном управлении, что особенно проявлялось на провинциальном уровне. При означенных условиях возникавшие проблемы в местных делах, в том числе конфликты между разными руководителями, не решались порой по много лет, будучи решением своим зависимы только от столичной «Высочайшей» власти, которой, по сути, не было интереса к подобным происшествиям в принципе, за исключением крайних, экстраординарных случаев. Ярким примером вышесказанному является ситуация в центре Исетской провинции – Челябинске, где неприязненные отношения, даже вражда главных представителей власти (светской и духовной) длилась много лет, и стала обыденностью, влияя, таким образом на качественное исполнение многих дел, в том числе различных нужд населения. Параллельность деятельности разных властей обуславливалась тем, что воеводы и их заместители служили здесь небольшой положенный срок, а глава Духовного правления был не сменяем много лет. Митрополит не всегда глубоко вникал в проблемы южно-уральского края, так как осуществлял управление огромной территорией востока страны. Поэтому, нередко для решения конфликтов различных властей, приходилось вмешиваться губернскому руководству.

Излишне долго не решалась тяжелая проблема противостояния со старообрядческим населением, где репрессивные действия заказчиков полностью зависели от указаний митрополитов, среди которых такие как Сильвестр Главатский и Павел Конюскевич отличались непримиримостью и жестокостью по отношению к староверам, поэтому действия против них на

протяжении весьма продолжительного времени были неоправданно жесткими и непродуманными с точки зрения пользы для государства. С другой стороны, и сама верховная столичная власть проводила политику искоренения раскола, а процесс изменения данной политики в сторону веротерпимости был слишком долгим, что при наличии других серьезных проблем повлияло на ситуацию во всем Оренбургском крае.

Наше исследование показало, что на рост или сокращение количества старообрядцев характерно влияло общее отношение населения к власти, основанием чего являлась прежде всего экономическая ситуация в регионе. При её стабильности или улучшении большинство староверов не придавали своей религиозности решающего и определяющего значения, постепенно исчезала их оппозиционная и политизированная настроенность, на первый план выходили задачи хозяйственного благополучия и бытовые проблемы. И, соответственно, наоборот. Показательным примером в данном плане может служить ситуация второй половины 1770-х гг., когда из-за экономической разрухи в крае значительно выросло и количество раскольников. Духовные правления в принципе не могли справиться с подобными проблемами, решение которых от них не зависело. Поэтому действия Духовных правлений по искоренению раскола оказались не эффективны.

Реформы Екатерины II сформировали новый тип церковной организации, где роль церковного иерарха, соответственно и Духовных правлений, снижалась. Заказчик становился более администратором, чем духовным отцом. Однако, как главное звено исполнительной духовно-церковной власти, Духовные правления продолжали вести всю полноту духовно-церковных дел на местах. В последней четверти века они стали частью упрощенной вертикали власти, одним из управленческих органов «духовного ведомства».

Осуществлять живую, связующую роль в отношениях с обществом продолжали не иерархи духовенства, а рядовые клирики, через частные или формальные дела прихожан, которые доверяли клирикам важные финансовые полномочия, и рассматривали их в качестве одних из лучших представителей

своей общины. Представители церковных причтов были способны отстаивать интересы своих просителей, так как отличались знанием грамоты. Но, как правило, поставленные в условия финансовой зависимости от своих прихожан, клирики, помогая им в различных бытовых делах, не могли стать весомыми духовными авторитетами среди них.

Находясь фактически на самообеспечении, причты храмов весомую часть своих доходов отдавали на содержание Духовных правлений, а те, в свою очередь, на нужды консисторий. После реформы секуляризации государство также не позаботилось о более или менее достойном содержании церковнослужителей. Поэтому, кадровая проблема была одной из главных, с чем приходилось сталкиваться Духовным правлениям. Но даже в таких сложных условиях, главным образом удавалось сохранять и постепенно улучшать кадровый состав духовенства, открывать новые школы для обучения будущих клириков, однако скорость процесса данного развития мало зависела от благих желаний духовных заказчиков.

Священнослужитель должен был быть, в идеале, духовным наставником, а обязанность государства сводилась бы к поддержке духовенства на достойном уровне. Качество кадров должно было быть главной задачей Духовных правлений и консисторий, и в значительной мере так и было. Но при этом, ни духовная, ни светская власть, не смогли выполнить означенных важнейших задач в полной мере.

Говоря о деятельности Духовных правлений, мы пытались на конкретных примерах показать значимость их работы, то есть пользу, как для государства, так и для общества, и с этой позиции дать оценку таковой. По нашему мнению, польза для государства далеко не всегда соответствовала чаяниям общества, а страх был той скрепой, которая определяла суть системы. Ослабление системы наказаний привело к изменениям отношений в церковной иерархии и падению служебной и бытовой дисциплины в среде духовенства.

Изучение деятельности Духовных Правлений, игравших важную роль в формировании имиджа власти у населения, и попытка показать сложные условия, в которых действовали региональные власти, резюмирует вывод: перманентно долгое состояние низкого качества государственной мысли ведет к большим издержкам в плане развития страны. Главная причина – система, где есть лишь один полюс власти, не отягощенный на практике реальной ответственностью. Это положение не менялось на протяжении веков, не позволяя свести проблемы общественно–государственных отношений к минимуму. В такой системе Духовные правления, просуществовавшие в России полтора века, воспринимались населением фактически как власть самого государства. Но они выполнили свою историческую функцию, осуществляя кадровое руководство духовенством и организацию церковного строительства. На Южном Урале Духовные правления внесли также заметный вклад в развитие образования. Духовные правления при более тесном и плодотворном сотрудничестве властей могли сыграть гораздо более существенную роль в духовном и культурном развитии страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Законодательные и нормативно-правовые акты

1. Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, постановлений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1901 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству Православного исповедания / сост. С.В. Калашников. – Санкт-Петербург: Издание Л.И. Тузова. 1902. – 570 с.
2. Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего сената в царствующем Санкт-Петербурге в лето от рождества Христова 1721 сочиненный. – Москва: Синодальная типография, 1856. – 198 с.
3. Описание документов и дел хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Том XXXI (1751 г.). – Санкт-Петербург, Синод. тип., 1909; Том XXXII (1752 г.). Петроград, 1915.
4. Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 года. Том X (1737–1739); Том XI (1730–1743); Том XII (1744–1748); Том XIII (1749–1753); Том XV (1758–1762). – Санкт-Петербург, 1830.
5. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Том 3 (1746–1752). – Санкт-Петербург, 1912. – 561 с.
6. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к уставу духовных консисторий и своду законов) с историческими приложениями и примечаниями /сост. Я. Ивановский. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1900. – 325 с.

7. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / сост. Т.В. Барсов. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1885. – 365 с.
8. Устав Духовных Консисторий. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1843. – 172 с.

**Опубликованные документы и материалы,
источники личного происхождения**

9. Домострой (Подгот. текстов: В.В. Рождественская, В.В. Колесов, М.В. Пименова). – Москва, 1990. – 304 с. – Текст: непосредственный.
10. Дореволюционный Челябинск в слове современников / Собрание текстов. – Челябинск 2012. – 358 с.: ил. – Текст: непосредственный.
11. Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. – Уфа: Китап, 2005. – 272 с. Текст: непосредственный.
12. Летопись Челябинской области: сборник документов и материалов. – Т. 1. 1673–1917 гг. / Челябинск: Книга, 2008. – 399 с. – Текст: непосредственный.
13. Паллас, П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Часть 2. Кн. 1-я / П.С. Паллас. – Санкт-Петербург, 1786. – 618 с. Текст: непосредственный.
14. Рычков, П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии. Часть 2 / П.И. Рычков. – Санкт-Петербург, 1762. – 262 с. – Текст: непосредственный.
15. Рычков, П.И. История Оренбургская (1730–1750) / П.И. Рычков. – Оренбург: Издание Оренбургского губернского статистического комитета, 1896. – 95 с. – Текст: непосредственный.

16. Сенатский архив. Протоколы Правительствующего Сената. Том VII. Санкт-Петербург, 1895; Том IX. Санкт-Петербург, 1901. – 811 с. – Текст: непосредственный.
17. Челябинская старина: Документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века, содержащие сведения о старообрядцах Челябинской округи. Составитель Е.Н. Сухина (Воронкова). Вып. IV. – Челябинск, 2005. – 183 с. – Текст: непосредственный.
18. Челябинская старина. Выпуск VI. Деловые документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века. Составитель Е.Н. Сухина (Воронкова). – Челябинск, 2006. – 130 с. – Текст: непосредственный.

Архивные материалы

Государственный архив в Тобольске (ГАТ).

19. И–156. Тобольская духовная консистория.
Оп. 1. – Д. 13, 65, 79, 82, 103, 148, 264, 291, 350, 356, 360, 406, 451, 508, 598, 783, 908, 1132, 1275, 1365, 1366, 1453, 1458, 1464, 1526, 1647, 1656, 1660, 1775, 1847, 1868, 1916, 1962, 2023, 2119, 2316, 2323, 2324, 2330, 2444, 2456, 2474, 2552, 2558, 2871, 2887, 2922, 2947.
Оп. 2. – Д. 64, 128, 311, 360, 832, 1139, 1341, 2072, 2928, 3132.
Оп. 3. – Д. 166.

Государственный архив в Шадринске (ГАШ).

20. Ф–224. Далматовский Успенский монастырь.
Оп. 1. – Д. 195.
21. Ф–316. Церковь Св. Параскевы, село Сухринское.
Оп. 1. – Д. 316.
22. Ф–358. Покровская церковь, село Барневское.
Оп. 1. – Д. 16.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).

23. ГАОО. Ф–173. Оренбургская духовная консистория.

Оп. 11. – Д. 27, 36.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).

24. И–3. Челябинская городская Управа.

Оп. 1. – Д. 18.

25. И–33. Челябинское Духовное правление.

Оп. 1. – Д. 1-б, 3, 7, 7-б, 12, 12-в, 15-г, 22, 23, 23-а, 293, 305, 481, 585, 586, 889, 3589.

Оп. 3. – Д. 8, 59, 107.

Оп. 4. – Д. 1, 5.

Оп. 5. – Д. 104.

26. И–44. Челябинский уездный земский Суд.

Оп. 1. – Д. 26, 44, 109, 258.

27. И–50. Воскресенское Духовное правление.

Оп. 1. – Д. 301.

28. И–63. Комиссар Миасской крепости.

Оп. 1. – Д. 1, 7.

29. И–65. Троицкое Духовное правление.

Оп. 1. – Д. 1, 3.

30. И–79. Коллекция подлинных документов и рукописей неизвестных авторов.

Оп. 1. – Д. 1, 9.

31. И–226. Коллекция метрических книг.

Оп. 1. – Д. 2.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

32. Ф–429. Исетская Провинциальная канцелярия.

Оп. 1. – Д. 35, 43, 45, 50, 55.

33. Ф–614. Шадринская Управительская канцелярия.

Оп. 1. – Д. 250, 274, 302, 346, 529, 855, 861.

Российский государственный исторический архив (РГИА).

34. Ф–796. Святейший Правительствующий Синод.

Оп. 25. – Д. 24.

Оп. 31. – Д. 119, 152.

Оп. 34. – Д. 317.

Оп. 46. – Д. 232.

Краеведческий музей, гор. Миасс.

35. Ф–38. Летопись храма Святой Параскевы, село Кундравы.

ЛИТЕРАТУРА

Опубликованные исследования

Книги

36. Алеврас, Н.Н., Конюченко А.И. История Урала XI–XVIII века / Уч. пособие. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2000. – 280 с. – Текст: непосредственный.

37. Андриевич, В.К. История Сибири. Ч. 2-я. Период с 1660 года до воцарения Императрицы Елисаветы Петровны / В.К. Андриевич. – СПб., 1889. – 487 с. – Текст: непосредственный.

38. Антипин, Н.А. Православные храмы Челябинска: история и современность / Н.А. Антипин, И.В. Купцов. – Челябинск: Авто Граф, 2015. – 452 с. – Текст: непосредственный.

39. Архиепископ Литовский и Виленский – Макарий. История Русской Церкви. Т. VII. Кн. 2. – Санкт-Петербург: тип. Ю. Бокрама, 1874. – 383 с. – Текст: непосредственный.

40. Барсов, Т.В. Синодальные учреждения прежнего времени / Т.В. Барсов. – Санкт-Петербург, 1897. – 249 с. – Текст: непосредственный.
41. Батуев, С.В. Куртамышское старообрядчество (середина XVIII – первая треть XX вв.) / С.В. Батуев. – Куртамыш, 2014. – 142 с. – Текст: непосредственный.
42. Башкортостан: краткая энциклопедия / Под ред. Р.З. Шакурова. – Уфа: Башкирская Энциклопедия, 1996. – 669 с. – Текст: непосредственный
43. Белобородов, С.А. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII–начала XX в. / С.А. Белобородов, Ю.В. Боровик. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 382 с. – Текст: непосредственный.
44. Беллюстин, И.С. Описание сельского духовенства в России / И.С. Беллюстин. – Текст: непосредственный // Русский заграничный сборник за 1858 год. Берлин, 1859.
45. Варадинов, Н. История министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная книга. История распоряжений по расколу / Н. Варадинов. – Санкт-Петербург, 1863. – 656 с. – Текст: непосредственный.
46. Венедиктов, Д.Г. Палачи в рясах. Прошлое русского духовенства / Д.Г. Венедиктов. – Ленинград, 1933. – 175 с. – Текст: непосредственный.
47. Верховский, П.В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX столетии / П.В. Верховский. – Варшава, 1912. – с. – Текст: непосредственный.
48. Витевский, В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1. / В.Н. Витевский. – Казань, 1897. – 360 с. – Текст: непосредственный.
49. Вяткин, М.П. Батыр Срым / М.П. Вяткин. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1947. – 392 с. – Текст: непосредственный.
50. Геринг, И. Раскол и секты Русской церкви (1003–1897 г.) / И. Геринг. – Санкт-Петербург, 1903. – 116 с. – Текст: непосредственный.

51. Головнёв, А.В. Феномен колонизации / А.В. Головнёв. – Екатеринбург: УрО РАН, 2015. – 592 с.; ил. – Текст: непосредственный.
52. Готье, Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Том II / Ю.В. Готье. – Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с. – Текст: непосредственный.
53. Градовский, А.Д. Собрание сочинений. Том 8. Начала русского государственного права. Часть 2. Органы управления / А.Д. Градовский. – Санкт-Петербург, 1907. – 580 с. – Текст: непосредственный.
54. Грекулов, Е.Ф. Нравы русского духовенства / Е.Ф. Грекулов. – Санкт-Петербург: Невзоров От Эколь, 2011. – 96 с. – Текст: непосредственный.
55. Грекулов, Е.Ф. Православная инквизиция в России / Е.Ф. Грекулов. – Москва: Издательство «Наука», 1964. – 93 с. – Текст: непосредственный.
56. Грекулов, Е.Ф. Православная церковь – враг просвещения / Е.Ф. Грекулов. – Москва: Изд-во АН СССР, 1962. – 192 с. – Текст: непосредственный.
57. Дегтярев, И.В. Купола над городом: исторические судьбы челябинских церквей / И.В. Дегтярев, В.С. Боже. – Челябинск, 1992. – 41 с. – Текст: непосредственный.
58. Дмитриев, А.Д. Церковь и идея самодержавия в России / А.Д. Дмитриев. – Москва, 1930. – 231 с. – Текст: непосредственный.
59. Добросклонский, А.П. Руководство по истории церкви 1700–1890 / А.П. Добросклонский. – Москва, Синодальная типография, 1893. – 605 с. – Текст: непосредственный.
60. Дубровин, Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Т.1 / Н.Ф. Дубровин. – Санкт-Петербург, 1884. – 399 с. – Текст: непосредственный.
61. Есипов, Г.В. Раскольничьи дела XVIII века / Г.В. Есипов. – Санкт-Петербург, 1861. – 583 с. – Текст: непосредственный.
62. Жуковский И.В. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год. – Санкт-Петербург, 1832. – 76 с. – Текст: непосредственный.

63. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). – Санкт-Петербург, 1893. – 197 с. Текст: непосредственный.
64. Зеньковский, С.А. Русское старообрядчество. В 2-х томах (Репринт. изд.) / С.А. Зеньковский. – Москва, 2009. – 688 с. – Текст: непосредственный.
65. Знаменский, П.В. Духовные школы в Росси, до реформы 1808 года / П.В. Знаменский. – Казань: Издание Университета, 1881. – 806 с. – Текст: непосредственный.
66. Знаменский, И.П. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I / И.П. Знаменский. – Москва: тип. М.Н. Лаврова и К, 1880. – 185 с. – Текст: непосредственный.
67. Знаменский, П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра Великого / П.В. Знаменский. – Казань: тип/ Университетская, 1873. – 858 с. [переизд.] Санкт-Петербург, 2003. – 800 с. – Текст: непосредственный.
68. Знаменский, П.В. Руководство к Русской церковной истории / П.В. Знаменский. – Минск, 2005. – 575 с. – Текст: непосредственный.
69. Зольникова, Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке / Н.Д. Зольникова. – Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1990. – с. – Текст: непосредственный.
70. Зольникова, Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.) / Н.Д. Зольникова. – Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1981. – с. – Текст: непосредственный.
71. Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. – Оренбург: типография Б. Бреслина, 1891. – 77 с. – Текст: непосредственный.
72. Исторические чтения: Материалы конференций. Вып. 2. – Челябинск: Центр ист.-культ. наследия г. Челябинска, 1997. – 145 с. – Текст: непосредственный.

73. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. (Коллектив авторов.) Глава VIII. Активизация политики царизма в Башкортостане. Борьба народных масс против феодального и национального гнета в 30–50-х годах XVIII в. – Уфа: Китап, 1996. – 520 с. – Текст: непосредственный.
74. История культуры Южного Зауралья. Том первый: Становление древних цивилизаций. Феодальный и капиталистический периоды. – Курган 2005. – 508 с. – Текст: непосредственный.
75. История Курганской области (Управление Южного Зауралья в досоветский период). Т. 7. – Курган: ГИПП Зауралье, 2002. – 479 с. – Текст: непосредственный.
76. История России с начала XVIII до конца XIX века. Институт Российской истории РАН. – Москва: АСТ-ЛТД, 1997. – 542 с. – Текст: непосредственный.
77. История Сибири. Первоисточники. Выпуск IX. Ответственный редактор серии – академик РАН Н.Н. Покровский. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. – Новосибирск: изд-во СО РАН, 1999. – 800 с. – Текст: непосредственный.
78. Каптерев, Л.М. Дубинщина. Очерк по истории восстания Далматовских монастырских крестьян в XVIII веке / Л.М. Каптерев. – Екатеринбург, 1924. – 38 с. – Текст: непосредственный.
79. Карташев, А.В. История русской церкви. Т.2 / А.В. Карташев. – Москва: Терра, 1992. – 565 с. – Текст: непосредственный.
80. Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну / Б.Н. Миронов. Т. 2. Санкт-Петербург: Изд. Дмитрий Булавин, 2015. – 912 с. – Текст: непосредственный.
81. Комиссаренко, А.И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке / А.И. Комиссаренко. – Москва: ВЗПИ, 1990. – 202 с. – Текст: непосредственный.

82. Корепанов, Н.С. В раннем Екатеринбурге (1723-1781). 3-е издание / Н.С. Корепанов. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 252 с. – Текст: непосредственный.
83. Кузьмин, А.Г. Татищев / А.Г. Кузьмин. – Москва: Молодая гвардия, 1987. – 368 с. – Текст: непосредственный.
84. Культурное наследие Сибири. Биографический справочник. – Екатеринбург: Уральский гос. унив-т, 2008. – 636 с. – Текст: непосредственный.
85. Лосский, В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский. – Сергиев Посад: Изд-во: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2012. – 586 с. – Текст: непосредственный.
86. Милюков, П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П.Н. Милюков. – Санкт-Петербург, 1905. – 702 с. Текст: непосредственный.
87. Никольский, Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 604 с. – Текст: непосредственный.
88. Нестор, иеромонах. Православие в Сибири (исторический очерк). – Санкт-Петербург, 1910. – 80 с. – Текст: непосредственный.
89. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. – Екатеринбург, 1891. – 113 с. – Текст: непосредственный.
90. Очерки истории Челябинской области. (Н.Б. Виноградов, В.Н. Елисеева, А.В. Лушников и др.). – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991. – 190 с. Текст: непосредственный.
91. Папков, А.А. Упадок православного прихода (XVIII–XIX вв.): Историческая справка / А.А. Папков. – Москва, 1899. – 162 с. – Текст: непосредственный.

92. Пашков, А.А. Свято–Успенский Далматовский мужской монастырь / А.А. Пашков. – Шадринск: ПО «Исеть», 2000. – 415 с. – Текст: непосредственный.
93. Писарев, В.И. Церковь и крепостное право в России / В.И. Писарев. – Москва, 1930. – 108 с. – Текст: непосредственный.
94. Плотников, Г.С. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря / Г.С. Плотников. – Екатеринбург, 1891. – 113 с. Текст: непосредственный.
95. Покровский, Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке / Н.Н. Покровский. – Новосибирск: Изд-во «Наука» СО РАН, 1974. – 397 с. – Текст: непосредственный.
96. Покровский, Н.Н. Путешествие за редкими книгами / Н.Н. Покровский. – Москва: Книга, 1984. – 192 с.; ил. – Текст: непосредственный.
97. Попов, Н.А. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. В.Н. Татищев и его время / Н.А. Попов. – Москва, 1861. – 803 с. – Текст: непосредственный.
98. Поселянин, Е.Н. Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII веке / Е.Н. Поселянин. – Санкт-Петербург, 1902. – 175 с. – Текст: непосредственный.
99. Пулькин, М.В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX вв. (по материалам Олонецкой епархии) / М.В. Пулькин. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – 422 с. – Текст: непосредственный.
100. Религия и церковь в истории России: Советские историки о православной церкви в России. – Москва: Мысль, 1975. – 255 с. – Текст: непосредственный.
101. Религиозное многообразие Уральского региона. Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – 284 с., ил.

102. Ростиславов, Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России / Д.И. Ростиславов. – Лейпциг, 1866. – 680 с. – Текст: непосредственный.
103. Русское православие: вехи истории / науч. ред., гл. авторск. кол. А.И. Клибанов. – Москва: Политиздат, 1989. – 723 с. – Текст: непосредственный.
104. Рыбкин, Г.Ф. Православие на службе самодержавия в России / Г.Ф. Рыбкин. – Москва, 1930. – 56 с. – Текст: непосредственный.
105. Самигулов, Г.Х. Из истории Челябинска: в 3 кн. Кн. 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год / Г.Х. Самигулов. – Челябинск: Каменный пояс, 2015. – 140 с.: ил. – Текст: непосредственный.
106. Самигулов, Г.Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости / Г.Х. Самигулов. – Челябинск: Книга, 2011. – 344 с.: ил. – Текст: непосредственный.
107. Семевский, В.И. Крестьяне в царствование Екатерины / В.И. Семевский. – Санкт-Петербург, 1881. – 504 с. – Текст: непосредственный.
108. Словцов, П.А. Историческое обозрение Сибири / П.А. Словцов. – Санкт-Петербург, 1838; 2-е изд. Санкт-Петербург, 1886. – 589 с. – Текст: непосредственный.
109. Словцов, П.А. История Сибири от Ермака до Екатерины II / П.А. Словцов. – Москва: Вече, 2012. – 530 с. – Текст: непосредственный.
110. Смилянская, Е.Б. Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века / Е.Б. Смилянская. – Москва: Ломоносовъ, 2016. – 384 с. – Текст: непосредственный.
111. Смолич, И.К. История Русской церкви 1700–1917 гг. Кн. 8. Ч.1 / И.К. Смолич. – Москва: изд-во Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – 799 с. – Текст: непосредственный.
112. Старостин, Е. В. Архивы Русской Православной Церкви (X—XX вв.). Учебное пособие. – Москва (РГГУ), 2011. – 255 с. – Текст: непосредственный.
128. Исторические чтения: Материалы

- конференций. Вып. 1. – Челябинск: Центр ист.-культ. наследия г. Челябинска, 1996. – 159 с. – Текст: непосредственный.
113. Тальберг, Н.Д. История Русской церкви / Н.Д. Тальберг. – Москва: изд-во Сретенского монастыря, 1997. – 924 с. – Текст: непосредственный.
114. Титлинов, В.Б. Православие на службе самодержавия в Русском государстве / В.Б. Титлинов. – Ленинград, 1924. – 210 с. – Текст: непосредственный.
115. Троицкий, С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии / С.М. Троицкий. – Москва: Наука, 1974. – 395 с. – Текст: непосредственный.
116. Урал в контексте российской модернизации (Сб. науч. ст.). – Челябинск: Каменный пояс, 2005. – 447 с. – Текст: непосредственный.
117. Устюгов, Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. / Н.В. Устюгов. – Москва, Ленинград, 1950. – 154 с. – Текст: непосредственный.
118. Федоров, В.А. Русская Православная Церковь и государство / В.А. Федоров. – Москва: Русская панорама, 2003. – 480 с. – Текст: непосредственный.
119. Харлампович, К.В. Малороссийское влияние на Великорусскую церковную жизнь / К.В. Харлампович. – Казань, 1914. – 947 с. – Текст: непосредственный.
120. Цысь, О.П. Организация управления институтами Русской православной церкви на Тобольском севере в XIX – начале XX вв.: очерки истории / О.П. Цысь. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2017. – 272 с. – Текст: непосредственный.
121. Челябинск неизвестный: Краеведческий сборник. Вып. 1. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1996. – 232 с. – Текст: непосредственный.
122. Челябинск неизвестный: Краеведческий сборник. Вып. 2. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1998. – 511 с. – Текст: непосредственный.

123. Челябинская область: Энциклопедия. Т. 2: Д–И / Гл. ред. К.Н. Бочкарев. – Челябинск: Каменный пояс, 2004. – 658 с., ил.
124. Чернавский, Н.М. Челябинск в его прошлом 1736-1926 (хроника) / Н.М. Чернавский. – Челябинск: Издание ОГАЧО, 2016. – 117 с. – Текст: непосредственный.
125. Чернавский, Н.М. Оренбургская епархия в её прошлом и настоящем. Часть 1-я / Н.М. Чернавский. – Текст: непосредственный // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Выпуск VII. – Оренбург, 1900; Часть 2-я. – Оренбург, 1902.
126. Шадринская старина. Краеведческий альманах. Шадринск, 1993. – 132 с. – Текст: непосредственный.
127. Щапов, А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII / А.П. Щапов. – Казань, 1859. – 547 с. – Текст: непосредственный.
128. XX Уральские Бирюковские чтения. Сб. науч. ст.: краеведческие поиски и находки. – Челябинск, 2013. – Текст: непосредственный. – 483 с.

Статьи

129. Алексеев, В.В. Фронтирная модернизация в имперской России / В.В. Алексеев. – Текст: непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2017. Т. 17. № 2. – С. 6–13
130. Боже, В.С. Истоки: православие на Южном Урале в XVII–XVIII вв. / В.С. Боже. – Текст: непосредственный // Исторические чтения: мат-лы регион. науч. конф. – Челябинск, 2004. – Вып. 7–8. – С. 18–27.
131. Боже, В.С. Духовные правления / В.С. Боже. – Текст: непосредственный // Челябинская область. Энциклопедия. Том 2. – Челябинск: Каменный пояс, 2004. – С. 205–206.

132. Боже, В.С. Старообрядчество / В.С. Боже // Челябинск: Энциклопедия / Сост. В.С. Боже, В.А. Черноземцев. – Изд. испр. и доп. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 817–818. – Текст: непосредственный
133. Буканова, Р.Г. Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв. / Р.Г. Буканова, З.А. Тычинских, С.Р. Муратова. – Текст: непосредственный // Уральский исторический вестник. – 2018. № 4 (61). – С. 89–95
134. Буканова, Р.Г. Роль церкви в закреплении башкир в XVIII веке / Р.Г. Буканова. – Текст: непосредственный // Исторические чтения: мат-лы науч. конф. «Неизвестный Челябинск» (1994), «Церковь и религия на Урале» (1995). – Челябинск: Центр ист.-культ. наследия г. Челябинска, 1996. – С. 55–59.
135. Головкин, М.Г. Очерки Оренбургской хлыстовщины / М.Г. Головкин. – Текст: непосредственный // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1897. № 20. – С. 723–732.
136. Григорьев, А.Б. Священномученик Арсений Мацеевич в гражданском, уголовном и церковном судебном процессе. / А.Б. Григорьев. – Текст: непосредственный // XVIII ежегодная богословская конференция. Том 1. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2008. – С. 98–107.
137. Евдокимова, А.Н. Духовная консистория, правление и благочинные священники в структуре управления русской православной церкви на территории Чувашского края в XIX веке / А.Н. Евдокимова. – Текст: непосредственный // Вестник Чувашского университета. № 2. – 2015. – С. 31–37.
138. Зольникова, Н.Д. Традиции православия в Сибири. Конец XVI–XIX вв. / Н.Д. Зольникова. – Текст: непосредственный. // Сибирская икона. – Омск: Иртыш, 1999. – С. 9–38.
139. Зубков, К.И. Фронт как исследовательская парадигма / К.И. Зубков. – Текст: непосредственный // Уральский исторический вестник. – 2018. № 4 (61). – С. 63–72

140. Игнатъев, Р.Г. В.Н. Татищев, второй начальник Оренбургского края / Р.Г. Игнатъев. – Текст: непосредственный // Уфимские губернские ведомости. – Уфа, 1881. №№ 4–47.
141. Нечаева, М.Ю. Далматовское духовное правление в XVIII веке / М.Ю. Нечаева. – Текст: непосредственный // Исторический чтения: материалы научных конференций «Неизвестный Челябинск» (1994), «Церковь и религия на Урале» (1995). № 2. – Челябинск, 1996. – С. 56–63.
142. Каппелер, А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках / А. Каппелер. – Текст: непосредственный // *Ab Imperio*. – 2003. № 1. – С. 47–64.
143. Карелин, В.Г. Чрезкаменный путь и Челябинск (XVII – первая половина XVIII вв.) / В.Г. Карелин. – Текст: непосредственный // Исторические чтения: мат-лы науч. конф. «История Челябинска: проблемы источниковедения и историографии». – Челябинск, 1997. – С. 16–21.
144. Комиссаренко, А.И. Российская государственность и административное управление в конце XVII и XVIII в. / А.И. Комиссаренко. – Текст: непосредственный // Вопросы истории. – 2007. № 9. – С. 156–165
145. Конюченко, А.И. Неуловимый привкус Украины / А.И. Конюченко. – Текст: непосредственный // Семнадцатый Славянский научный собор. Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании (мат. конф. Сост. Терехова О.В.). – Челябинск, 2019. – С. 137–146.
146. Конюченко, А.И. Основные этапы и черты динамики монастырского строительства на Урале (в XIV – начале XX в.) / А.И. Конюченко. – Текст: электронный. URL:<http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/18-zhurnal-magistra-vitae-1-2017.html> // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2017. № 1. – С. 100–111.
147. Конюченко, А.И. «Прибыл я с командою моею в Чебаркульскую крепость благополучно» (что скрывал в донесении основатель Челябинска) / А.И. Конюченко. – Текст: непосредственный // Природное

- и культурное наследие Урала: материалы VI регион. науч.-практ. конференции 9–10 окт. 2008 года. – Челябинск, 2008. – С. 80–84.
148. Конюченко, А.И. Церковно–административные преобразования конца XVIII– XIX века на территории Южного Урала / А.И. Конюченко. – Текст: непосредственный // Южный Урал в судьбе России. – Челябинск, 2003. – С. 27–32.
149. Олевская, В.В. К вопросу о становлении Московского Епархиального управления в начальный синодальный период / В.В. Олевская. – Текст: непосредственный // Вестник ПСГТУ. Серия II История. История Русской Православной Церкви. – Вып. II:3 (32). – Москва, 2009. – С. 12–18.
150. Павлушков, А.Р. Практика применения телесных наказаний Русской православной церковью в имперский период / А.Р. Павлушков. – Текст: непосредственный // Пенитенциарная наука. – 2015. № 2. – С. 100–104.
151. Павлушков, А.Р. Проблема изучения правонарушений православного духовенства в отечественной историографии / А.Р. Павлушков. – Текст: непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2014. Серия «Гуманитарные и социальные науки», № 2. – С. 13–19.
152. Побережников, И.В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации / И.В. Побережников. – Текст: непосредственный // Уральский исторический вестник. – 2018. № 4 (61). – С. 72–81.
153. Покровский, Н.Н. Представления крестьян-старообрядцев Урала и Сибири XVIII в. о светских властях / Н.Н. Покровский. – Текст: непосредственный // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1971 г. Институт истории Литовской ССР. – Вильнюс, 1974. – С. 167–176.
154. Пулькин, М.В. Дуэль с антихристом. По материалам расследований самоубийств / М.В. Пулькин. – Текст: непосредственный //

Суицидология. Научно-практический журнал. – 2016. Т. 7. № 4. – С. 57–62.

155. Речь В.И. Семевского, произнесенная им в Императорском Московском университете пред диспутом на степень магистра русской истории. 17 февраля 1882 г. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Т. XXXIV. – 1882. – С. 565–578. – Текст: непосредственный.
156. Самигулов, Г.Х. Заметки о Челябинске XVIII века / Г.Х. Самигулов. – Текст: непосредственный // Природное и культурное наследие Урала. – Челябинск, 2008. – С. 63–80.
157. Самигулов, Г.Х. Материалы к истории старообрядчества в Зауралье. / Г.Х. Самигулов. – Текст: непосредственный // Гороховские чтения: материалы четвертой региональной музейной конференции. – Челябинск, 2013. – С. 66–73.
158. Сперанский, И.А. Условия образования оренбургского духовенства в прошлом столетии / И.А. Сперанский. – Текст: непосредственный // Оренбургские епархиальные ведомости. – Оренбург, 1897. – № 11–13.
159. Сырцов, И.Я. Самосожигательство Сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии / И.Я. Сырцов. – Текст: непосредственный // Тобольские епархиальные ведомости. – Тобольск, 1887. – № 17–18.
160. Цысь, О.П. Духовные Правления как звено церковного управления на Тобольском Севере в 1810–1860-х гг. / О.П. Цысь. – Текст: непосредственный // Вестник ПСГТУ. – 2017. Серия II: История. – Вып. 75. – С. 22–37.
161. Gregory L. Freeze. «To understand the Church means to understand people...» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. № 4. – С. 242–250. – Текст: непосредственный.

Диссертации и авторефераты

162. Белькова, А.Е. Метрические книги первой половины XIX века тюменского духовного правления как жанр деловой письменности. –

- Текст: непосредственный – Дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2009. – 176 с.
163. Закржевский А.Г. Архиерейская власть в системе церковно-государственных отношений в первой половине XVIII века. – Текст: непосредственный – Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2000. – 186 с.
164. Клейменов В.А. Взаимоотношения епархиальных и светских органов управления в Московской губернии в середине – второй половине XVIII века. – Текст: непосредственный – Дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2006. – 187 с.
165. Конюченко А.И. Духовное образование в Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX в. – Текст: непосредственный – Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996. – 22 с.
166. Конюченко А. И. Православное духовенство России во второй половине XIX–начале XX века. – Текст: непосредственный – Дисс. ... док. ист. наук. Челябинск, 2006. – 732 с.
167. Лебедев В.Б. Псковское духовенство во второй половине XVIII в. – Текст: непосредственный – Дисс. ... канд. ист. наук. Псков, 2003. – 216 с.
168. Макарчева Е.Б. Сословные проблемы духовенства Сибири и церковное образование в конце XVIII – первой половины XIX в.: По материалам Тобольской епархии. – Текст: непосредственный – Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. – 262 с.
169. Матисон А.В. Городское духовенство России XVIII в. (Историко-генеалогическое исследование по материалам Тверской епархии). – Текст: непосредственный – Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Екатеринбург, 2015. – 41 с.
170. Сулова Е.Д. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV – начале XVIII в. – Текст: непосредственный – Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2012. – 31 с.

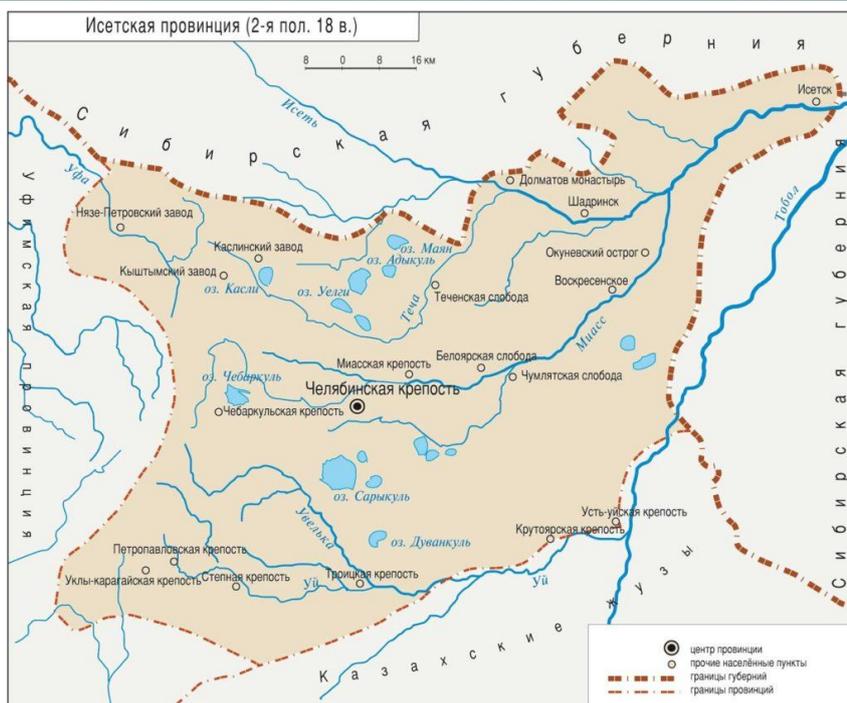
171. Фот А.Г. Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX века: – Текст: непосредственный – Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2017. – 325 с.
172. Храпков Г.Н. Деятельность Ярославской духовной консистории во второй половине XVIII – начале XX веков: Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. – 228 с. – Текст: непосредственный.

Интернет-сайты

173. <https://www.pravenc.ru> (дата обращения: 04.01.2021).
174. <http://www.lib.csu.ru/obibl/srkk15.html> (дата обращения: 15.03.2018).
175. https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_православная_церковь (дата обращения: 04.01.2021).
176. <https://vikidalka.ru/2-198406.html> (дата обращения: 18.12.2020).
177. <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 04.01.2021).
178. http://library.tversu.ru/images/stories/tem_spis/История%20РПЦ.pdf (дата обращения: 07.01.2018).
179. <http://www.tobolsk-eparhia.ru/p/svt/varlaam.shtml> (дата обращения: 03.01.2021).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Географическая карта Исетской провинции (2 варианта изображения)⁴⁸⁸.

488

Источник:

<https://yandex.ru/images/search?text=исетская%20провинция%20карта&stypе=image&lr=56&source=wiz>

Приложение 2.

Автографы митрополитов: Антония Стаховского (1739 г.) и Сильвестра (1754 г.)⁴⁸⁹.

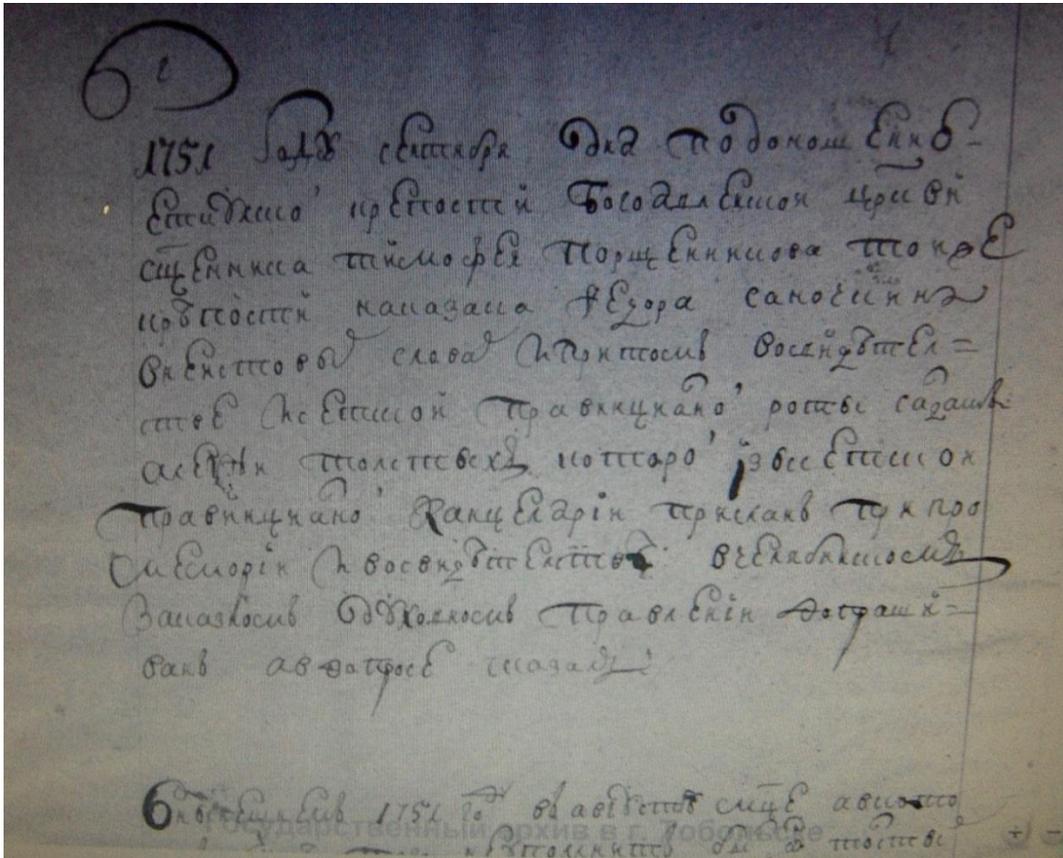
Всего благословеннаго : Оца : Духа Святаго :
Аще вси явися : Единороднаго : Сына :
Равнаго : Отцу : по : Божеству :
Тиса : Оупа : 16 : дня : 1739 : год :
Л. М. III.

Въстѣвшеи правительствующи
своѣ обочоидъ преставивъ солиднѣ
суднѣишѣо правнѣишѣо канцѣарѣо
Опаидъ пиатѣо промѣишѣо тѣрѣо
Ето оного снопѣишѣо возѣдѣишѣо доѣзѣишѣо
Сараиѣо Поурѣтѣишѣо Сарѣдѣо
Силѣо Мѣишѣо 1754 годѣо

⁴⁸⁹ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 2922, 908.

Приложение 3.

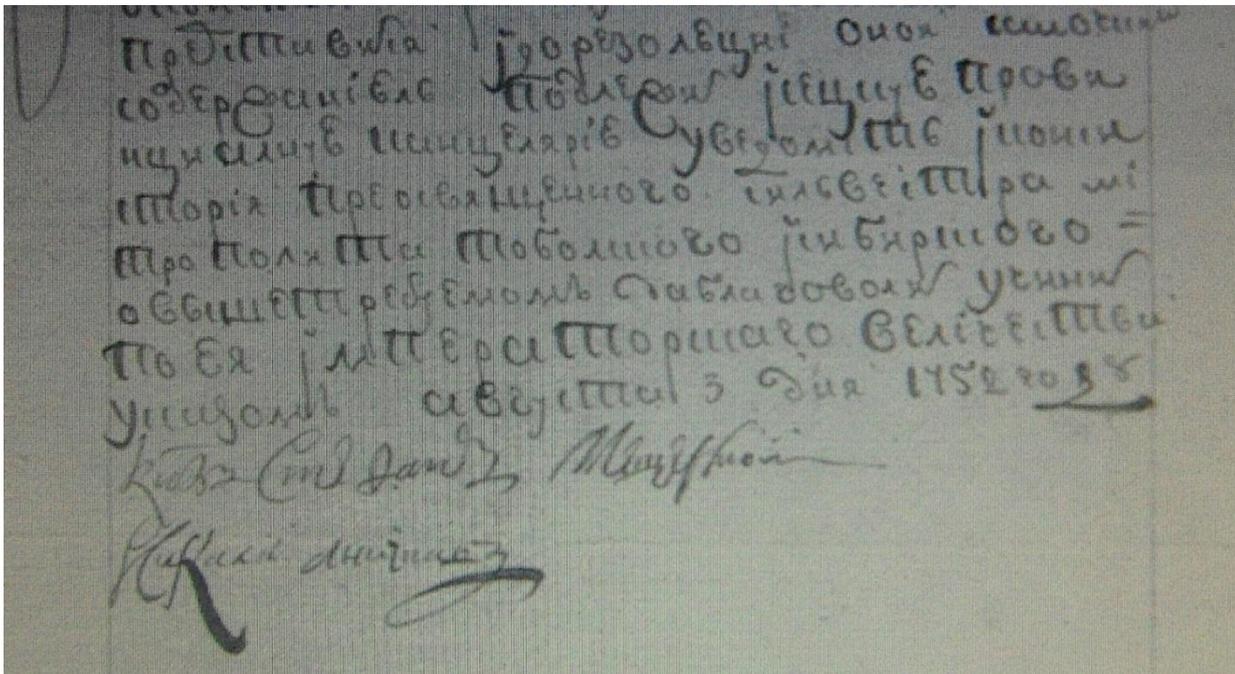
Фрагмент допроса солдата в «Челябинском Заказном духовном Правлении»⁴⁹⁰.

⁴⁹⁰ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 908.

Приложение 4.

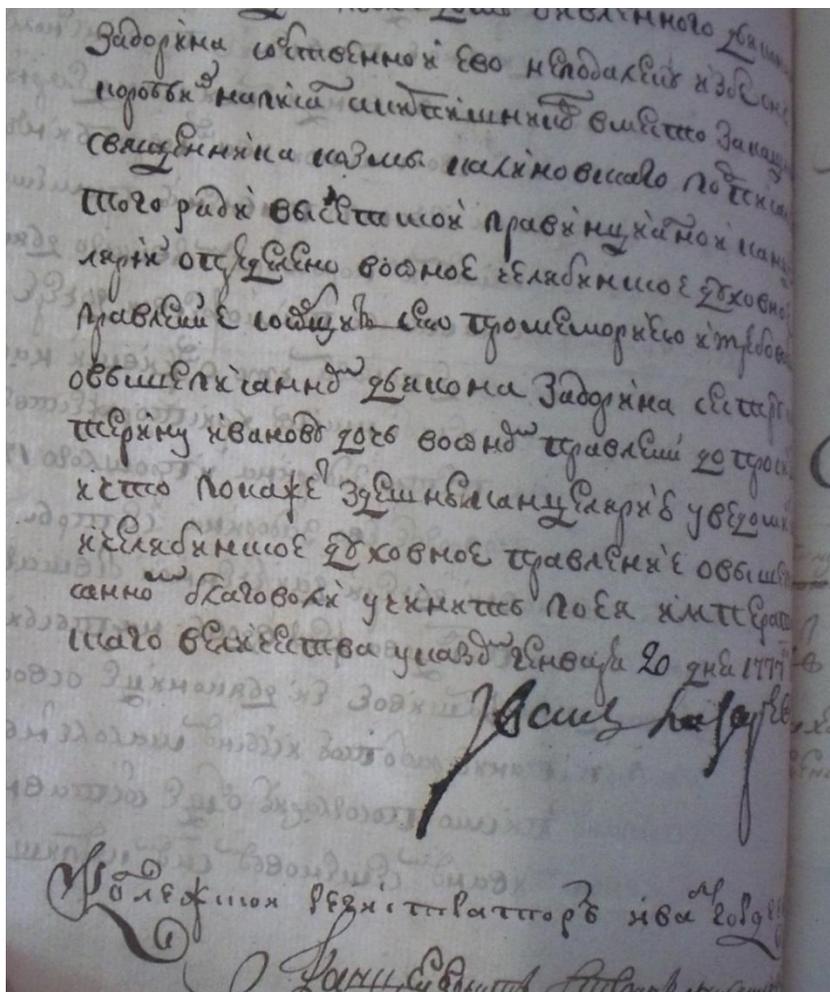
Автограф воеводы Исетской провинции и его заместителя, 1752 год: Князь Стефан Мещерский, Николай Аничков⁴⁹¹.

⁴⁹¹ ГАТ. И-156. Оп. 1. Д. 1464.

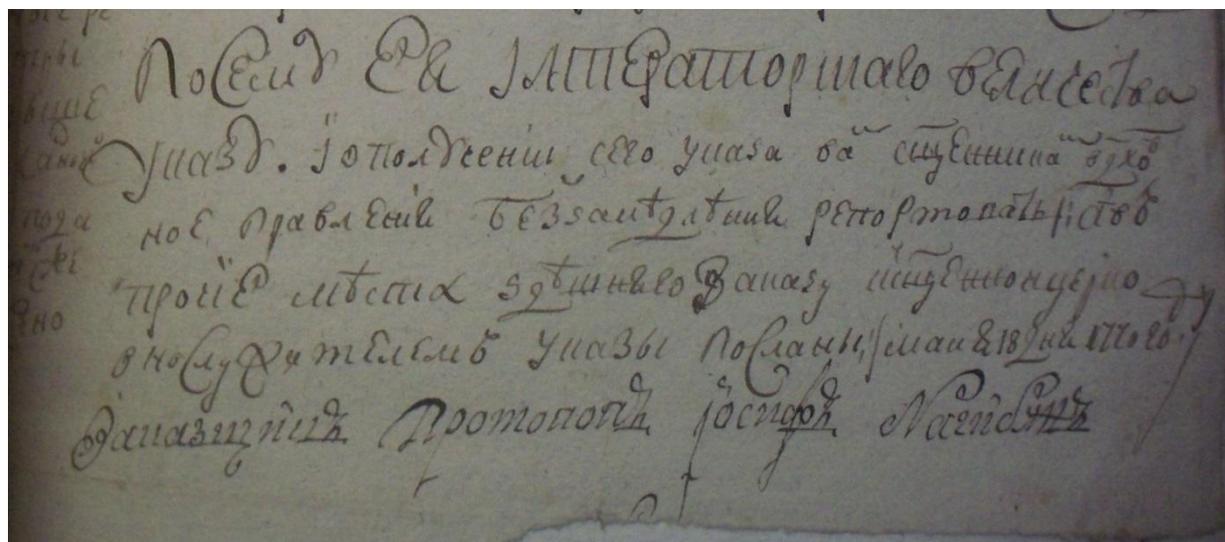
Приложение 5.

Автограф воеводы Исетской провинции в деле о провинности (превышение служебных полномочий) дьякона П. Задорина. Иван Лазарев⁴⁹².

⁴⁹² ОГАЧО. И-33. Оп. 4. Д. 1.

Автограф «заказчика» Иосифа Нагибина, 1770 год⁴⁹³.

⁴⁹³ ОГАЧО. И-33. Оп. 5. Д. 104.

Начальники Челябинского Духовного Правления в XVIII веке⁴⁹⁴.

<i>Фамилия Имя Отчество (место рождения, если известно)</i>	<i>Годы правления</i>	<i>Годы жизни</i>
1. Священник Миасской крепости – Ермил Лаврентьев Неводчиков	1745 – 1750	1699 – не ранее 1761 г. (под именем Евфим, в Тобольском Знаменском монастыре)
2. Петр Иванов Флоровский (Екатеринбург)	1750 – 1756; 1761 – 1768	1723 – 178 ?
3. Симеон Мефодьев	1756 – 1758	?
4. Священник Троицкой крепости – Яков Кудрицкий (Тобольск)	1759 – 1761	1726 – 1770
5. Иосиф Федоров Нагибин	1768 – 1774	?
6. Козьма Васильев Калиновский (Ялуторовск)	1775; 1777	1740 – ?
7. Григорий Мухин	1776 – 1777	?
8. Филипп Иванов Галляховский	1778 – 1785	1744 – 1785
9. Петр Андреев Топорков	1786 – 1789; 1792 – 1798	?
10. Корнилий Осипов Балярский	1789 – 1791	1739 – 1791

⁴⁹⁴ Составлено по Делах: ГАТ. Оп. 1. Д. 2324, 2922, Оп. 2 . Д. 2928; ГАОО. И-173. Оп. 11. Д. 18; ОГАЧО. И-33. Оп. 1. Д. 23, 23-а; Оп. 4. Д. 1; И-226. Оп. 1. Д. 2.